

Чс (Карау)
291

карау. 2008/2

Х. И. Суюнчев

**КАРАЧАЕВО -
БАЛКАРСКИЕ
И МОНГОЛЬСКИЕ
ЛЕКСИЧЕСКИЕ
ПАРАЛЛЕЛИ**

Черкесск—1977

Карачаево-Черкесский
научно-исследовательский
институт экономики,
истории, языка
и литературы

карач. 2008 г

Х. И. Суюнчев

**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ
И МОНГОЛЬСКИЕ
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

Карачаево-Черкесское отделение
Ставропольского книжного издательства
Черкесск, 1977

Автор приносит искреннюю благодарность профессору
Э. Р. ТЕНИШЕВУ, под руководством которого велась работа
над настоящим исследованием.

*Ответственный редактор—
доктор филологических наук
профессор М. А. Хабичев*

Сокращения

- ВЯ — Вопросы языкознания.
 ДАН — В — Доклады Академии Наук СССР (историко-филологическая серия).
 ВГИВЯ — Вопросы грамматики и истории восточных языков.
 ЗКВ — Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской АН.
 Изв. АН — Известия Академии Наук.
 ИСГТЯ — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков: ч. I, Фонетика. М., 1955; ч. II, Морфология. М., 1956; ч. III, Синтаксис. М., 1961; ч. IV, Лексика. М., 1962.
 М — Москва.
 М.—Л. — Москва — Ленинград.
 ИНИИ — Научно-исследовательский институт.
 СГМЯ — Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953.
 С.МОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 42. Тифлис, 1912.

С л о в а р и

- БМРС — Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951.
 МРС — Монгольско-русский словарь. М., 1957.
 РБМС — Русско-бурят-монгольский словарь. М., 1954.
 РКБС — Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965.
 РКС — Русско-калмыцкий словарь. М., 1964.
 РМС — Русско-монгольский словарь. М., 1960.

П о м е т ы

- азерб.* — азербайджанское слово
А. д. д. — Автореферат докторской диссертации
А. к. д. — Автореферат кандидатской диссертации
алт. — алтайское слово
башк. — башкирское слово
бур. — бурятское слово
б.-монг. — бурят-монгольское слово
гагауз. — гагаузское слово
др.-тюрк. — древнетюркское слово
ед. ч. — единственное число
каз. — казахское слово
калм. — калмыцкое слово
кирг. — киргизское слово
ккалп. — каракалпакское слово
кбал. — карачаево-балкарское слово
классич. — классическое монгольское слово
куман. — куманское слово
кумык. — кумыкское слово
малк. — слово из малкарского диалекта карач.-балкар. языка

<i>мн. ч.</i>	— множественное число
<i>монг.</i>	— монгольское слово
<i>ног.</i>	— ногайское слово
<i>орх.-енис.</i>	— орхоно-енисейское слово
<i>о.-монг.</i>	— ойрат-монгольское слово
<i>перс.</i>	— персидское слово
<i>п.-монг.</i>	— письменно-монгольское слово
<i>см.</i>	— смотрите
<i>ср.</i>	— сравните
<i>тат.</i>	— татарское слово
<i>тел.</i>	— телеутское слово
<i>тув.</i>	— тувинское слово
<i>тур.</i>	— турецкое слово
<i>туркм.</i>	— туркменское слово
<i>узб.</i>	— узбекское слово
<i>уйг.</i>	— уйгурское слово
<i>ук. соч.</i>	— указанное сочинение
<i>уч. зап.</i>	— ученые записки
<i>фольк.</i>	— фольклор
<i>хак.</i>	— хакасское слово
<i>х-монг.</i>	— халха-монгольское слово
<i>чув.</i>	— чувашское слово
<i>шор.</i>	— шорское слово
<i>як.</i>	— якутское слово

Условные обозначения

>	— превратилось в...; перешло в...
<	— развилось из из..., возникло из...
/	— параллельно употребляющаяся форма
≡	— тождество значений, равняется
≡	— гипотетическая форма
+	— плюс

Транскрипция

э	— знак для широкого, переднего, негубного гласного звука
ё	— знак для широкого губного переднего звука
ю	— знак для узкого губного переднего звука
в	— знак для губно-губного фрикативного звонкого согласного
къ	— Знак для заднеязычного смычного глухого согласного
гъ	— знак для заднеязычного фрикативного звонкого согласного
нъ	— знак для заднеязычного велярного звонкого согласного
х	— знак для фарингального глухого согласного
дж	— знак для звонкой переднеязычной аффрикаты

ВВЕДЕНИЕ

К вопросу о тюрко-монгольском языковом родстве

Карачаево-балкарский язык относится к тюркской семье языков. По классификации А. Самойловича он нашел себе место в подгруппе «тау» — диалектов северо-западной группы тюркских языков, наряду с «кумыцким, ...караимскими и татарскими»¹, а по классификации Н. А. Баскакова — в кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакской группы тюркских языков².

История языка, в особенности история его лексики, тесно связана с историей народа — носителя данного языка. В процессе своего развития язык формирует все свои элементы, в том числе и словарный состав. При этом, безусловно, ведущую роль играет своя исконная лексика, которая пополняется путем развития внутренних языковых ресурсов и путем заимствования слов из других языков. Не составляет в этом отношении исключения и карачаево-балкарский язык, лексика которого также делится на исконную и заимствованную. Встречаются заимствования из самых различных языков. Но и исконная лексика оказывается неоднородной и делится на две группы: а) собственно-тюркский или, как его еще называют, общетюркский пласт, который является древней, основной и самой многочисленной группой; б) лексика, общая для тюркских и монгольских языков.

Вопрос о взаимоотношениях тюркских и монгольских языков давно привлекает внимание ученых. Одни из них находят, что тюркские и монгольские языки ге-

¹ А. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Петроград, 1922, стр. 10--11.

² Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. Москва, 1969, стр. 351.

нетически родственны¹. Они приходят к такому заключению на основании выявленных ими регулярных звуковых соответствий в значительной части корней слов, которые обнаруживаются при сравнительно-историческом изучении тюркских и монгольских языков — древних и современных. По мнению этих ученых такие фонетические и лексические соответствия обусловлены тем, что тюркские и монгольские языки происходят от одного языка-основы, т. е. от общего предка, одинаково оставившего в наследие свои черты и тем, и другим языкам. Б. Я. Владимирцов писал: «Монгольский язык, как это показывают ряды соответствий, находится в ближайшем родстве с языком тюркским, вместе с которым он переживал общую эпоху; это значит, что языки монгольский и тюркский представляют из себя две разные формы развития одного общего языка, который сам, в свою очередь, восходит к алтайскому языку»².

Касаясь родства тюркских и монгольских языков, Б. М. Юнусалиев отмечает, что если тюркские языки являются между собой близкородственными, то тюркские и монгольские языки — языки дальнеродственные, что они восходят к одному языку-основе, имевшему, вероятно, в свое время внутренние диалектные различия. «Современные тюркские и монгольские языки — суть результат исторического изменения и развития алтайского языка-основы, из которого выделились сначала общемонгольский и общетюркский языки-основы, из ко-

¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Ленинград, 1929; Б. Я. Владимирцов и Н. Н. Поппе. Из области вокализма монголо-турского праязыка. Доклады Рос. АН, 1924, апрель-июнь. Ленинград; Там же: Н. Н. Поппе. К консонантизму алтайских языков; М. И. Ряснянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955; См. также: Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам. Изв. Рос. АН, 1925, т. XIX, № 1—5; Б. М. Юнусалиев. Киргизская лексикология, часть I. Фрунзе, 1959, стр. 27, 209 и следующие; Ц. Д. Номинханов. Исследования по тюркским и монгольским языкам. Алма-Ата, 1966; Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. М., 1957; Его же: Zur verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen. Хельсинки, 1912; Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte. I—II—Keleti Szemle, 15; III—Keleti Szemle, 16.

² Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 45—46.

торых в свою очередь — современные тюркские и монгольские языки»¹.

Один из наиболее ярких представителей алтайского сравнительно-исторического языкознания Г. И. Рамstedт тоже находит алтайские языки родственными и свои усиленные запытия морфологией объясняет стремлением свести все сказанное об этих языках, «как некой генетически замкнутой в себе языковой семье, воедино»².

Ц. Д. Номинханов на основе тщательного анализа многих тюрко-монгольских терминов из различных сфер лексики приходит к выводу: «Мы здесь обнаруживаем не простое совпадение отдельных слов, как результат эпизодического соприкосновения языков, а нечто более важное, свидетельствующее о многовековой совместной жизни предков тюркских и монгольских народов, которые сообща создавали термины по животноводству»³.

Исследователи приходят к такому заключению на основе анализа реальных фактов как тюркских, так и монгольских языков, исходя из общности фонетических законов их развития, общности многих грамматических элементов и лексем, характеризующих строй и происхождение этих языков.

В тюркологической науке имеются определенные тенденции связывать язык древнетюркских письменных памятников непосредственно с тем или иным современным тюркским языком. Между тем, можно с уверенностью утверждать, что ни один из современных тюркских языков не является единственным наследником общетюркского языка-основы, и даже языка древнетюркских памятников, который не столь древен, как общетюркский язык-основа. Здесь можно говорить лишь о том, что унаследовал тот или другой современный язык от языков периода древне-тюркских памятников письменности, что роднит их и что разделяет, какие факты древнего языка не прижились в современном языке и что нового

¹ Б. М. Юнусалиев. Киргизская лексикология, часть I. Фрунзе, 1959, стр. 28.

² Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 26.

³ Ц. Д. Номинханов. Термины животноводства в тюркских и монгольских языках. АН Казахской ССР. Труды сектора Востоковедения, том I. А-Ата, 1959, стр. 87.

в нем, которое отсутствовало в древнем. Такая особенность развития родственных языков уже отмечена учеными: «...можно предполагать с большой долей вероятия, что ни одно из современных монгольских наречий не восходит непосредственно к общемонгольскому языку; все они являются результатом смешения и развития среднемонгольских диалектов, представители которых известны до некоторой степени по текстам XIII и XIV вв.»¹.

Деление языка-основы на диалекты, а затем появление на базе этих диалектов различных языков, является одним из законов развития языков, когда происходит их дифференциация. Это наглядно подтверждается на примере многих семей родственных языков. «Каждый из новославянских языков и диалектов сохранил какие-нибудь особенные, потерянные другими слова, окончания и звуки общего их прародителя, древнего славянского (языка)», — говорит А. Х. Востоков относительно современных славянских языков².

Эту же мысль находим у Л. П. Якубинского: «Сходства славянских языков объясняются тем, что они образовались на общей основе; этой общей их основой был общеславянский язык с его родственными диалектами возникшими путем разделения праславянского племенного диалекта. В этом смысле все славянские языки — родственные языки. Сходство их есть оборотная сторона их родства, их общего происхождения»³.

В отношении германских языков наблюдается то же самое. «Диалект, который нам история представляет в виде самого древнего и наименее испорченного, должен устанавливать правила для общего описания всех разветвлений племени и преобразовать уже вскрытые законы более поздних наречий, не уничтожая их при этом»⁴. Еще одно подтверждение того, что, определяя родство языков, следует исходить из их грамматического и зву-

¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 44.

² А. Х. Востоков. Рассуждение о славянском языке. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX вв. М., 1956, стр. 50.

³ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 62—63.

⁴ Я. Гримм. Предисловие к немецкой грамматике. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX вв. М., 1956, стр. 53.

кового строя и древнего словарного фонда. Если наличествует явная общность в грамматическом и звуковом строе, а также в словарном фонде, то языки родственные, вот почему «когда говорят, что романские языки родственны между собой, то это означает, что они возникли от одного источника — латинского языка»¹.

Следует отметить, что языки какой-либо одной семьи, например, тюркской, связаны между собой прямым родством. Родство же тюркских и монгольских языков носит иной, более общий и более древний характер и проявляется в общности типологии структуры, в определенных звуковых и грамматических соответствиях, в наличии общих тематических пластов лексики, как термины животноводства, названия частей тела человека и т. д.

Изучение вопроса о характере родства тюркских и монгольских языков имеет определенные успехи. Но они так незначительны, что еще нет исследований, которые неопровержимо доказали бы общность их происхождения. Поэтому неудивительно, что и в наши дни имеются ученые, которые не разделяют алтайскую теорию. Некоторые исследователи считают преждевременным, а иные и невозможным говорить об этом. Очень осторожны в этом вопросе П. Мелиоранский², В. Котвич³. Г. Д. Санжеев в статье «Б. Я. Влидимирцов — исследователь монгольских языков» подчеркивает, что мысль о генетическом родстве алтайских языков является не больше, чем гипотезой⁴. «Дело в том, что тюркские и монгольские языки входят в одну тюрко-монгольскую подгруппу, представляющую особую ветвь в составе алтайских языков, предположительно образовавшихся от одного алтайского языка-основы. Следовательно, монгольские и тюркские языки априори имеют слова, общие для всех них, восходящие к лексике алтайского языка-основы...»⁵. И. А. Батманов считает, что «Те срав-

¹ Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1958, стр. 359—360.

² См. статью П. Мелиоранского «Урало-алтайские языки» в энциклопедическом словаре: Ф. Брокгаус, И. А. Ефрон, т. XXIV — а, стр. 862.

³ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962.

⁴ Филология и история монгольских народов. М., 1958, стр. 25.

⁵ Г. Д. Санжеев. Современный монгольский язык. М., 1960, стр. 30—31.

нения, которые делаются алтаистами и являются результатом их титанического труда, не дают еще оснований категорически утверждать факт единства происхождения по крайней мере хотя бы маньчжуро-тунгусских, монгольских и тюркских языков»¹. Более категорично в этом вопросе мнение А. М. Щербака: «Объем лексических связей между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками весьма значителен, однако природа и характер их таковы (обусловленность контактами и отчетливо выраженная региональность), что говорить о генетическом родстве указанных языков не представляется возможным»².

В дальнейшем усилия сторонников алтайской теории, видимо, будут направлены на детальное изучение всех тюркских и монгольских языков для выявления как можно большего количества конкретного языкового материала, доказывающего их точку зрения. Надо полагать, что и сомневающиеся, и прямые противники теории алтаистики не будут сидеть сложа руки. Таким образом, закон диалектики о том, что нет в мире непознаваемых вещей, есть вещи еще не познанные силой науки и практики, найдет свое проявление и в вопросе о родстве языков, и не только тюркских и монгольских, а в масштабе более широком. Еще в XVIII веке появилась Урало-алтайская теория³, которая считает генетически родственными не только алтайские (тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские), но и уральские (угро-финские и самодийские) языки.

Гипотезу еще более широкого родства языков индоевропейских, семито-хамитских, уральских, алтайских и др. выдвинул Х. Педерсен⁴.

Эти гипотезы имеют своих сторонников и в настоящее время⁵.

¹ И. А. Батманов. Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. Фрунзе, 1966, стр. 8.

² А. М. Щербак. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. ВЯ, 1966, № 3, стр. 35; его же: Об алтайской гипотезе в языкознании. ВЯ, 1959, № 6.

³ Strahlenberg Ph. J. Das Nord und Ostliche Teil von Europa und Asia Stockholm, 1730.

⁴ H. Pedersen. Türkische Lautgesetze, «Zeitschr der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, LXXV, 1903, стр. 560 — 561.

⁵ См., напр.: А. Б. Долгопольский. Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии с вероятностной точ-

Все это говорит о том, что для решения вопроса о характере родства языков необходимы новые исследования сравнительного характера как в диахроническом, так и в синхроническом плане, особенно в лексике, что подчеркивается и другими исследователями. Г. Д. Санжеев считает, что дальнейшее продвижение вперед сравнительно-исторической алтанстики возможно лишь в том случае, если известные достижения первых ученых будут дополнены исследованиями по исторической грамматике и диалектологии отдельных алтайских языков, по лексикологии и этимологии, чтобы определить, что же представляют собой алтайские языки в лексическом отношении, что в их лексике относится к исконному, т. е. восходит к словарному составу предполагаемого алтайского праязыка и что из лексики нужно признать взаимными заимствованиями¹. Подобную мысль высказывает и А. М. Щербак: «...на вопрос о том, с чего целесообразнее начинать исследование алтайской проблемы, следует ответить: с определения объема и характера лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Для этого необходимо сопоставить разные тематические группы лексики, проанализировать параллели, выделить и исследовать заимствования и всесторонне оценить соотношение сходных и различающихся слов»².

Но здесь на пути исследователей стоят специфические трудности, являющиеся, как отмечает Л. Лигети, следствием особых условий развития тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков³, которые после выделения из языка-основы развивались далеко не изолированно друг от друга. Носители этих языков, на-

ки зрения. ВЯ, 1964, № 2; Г. П. Мельников. Генетические связи тюркских языков. «Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков 13—15 июня 1967 г. «Тезисы сообщений». М., 1967.

Г. Д. Санжеев. Б. Я. Владимирцов — исследователь монгольских языков. История и филология монгольских народов. М., 1958, стр. 26.

А. М. Щербак. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. ВЯ, 1966, № 3, стр. 23.

³ Л. Лигети. Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I. М., 1953 (рецензия). ВЯ, 1955, № 5, стр. 134.

чая с самых древних времен, многократно вступали друг с другом в длительные и интенсивные соприкосновения, в результате чего, безусловно, оставались следы в словарном составе отдельных алтайских языков. Это затрудняет определение заимствованных слов, т. к. всякое турецкое слово, попав на монгольскую почву, не будет противоречить фонетическим представлениям монгольского языкового мира, и наоборот¹. Как отмечал Б. Я. Владимирцов, при определении тюркских заимствований в монгольских языках, и наоборот, невозможно пользоваться методом фонетического анализа. Но все же к концу своей жизни академик Б. Я. Владимирцов стал более решительно утверждать родство алтайских языков, наличие алтайской семьи языков.

В данном исследовании общий тюрко-монгольский пласт исконной лексики мы выделяем исходя из того, что его наличие—факт, игнорирование которого не даст никакого ответа на вопрос о тюрко-монгольском языковом родстве. Выделение же его и сравнительно-сопоставительное изучение с лексикой монгольских языков способствует выявлению черт, как общих для тюркских и монгольских языков, так и разделяющих их. Это диктуется еще и тем, что мало работ по изучению источников формирования лексики карачаево-балкарского языка, в числе которых имеется такой канал, который сближает его с монгольскими языками. На эту тему имеются лишь две работы². К сожалению, ученые, занимающиеся вопросами тюрко-монгольского языкового родства, не привлекали карачаево-балкарский материал ввиду того, что не было исследований, отражавших его особенности. Научное изучение карачаево-балкарского языка началось в основном в советское время. До Великого Октября этот язык был объектом исследования лишь немногих ученых. В 1897 году народным учителем А. Кириченко был составлен русско-карачаевский словарь объемом около 5 печ. листов, но он до сих пор

¹ Б. Я. Владимирцов. Турецкие элементы в монгольском языке. Записки восточного отделения Русского археологического общества, СПб., 1911, т. XX, вып. II—III, стр. 156.

² Х.-М. И. Хаджилаев. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970; А. А. Булакова-Баранникова. Карачаево-монгольские языковые параллели. Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт экономики, истории, языка и литературы. Труды, вып. V (серия филологическая). Черкесск, 1968.

не увидел света. Из числа дореволюционных исследователей карачаево-балкарского языка особо следует отметить В. Прёле¹, который в 1908—1916 годах посетил Карачай и Балкарию, выпустил ряд работ, где описал фонетический и морфологический строй речи карачаевцев и балкарцев. Он уделил большое внимание лексике, дал списки слов с переводом на немецкий язык, целью которых является иллюстрация фонетических и морфологических наблюдений автора. Несмотря на некоторые ошибки в фонетике и орфографии, исследования В. Прёле сохраняют свою научную ценность до наших дней.

В 1911—1912 годах выходит в свет работа Ю. Немета². В 1912 году появляется работа Н. А. Караулова³, которую автор завершает небольшими русско-балкарским и балкарско-русским словарями.

После Октябрьской революции изучение языка и его лексики становится неотъемлемой частью важнейшей задачи свершения культурной революции в стране. Вводится всеобщее обучение, издаются буквари для детей и взрослых, учебники для школ, книги для групп по ликвидации неграмотности. В тридцатых годах появляются новые научные исследования⁴. В эти же годы издается ряд учебников и переводных словарей⁵.

¹ W. Pröhle. Karatschaisches Wörterverzeichnis. Keleti Szemle, t. X, Budapest, 1908. Karatschaische Studien. Keleti Szemle, X, Budapest, 1909; Balkarische Studien. Keleti Szemle, XV—XVI, Budapest, 1914—1916.

² G. Nemet. Kumük tanılmányok, I, Reisz.: Kumük es Balkar szojegizek. (Kumükisches und Balkarisches Wörterverzeichnis). Keleti Szemle, XII (1—2). Budapest, 1911—1912.

³ Н. А. Караулов. Краткий очерк грамматики горского языка «болкар». «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», № 42. Тифлис, 1912.

⁴ У. Дж. Алиев. Грамматика карачаево-балкарского языка (горско-тюркский язык). Кисловодск, 1930; А. К. Боровков. Очерки карачаево-балкарской грамматики. «Языки Северного Кавказа и Дагестана», вып. I, М.-Л., 1935.

⁵ У. Б. Алиев. Малътар тилин грамматикасы. 1—2 кесек. Нальчик, 1939; И. Акбаев. Тылмач. Русско-карачаевский словарь. Баталлинск, 1926; В. П. Антонъв-Саратовский. Русско-балкарский разговорный справочник. Нальчик, 1930; Р. Шаумян. Балкарская лексика. «Языки Северного Кавказа и Дагестана», т. I, М.-Л., 1935; А. Чанкаев. Орфографический словарь. Микоян-Шахар, 1939; Русско-балкарский школьный справочный словарь. Нальчик, 1940; Х. О. Лайпаров. Х. Т. Тохчуков. Русско-карачаевский словарь. Микоян-Шахар, 1941.

Начиная с 1957 года издан целый ряд исследований¹. Эти достижения карачаево-балкарского языкознания позволяют предпринять сравнительно-сопоставительное изучение карачаево-балкарских и монгольских лексических сходжений. При этом не ставится задача выявления всех параллельно употребляющихся слов. Исследование охватывает около 800 лексем и не претендует на решение вопроса о том, являются ли все общие в тюркских

¹ У. Б. Алпиев. Малкъар тилни грамматикасы, I кесек. Нальчик, 1958; его же: Къарачай тилни грамматикасы, II кесек. Черкесск, 1959; его же: Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках (на материалах русского, карачаево-балкарского и киргизского языков), часть I. Черкесск, 1959; часть II. Нальчик, 1959.

А. М. Байрамкъуллайы. Къарачай тилни грамматикасы, I кесек. Черкесск, 1958; II кесек. Черкесск, 1959; его же: Къарачай тилде къош айтым. Труды Карачаево-Черкесского госпединститута, вып. III. Нальчик, 1960.

А. М. Аппаев. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960.

Т. Х. Куашева и А. Х. Соттаев. Русско-кабардино-балкарский разговорник. Нальчик, 1960.

Х. Х. Кадиев и Х. С. Малкондуев. Русско-балкарский политико-терминовогический словарь. Нальчик, 1961.

М. А. Хабичев. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961.

Х.-М. И. Хаджилаев. Послелог и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1962.

И. Х. Урусбиев. Спряженне глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1963.

Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963.

Къарачай малкъар тилни грамматикасы. Нальчик, 1964.

Х. И. Суюнчев и И. Х. Урусбиев. Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965.

А. Ю. Бозисв. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965.

А. Ж. Будаев. Система фонем современного карачаево-балкарского языка. А. к. д. Баку, 1967.

И. Х. Ахматов. Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1968.

А. Х. Соттаев. Имя существительное в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1969.

Х.-М. И. Хаджилаев. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.

М. А. Хабичев. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.

С. А. Гочияева. Наречие в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1973.

и монгольских языках слова наследием языка-основы, следовательно, признаком их генетического родства, или эти слова являются взаимными заимствованиями эпох, не засвидетельствованных историей, а также позднейших. Одно бесспорно: среди общих слов есть и заимствованные друг у друга, но есть и исконные. Исследователи уже подчеркивали трудности проведения грани и предлагали методы, способы, приемы определения заимствований. Один из основных критериев здесь — фонетические соответствия. Но фонетический анализ зачастую невозможен. Тогда ученые применяют учет морфологических и семантических особенностей слов. Н. А. Баскаков применяет еще учет географического расположения языков¹: восточные тюркские языки в поздние времена подвергались большему монгольскому влиянию, поэтому у них больше поздних заимствований, чем в западных тюркских языках. Но и здесь нужна максимальная осторожность.

Учитывая все изложенное, рассмотрим карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Думается, что это небезынтересно как для сторонников алтайской теории, так и для не признающих её, т. к. карачаево-балкарский язык на протяжении многих веков развивался в условиях почти полной изоляции от монгольских и тюркских языков, что исключает возможность позднейших заимствований, чего нельзя сказать в отношении некоторых тюркских языков Средней Азии и Сибири. Приступая к изложению, мы помним, что установление и изучение семантических пучков и фонетических соответствий способствуют пониманию развития лексики того или иного языка.

Структура нашей работы такова: мы сопоставляем карачаево-балкарские слова, взятые в современной форме, с монгольскими. Выявленные общие слова расклассифицированы по частям речи. Имена существительные разделены на 16 тематических групп. Слова в группе приводятся в алфавитном порядке. В начале статьи приводится карачаево-балкарский литературный вариант слова, за ним вариант малкарского диалекта карачаево-балкарского языка, т. к. он зачастую стоит ближе к монгольскому, чем литературный. После малкарского следует ногайский вариант. Материалы из других тюрк-

¹ Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1958, стр. 36.

ских языков привлекаются по мере необходимости, для более яркой иллюстрации общности происхождения вариантов слова. После перечисления тюркских приводим монгольские варианты. Если значение слова во всех приводимых тюркских языках совпадает, то даем один перевод. Когда же значения разные, то перевод дается после каждого языка. Так же и по монгольским языкам. В конце сопоставления каждого слова указываются фонетические, изредка — морфологические соответствия, хотя мы особо не останавливаемся на них. Они составляют тему специальных исследований и в задачи данной работы не входят. Лишь в разделе о личных местоимениях мы сравниваем наряду со значением и форму слова. Источником наших выводов служат в основном семасиологические сопоставления.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Встречающиеся в области имен существительных лексические параллели разделены на тематические группы.

1. Названия частей тела человека и животных

При изучении вопроса о генетическом родстве языков особенный вес следует придавать названиям частей тела человека и животных, т. к. они реже заимствуются из одного языка в другой¹. В этой группе тюркские и монгольские языки имеют много общих слов.

Кбал. *азав*, ног. *азув* «клык»; б.-монг. *араа* «коренной зуб, клык» (у животных); чув. *вара шале* «клык» (у лошади). Здесь обращает внимание на себя то, что в словах, где наблюдается чередование *p—z* внутри тюркских языков, звук *p* сохраняется в чувашском языке. Кроме соответствия *p—z*, здесь отмечается соответствие кбал.—ав, монг.—аа.

Кбал. *аркѡа* «спина, спинной хребет», *арт* «зад, задняя часть»; ног. *арка*; х.-монг. *ар(а)*, б.-монг. *ара*, о.-монг. *ар(у)* «спина», «зад, задняя часть, хребет». В этом слове выделяется общая часть *ар*.

Кбал. *аякѡ I* «чашка, тарелка»; ног. *аякѡ*; б.-монг. *аяга* «чаша, чашка; стакан; глубокая тарелка», монг. *аяга(н)* «чашка, пиала, кружка»; калм. *аах* «чашка». Соответствие *кѡ—(г—х)*.

Кбал. *аякѡ II* «нога; устье; конец»; *Джѡгетей аягѡы* «устье Джегуты»; ног. *аяк* «нога», б.-монг. *адаг*, калм. *адг* «конец, устье реки»; п.-монг. *адак* «конец, крайний предел; исход». Соответствие *й—д, кѡ—г*.

¹ М. Ряснянен. Об урало-алтайском языковом родстве. ВЯ, 1968, № 1, стр. 48.

Наличие этих омонимов в карачаево-балкарском языке и отсутствие их в монгольских говорят о своеобразии развития фонетического состава одних и тех же слов в тюркских и монгольских языках. В данном случае нетрудно установить, что это одни и те же слова в тюркских и монгольских языках, потому что звуковой состав слов изменился незначительно и имеющиеся различия покоятся на определенных фонетических соответствиях. Но есть очень много слов, которые в процессе обособленного развития в тюркских и монгольских языках приобрели сильно отличающиеся звуковые формы. На слух и орфографически они воспринимаются как разные слова: кбал. *чыначыкъ*, каз. *шынашак* «лоскоть»; б.-монг. *шэгшэгэй*, калм. *чивчкэ* «мзинец».

Зачастую в карачаево-балкарских и монгольских словах сохраняются общие элементы, которые воспринимаются как корень, но трудно назвать их гипотетической формой корня, т. к. корень — категория развивающаяся¹. Для этого необходимо произвести специальные исследования по каждому корню отдельно кбал. *бел* «поясница», чув. *пилек*, б.-монг. *белхююхэ(н)* «поясница, талия». Кбал. *туякъ* «копыто»; тат. *тоякъ*, орх. *туйугъ*, якут. *туйыкъ*; п.-монг. *тугурай*, х.-монг. *туурай*, б.-монг. *туруу(н)*, о.-монг. *турун*. Кбал. *аркъа* «спина, спинной хребет», *арт* «зад, тыл»; б.-монг. *ара* «спина, зад».

Только исследователь, вооруженный знанием звуковых соответствий и путей развития звуков и их комплексов в тюркских и монгольских языках, может реконструировать первоначальный состав звуков слова и восстановить этимон.

Кбал. *бавур*, ног. *бавыр* «печень»; п.-монг. *бюгэрэ*, монг., калм. *бёёр*, б.-монг. *бёёрэ* «почка».

Кбал., ног. *без* «железа»; б.-монг., калм. *бер*. Ср. кбал. *берч* «мозоль». Чередование *р—з* в тюркских и монгольских языках уже отмечено исследователями².

Кбал. *бёскюн*, *бёскюн* «часть тела животного»; *ал бёскюн* «передняя часть тела»; *арт бёскюн* «задняя

¹ Б. М. Юнусалиев. Киргизская лексикология, часть I. Фрунзе, 1959, стр. 35 и след.

² Напр.: Б. Я. Владимиров. И. Н. Березин — монголист. Записки коллегии востоковедов при азиатском музее. Рос. Акад. Наук, том I, 1925, стр. 193.

часть тела»; б.-монг. *бёксн* «задница», х.-монг., калм. *бёкс* «зад»; б.-монг. *бюгсэ, бюхэ* «зад». Казахская и каракалпакская форма (*бёксе*) со значением «задняя часть тела, бок» стоят ближе к монгольским и по форме, и по семантике. В этих языках, как и в монгольских, по-видимому, произошел перенос значения по смежности от более общего понятия (задняя или передняя часть тела животного) на менее общее, частное (зад, задница).

Кбал. *богзурдакъ* «горло, глотка»; п.-монг. *багалц-загур*, о.-монг. *бахлур*, монг. *бухлуур*.

Кбал., ног. *бой* «рост»; монг. *бод(э)*.

Кбал. *борбай* «часть тела»; перен. «сила, богатство, достаток», ног. *борбай* «шкра ноги»; п.-монг. *борби, борриби* «голень, сухожилия в коленной части ног», б.-монг. *борьбо*, о.-монг. *бёров* «голень». Соответствие звуков *о—ё, ай—и*. Мягкость гласного второго слога в карачаево-балкарском обусловлена наличием *й* на исходе слова: *борбай*. В монгольских языках это явление выражено разными способами: п.-монг. *борби, борриби*, т. е. во втором слоге гласное переднего ряда; б.-монг. *борьбо* — мягкий оттенок слову дает палатализованный *рь*; в о.-монг. мягкий гласный уже в первом слоге: *бёров*.

Как могло так удалиться развитие семантики этого слова в карачаево-балкарском и монгольских языках? Это удаление лишь кажущееся, в идиоматических выражениях карачаево-балкарского языка за этим словом сохранилось значение «нога», как конечность: *бутларым кзыйылды* = *болбайларым кзыйылды* «у меня ноги подкосились», «я обессилел».

Вот так выясняется этимология карачаево-балкарского *«борбайларым кзыйылды»*, которая из одного современного карачаево-балкарского языка не объясняется.

Кбал. *быгъын* «пнижние (задние) три ребра»; х.-монг. *богонь хабирга*, б.-монг. *богони хабирга* «короткое ребро, ложное ребро»; о.-монг. *бууни хавсн* «ложное ребро». Ср. еще монг. *мах(ан), мяхан* «мясо», *богино* «короткий», кбал. *быгъын* семантически связан с монг. *богино*, т. к. последние три ребра — короткие. Соответствие звуков *ы—о, ы—и*.

Кбал. *джал*, малк. *зал*, ног. *ял* «грива»; монг. *дэл*, б.-монг. *дэлхэн*, калм. *дел*. Ср. г.-алт. *двал*. Соответствие звуков *дж—д*, *а—(э—е)*.

Кбал. *джамыз*, малк. *замыз*, ног. *ямыз* «пах»; б.-монг. *сами*, монг. *цавь*, калм. *цэв*.

Для сравнения приведем еще формы: каз. *шап*, кирг. *чап*, узб. *чов* «пах, задняя часть лошади». В тюркских формах налицо чередование в начале *ч—дж—ш*, а в монгольских *ц—с*, а между тюркскими и монгольскими языками чередование *ч—ц*, *ш—с* имеет место. Следует отметить еще соответствие гласных *а—е*, но самым интересным соответствием в этом слове является соответствие *м—(в—вь)*. Исходя из казахской, киргизской и монгольских форм, можно предположить, что звук *з* является показателем множ. или двойственного числа, т. к. у карачаевцев отличается левый и правый *джамыз*.

Кбал. *дживрун*, млк. *зазрун*, ног. *явырын* *калак* «лопатка» (анат.); классич. *джагура*, халх. *зуур*, бур. *зуура*, ордос. *джуур*, *джуура*. монгор. *дзиооро* «в, между, в момент». Образовано от *джагур* «промежуток» (СГМЯ—233). Соответствие звуков *дж—(дж—дэ—з)*, *д—г*.

Кбал. *джелин*, малк. *зелин*, ног. *елин* «вымя»; саг. *челин*, г.-алт. *дъели*, *телди*, тел. *тэлин*; монг. *дэлэн(г)*, б.-монг. *дэлэн*, калм. *делнг*. Соответствие согласных *дж—д*. Гласных *е—э*, *и—э*.

Кбал. *джумдурукъ*, ног. *юмырык* «кулак»; б.-монг. *юдарга*. Ср. саг., шор. *нүзрук*, тат. *йодрык*.

Кбал. *джух* «морда, лицо»; бур. *зухар* «лицемер». Соответствие *дж—з*, *х—х* (гортанный).

Кбал. *джюз*, малк. *юз*, ног. *юз* «лицо, поверхность» (земли). В карачаево-балкарском языке слово «джюз» — архаизм, сохранилось в словосочетаниях типа: *джер джюзю* «поверхность земли», *аман джюзюнге учрайми* в значении: я не боюсь тебя, делай, что хочешь. *Аны неге ушагъан джюзю барды?* «На что похоже его лицо?», бур. *зухар* «лицемер», монг. *зюс(эн)*, калм. *зюс(н)* «масть, вид, внешность; цвет кожи». Соответствие *дж—з*, *з—х*, *у—ю*.

Кбал. *джюрек*, малк. *зюрек*, ног. *юрек* «сердце»; б.-монг. *зюрхэ(н)*, калм. *зюрке(н)*, монг. *зюрх*. Ср. п.-монг. *жирухен*. Соответствие *дж—з*.

Кбал., ног. *кекел* «челка, хохолок»; б.-монг. *хюхэл* «челка» (у лошади), калм. *кюкл* «волосы» (на голове человека). Соответствие *к—х*, *е—ю*, *е—э*.

Кбал. *кёкюрек*, ног. *коькирек* «грудь»; монг. *хёх(ён)*, б.-монг. *хюхэн*, калм. *кёкн* «женская грудь». Соответствие *к—х*, *ё—ю*.

Кбал., ног. *киндик* «пуп, пупок, пуповина»; монг. *хюйс*, *хюй*; б.-монг. *хюйхэн*, калм. *киисн* (пуп). Соответствие *к—х*, *й—ю*, *й—н*.

Кбал. *кѣбыргѣа*, ног. *кабырга* «бок; стена»; б.-монг., х.-монг. *хабирга*; калм. *хавирга* «ребро, бок; сторона». Соответствие звуков *кѣ—х*, *б—в*, *ы—и*.

В карачаево-балкарском это слово утратило значение «ребро» и сохранилось в значении «бок». По-видимому, первоначально слово имело оба эти значения. В пользу такого предположения говорит то, что в монгольских языках эти значения сохранились до наших дней, а в тюркских языках, кроме карачаево-балкарского, это слово имеет значение «ребро» в следующих языках: каз., ккалп., кирг., тат., г.-алт. *кѣбыргѣа*, узб. *кѣовургѣа*, уйг. *кѣову(р)гѣа*, осм. *ковурга*, хак. *хабыргѣа*, туркм. *гапыргѣа*, азерб. *гѣабыргѣа* «ребро».

Как видно из этого примера, переход начального *кѣ* в *х* наблюдается между тюркскими и монгольскими языками, внутри тюркских языков и даже внутри одного тюркского языка, напр., балк. *кѣоншу*, карач. *хоншу* «сосед»; балк. *кѣую*, карач. *хую* «колодец».

Что касается перехода (или чередования) *кѣ* — *х* — *гѣ* в начале слова, то и это явление также встречается как между тюркскими и монгольскими языками, так и внутри тюркских языков: кбал. *кѣары* «локоть», б.-монг. *гар* «рука», кбал. *кѣабыргѣа* «бок», х.-монг. *хабирга* «ребро», азерб. *габыргѣа* «ребро».

По этим же законам объясняется переход *к* перед мягкими гласными в *х*—мягкое: кбал. *кёкюрек*, монг. *хёх(ён)*.

Кбал. *кѣандагѣай* «лось»; монг. *кѣандагѣай*¹.

Кбал. *кѣары*, ног. *кары* «локоть» (мера длины от локтя до конца пальцев); б.-монг., калм. *гар* «рука», монг. *гар* «рука; сторона». Соответствие *кѣ* — *г*. Из

¹ М. Рясянен. Об урало-алтаиском языковом родстве. ВЯ, 1968, № 1, стр. 47.

этого корня образовано еще кбал. *къарыш*, означающее меру длины, равную расстоянию между вытянутыми большим пальцем и мизинцем.

Кбал. *къувукъ*, ног. *кувык* «мочевой пузырь»; монг. *хуух* «мошонка, кожа головы». Соответствие звуков *къ* — *х* в начале и на исходе. Карачаево-балкарскому сочетанию трех звуков *у+в+у* соответствует долгое *уу*. У карачаевцев есть обычай отдавать мочевой пузырь убойного скота детям, которые надувают его, завязывают и играют с ним. Надутый пузырь напоминает по форме мошонку, а по виду — безволосую кожу головы. Логическая вероятность развития семантики в тюркских и монгольских языках нам кажется возможной. Но в этом отношении монг. *хуух* можно сблизить и с кбал. *къутукъ* «безволосый, лысый».

Кбал. *къыл*, ног. *кыл* «конский волос»; п.-монг. *хилгасун*, монг. *хялгас(ан)*. Ср. кбал. *къыллы* монг. *хялгаст* «с волосом» (конским); о.-монг. *кылгсы*, б.-монг. *хилгааха(н)*. Ср. чув. *хелек* «волос» (конский); як. *кыл* — «хвостовой конский волос», *кыланг* «конские волосы».

Кбал. *манъылай*, ног. *манълай* «лоб»; монг. *магнай*, б.-монг. *магнай*, *мангилай*, калм. *мангна* «лоб, чело».

Кбал. *мулда* «холка» (лошади); монг., б.-монг. *мундаа*. В этом слове обращает внимание чередование звуков *л—н*. Кроме этого, отмечается соответствие *а—аа*.

Кбал. *омурав* «позвонок»; ног. *омырткы*, каз. *омырав*, кирг. *омууро*, хак. *омырыгъ*, *омрых*, чув. *амар*, *амра* «грудь лошади, передняя часть; грудь животных»; п.-монг. *омуругун*, монг. *омруу* «ключица»; б.-монг. *омрюу(н)*, о.-монг. *омру* «грудь лошади, грудинна лошади».

Данное слово интересно тем, что в тюркских языках, например, в казахском в значении «позвонок» употребляется другое образование из этого корня, т. е. *омуртка*. Ср. тур. *омургъа* «позвоночник», *омуз* «плечо, спина». Надо полагать, что исконное значение слова *омырав* (*омрав* и т. д.) «позвонок».

Кбал. *сакъал*, ног. *сакал* «борода»; монг., б.-монг. *сахал* «борода, усы». Ср. кбал. *сакъаллы*, монг. *сахалт*, б.-монг. *сахалта* «бородатый».

Кбал. *санъкзылчакъ*, малк. *санъкзылцах* «книжка, третий желудок» (у коровы); п.-монг. *сархинак* «третий желудок у жвачных, сычуг», о.-монг. *сэнгицэк* «первый желудок у коровы».

Кбал. *савру* «круп; лучшая часть кожи»; п.-монг. *сагари*, х.-монг. *саарь*, о.-монг. *сээр* «круп, зад лошади, выделанная кожа из задней части осла, лошади, мула, юфть». В современном карачаево-балкарском языке это слово еще имеет переносное значение «хороший, порядочный»: *Савру мени алмайды, баджошха уа мен бармайма* (посл.) «Хороший меня не берет, а за плохого я не иду». Переносное значение базируется на прямом значении. Б. Я. Владимирцов считает это слово персидским¹.

Кбал., ног. *сепкил* «веснушка»; монг. *сэвх*.

Кбал. *солагъай* «левша»; монг. *солгой* «левый» (о руке).

Кбал. *сыппа*, ног. *суймек* — приспособление из кости бараньей ноги для отвода мочи ребенка вниз под люльку; каз. *сюбе* «задние ребра», кир. *субёё* «ложное ребро», х.-монг. *сюзээ*, б.-монг. *субёё хабирга*, калм. *сюзэ хавсн* «ложные или последние два ребра».

Кбал. *сюмек* «сосок» (чайника и т. п.), як. *сюмэ*, *мюсэ*, п.-монг. *чюмюге*, х.-монг. *чёмёг*, б.-монг. *сэмэгэн* «костный мозг».

Кбал. *суюм*, ног. *суйем* «мера длины, равная ширине ладони, плюс длина стоящего большого пальца»; монг. *сёём* «пядь».

Кбал., ног. *табан* «пятка»; каз., ккалп. *табан* «ступня, подошва»; калм. *таваг*, *тавг*, б.-монг. *табгай* «ступня, стопа, подошва ноги»; п.-монг. *табаг* «лапа» (у животных), монг. *тавхай* «ступня, лапа».

Кбал. *талакъ*, ног. *талак* «селезенка»; монг. *делюю(н)*, б.-монг. *делюун*, калм. *делюн*. Соответствие т—д, а—е, а—(ю—юю).

Кбал., ног. *тамыр* «кровеносный сосуд». Употребляется преимущественно в сочетании *къан тамыр*, монг. *тамир* «кровеносный сосуд»; б.-монг. *тамир* «сила (физическая), энергия, здоровье». Соответствие ы—и.

Кбал., ног. *тил* «язык, речь»; монг. *хэл*, б.-монг.

¹ Б. Я. Владимирцов. Монголика, «ЗКВ», I. М.-Л., 1925, стр. 337.

хэл(эн), калм. *келн*. В тюркских языках это слово встречается еще в вариантах: тат. *тел*, азерб., туркм. *Дил*, тув. *дыл*, чув. *челхе*. Здесь интересно тюркское звуковое чередование *т—ч* и тюрко-монгольское *т—х*. Ср. монг. *чи* < *ти* «ты».

Кбал. *тобукъ* «колено»; ног. *тобык* «щиколотка»; монг. *тойг*, б.-монг. *тоин* «коленная чашка»; ср. кбал. *тогъай* «круг, кольцо»; б.-монг. *тохай*, калм. *тоха* «изгиб реки, колено реки». Ср. другие тюркские формы: кирг. *такым*, як. *табыкъ* «подколенок, коленный изгиб», которые близки к монгольским: б.-монг. *тахым*, калм. *таким* «подколенок, коленный изгиб».

Кбал. *тулу*, хак. *чулай*, якут. *жулагъай*, *жулай*, монг., б.-монг. *зулай*, калм. *зула* «темя, родничок, макушка». По нашему мнению, карачаево-балкарское слово *джула* «фитиль, ватный томпон» — примыкает сюда же. Чередование *т/ч* в начале слова известно тюркским языкам. Ср. кбал. *тил* «язык», чув. *челхе*. Чередование *дж/ч* в начале слова в тюркских языках также известно, напр., кбал. *джелин* «вымя», саг. *челин*. Чередование же *дж/з* между тюркскими и монгольскими языками — явление распространенное. В карачаево-балкарском языке оба фонетические варианты слова — *тулу* и *джула* — получили право гражданства. При этом произошла семантическая их дифференциация: *тулу* «родничок, темя»; *джула* «фитиль». Логическая вероятность развития карачаево-балкарского значения слова *джула* налицо: по подобию название «родничка», как источника, стало названием «фитиля», отсасывающего гной из раны.

Кбал. *тунукъ*: *бурнум тунукъду* «мне нос заложил»; б.-монг. *танаа*, калм. *тана* «носовая перегородка, переносица». Эти слова кажутся далекими друг от друга. Посредствующим является казах. *танав*, ккали. *танав* «ноздры, полость носа».

Кбал. *тынъылавукъ*, ног. *танълай* «небо»; монг. *тагнай*, б.-монг. *тангалай*, калм. *тангна*, п.-монг. *тангнай танглай*. Соответствие *ы—а*.

Кбал. *уча*, малк. *уца* «туша»; п.-монг. *угуча* «хвостовая кость у животных, задница»; б.-монг. *ууса*, калм. *ууц* «поясница, крестец». Соответствие *ч—ц—с*. В отношении гласных: карачаево-балкарское нормальное *у* и монгольское долгое *уу*, видимо, развились из соче-

тания у+г+у, характерного для письменно-монгольского языка. При этом развитие звука в карачаево-балкарском дошло до нормального *y*, тогда как в монгольских этот процесс находится на стадии выпадения согласного и образования долгого гласного.

Кбал. *чох*, малк. *цох* «род узла, которым завязывают женщины платок над лбом»; монг. *цох* анат. «темные бугры»; б.-монг. *сохо* «лоб, висок»; калм. *цох* «висок». Соответствие ч—ц—с. Исконное значение этого слова, видимо, монгольское. В карачаево-балкарском произошел перенос значения по смежности: *лоб* > *узел* над лбом. Ср. еще кбал. *чокъай* «хохолок».

Кбал. *чырай*, малк. *цырай*, ног. *шырай* «лицо, вид»; монг. *царай*, б.-монг. *шарай*, калм. *чирэ* «лицо; физиономия, лик, облик». Соответствие звуков ч—(ц—ш—ч). Гласных *ы—а*.

Кбал. *чырайлы*, малк. *цырайлы* «симпатичный, красивый»; монг. *царайлаг* «миловидный» (о лице).

Кбал., ног. *эрин* «губа»; монг. *эрюю(н)* «нижняя челюсть», «подбородок», *уруул* «губа»; б.-монг. *юргэн* «подбородок, челюсть»; *урал* «губа»; калм. *ёргн* «челюсть, подбородок»; *урл* «губа».

Исследователи считают, что «названия частей тела человека... не принадлежат к таким категориям лексики, которые могут быть заимствованы одним народом у другого»¹. Если подойти с этой позиции, совпадение столь большого количества терминов — названий частей тела человека в тюркских и монгольских языках может говорить о генетическом характере родства указанных языков.

2. Названия животных

Кбал. *аджир*, малк. *азир*, ног. *айгыр* «жеребец»; монг. *азрага(н)*, б.-монг. *азарга*, калм. *аджр*. Ср. кбал. *айгыр* в астрономических названиях: *Сары Айгыр*, *Тору Айгыр* — крайние две звезды ковш Малой Медведицы. Соответствие дж—з.

Кбал. *азман*, ног. *азбан* «баран, кастрированный в

¹ Ц. Д. Номинханов. Названия частей тела человека в тюркских и монгольских языках. Калмыцкий НИИЯЛИ. Записки, выпуск 2. Элиста, 1962, стр. 193; М. Рясенен. Об урало-алтайском языковом родстве. ВЯ, 1966, № 1, стр. 48.

возрасте старше года»; п.-монг. *асаман*, калм. *асмин*, *асми* «имеющий одно детородное яйцо».

Кбал. *аслан*, *арслан*, ног. *арслан*; классич., монг. *арслан*, б.-монг. *арсалан*, калм. *арсли* «лев».

Кбал., ног. *ат* «лошадь», монг. *агт* «конь, рысак, мерин, холощенный жеребец»; п.-монг. *адагун*, х.-монг. *адуу* «лошадь», «табун лошадей».

Кбал., ног. *байтал* «кобыла»; бур. *байтасан* «яловая кобылица, корова»; п.-монг. *байтасун*, х.-монг. *байтас* «трехлетняя корова»; о.-монг. *байсан* «трехлетняя кобылица».

Кбал. *бегеджен*, малк. *мегежин* «свинья, дикая свинья» (самка), б.-мон. *мэгэжэ* «свинья»; х.-монг. *мэгж(ин)* «самка кабана». Чередование б—м.

Кбал. *бёдене*, ног. *боьдене*, монг. *бюднэ*, *бёднэ* «перепелка».

Кбал. *бугъа*, ног. *буга* «бык-производитель», монг., калм. *бух*, б.-монг. *буха*. Соответствие гъ—х.

Кбал. *бузов*, ног. *бузав* «теленок»; п.-монг. *бырагу*, х.-монг. *бярзуу*, бур. *буруу*, калм. *бюрюю*.

Кбал. *був*, ног. *бугы* «олень»; монг., б.-монг. *буга* «олень, изюбр»; калм. *бух* «олень». Соответствие в—(г—х).

Кбал. *бюрче*, малк. *бюрце*, ног. *бурше* «блоха»; кирг., каз. *бюрге* «блоха», монг. *бююрэг* «вошь». Соответствие ю — юю.

Кбал. *гугук*, малк. *кукук*, ног. *коькек* «кукушка», монг. *хөхөё*. Соответствие г—к—х, у—ё.

Кбал. *дувадакъ*, ног. *дувадак* «дрофа», кирг. *тоодак*, каз. *дуадак*; монг. *тоодог*. Соответствие д—т, уа—оо. Видимо, в первом слове между гласными в гипотетической форме был звук гъ, который в современном карачаево-балкарском еще сохраняется на стадии губно-губного в. В монгольском языке выпадение гъ привело к образованию долгого гласного оо.

Кбал. *джабагъы*, малк. *забагъы*, ног. *ябагы* «весенняя шерсть, свалявшаяся шерсть, шерсть низкого качества, линька» (у животных); х.-монг. *даахь*, о.-монг. *даахи* «свалявшаяся шерсть», монг. *даахь* «линька, волосы младенца» (не стриженные со дня рождения). Соответствие дж—д, аба—аа, гъ—хь. Соответствие карачаево-балкарского сочетания -аба- монг. долготу

-аа- может говорить о том, что образование вторичных долгих происходило путем выпадения не только заднеязычных *кэ, к* после спирантизации (см. слова: джавур, увуз, савусхан), а и других согласных, в частности губно-губного звонкого *б*, небного *й*. Ср. кбал. *айакэ* «чашка», калм. *аах*; кбал. *кэобу* «ложбина, паз»; монг. *гоо* «ложбина».

Кбал. *джоргэа*, малк. *зоргэа*, ног. *йорга* «иноходец, иноходь»; монг., б.-монг. *жороо*; п.-монг. *жирога* «иноходь»; калм. *джора* «иноходец»; *джораллхн* «иноходь». Письменно-монгольская форма *жирога* проливает свет на развитие фонетического состава слова как в карачаево-балкарском, так и в монгольских языках. В карачаево-балкарском слове звук *гэ* сохранился благодаря тому, что гласный после сонорного *р* подвергся полной редукции. В монгольском и бурятском языках, напротив, гласное после сонорного *р* сохранилось, что привело к выпадению согласного в интервокальной позиции и образованию долгого гласного *оо*: *жороо*. Ср. кбал. *кэиргэа* «ворон(а)»; б.-монг. *хирээ*, монг. *хон хэрээ*.

Кбал. *джур*, малк. *зур* «дикая коза, козуля»; монг. *зур*. Соответствие *дж—з*.

Кбал. *ёгюз*, ног. *обгиз* «вол»; чув. *вакар*, *выгыр* «бык»; х.-монг. *юхер* «рогатый скот, бык, корова»; б.-монг. *ухэр* «вол, корова»; о.-монг. *юкр* «корова».

Чувашские формы зачастую выступают как связующее звено между тюркскими и монгольскими языками. Чередование *з/р* отдаляет чувашский язык от тюркских и роднит его с монгольскими. Любопытно, что в карачаево-балкарском языке сохранился вариант слова с *р* на исходе: *ёкюр-* «мычать» (о корове).

Кбал. *ийнек* «корова»; п.-монг. *юнеге(н)*, монг. *юнээ(н)*, б.-монг. *юнеэн*.

Кбал. *ирк* «валух, кастрированный баран»; монг. *ирэг*, б.-монг. *эрье*, калм. *ирг*.

Кбал. *кэаргэа*, ног. *карга* «ворон, ворона»; классич. *керуе* (СГМЯ-130) «ворона»; монг. *хон хэрээ*, б.-монг. *хирээ*, калм. *хар керэ* «ворон».

Кбал. *кэартчыгэа*, *кэартджыгэа*, малк. *кэыртцыгэа*, ног. *каршыга* «ястреб»; б.-монг. *харсага*; калм. *харцх*, монг. *харцгай*. Соответствие *кэ—х*, (*ч—дж*)—(*ц—с*), *ы—а*.

Кбал. *къарылгъач*, малк. *къарылгъац*, ног. *карлы-гаиш* «ласточка»; монг. *хараацай*, б.-монг. *хараасгай*.

Кбал. *къозу*, ног. *козы* «барашек»; монг. *хурга*, б.-монг. *хурьган*, калм. *хурхн*. Следует считать заимствованиями из монгольских языков тюркские формы: хак., тув. *хураган*, г.-алт. *кураган* «ягненок». Соответствие *з — р*.

Кбал., ног. *къой* «овца»; монг. *хонь*, б.-монг. *хонин*, калм. *хён*. Соответствие *къ — х*, *й — (н — нь)*. Ср. формы: турец. *койун*, туркм., азерб. *гоюн*, хак., тув. *хой* «овца, баран» (общее название).

Кбал. *къочхар*, малк. *къоцхар*, ног. *кошкар* «баран», монг. *хуц*, эр *хонь*, б.-монг. *хуса*, калм. *хуц*, х.-монг. *хуца*. Соответствие *къ — х*, *ч — (ц — с)*. Ср. тюркские варианты: кирг., г.-алт. *куча*, туркм., азерб. *гоч*, турец. *коч*. Монгольский вариант обращает на себя внимание по способу образования: *хонь* «овца»; *эр хонь* «баран», ср. карачаево-балкарский *киши* «человек», *эр киши* «мужчина».

Кбал. *къунаджин*, малк. *къуназин*, ног. *кунажын* «телка по третьему году, трехгодовалая, трехлетка»; х.-монг. *гуначжи*, о.-монг. *гунчжин*, б.-монг. *гунжан*. Нет сомнений в том, что это слово монгольское. Но сказать что-либо о времени заимствования в карачаево-балкарский язык не представляется возможным.

Кбал. *къув* — в современном карачаево-балкарском языке это слово утратило значение «лебедь», но означает «пух», поэтому сохраняется в названиях: *къув тешек* «перинна»; *къув джастыкъ* «пуховая подушка». Ног. *ак кив* «лебедь», монг. *хун(г)*, *хун шувуу* «лебедь».

Кбал. *къысыр*, ног. *кысыр* «яловая; женщина без детей»; п.-монг. *хусуруун* «яловая» (о кобыле), калм. *хусуруу(н)*, *хусрнг* «яловая самка». Соответствие звуков *къ — х*, *ы — у*, *ы — уу*. Ср. чув. *хесер*.

Кбал. *лячин*, *илячин*, малк. *ляцин*, ног. *лашын* «сокол»; монг. *начин*, б.-монг. *нашан*, калм. *начн*. Соответствие *л — н*, *ч — ш*, *и — (а — ноль звука)*.

Кбал. *мал* «скот, вещь»; бур. *мал* «скот».

Кбал. *макъа*, малк. *бакъа* «лягушка»; п.-монг. *бака*; монг. *бах*, бур. *баха*.

Кбал. *марал* «олень» (самка); монг. *марал*.

Кбал. *савусхан* «пройдоха, половник»; ног. *савыскан*

«сорока»; п.-монг. *шагапагай*, монг., б.-монг. *шаазгай*, калм. *алг шаазха* «сорока». В современном карачаево-балкарском языке сохранилось это слово лишь в переносном значении.

Кбал. *сувсар* «куница», монг. *суусар*.

Кбал. *сюлевсюн* «рысь», п.-монг. *силлюгюсюн*, б.-монг. *шэлююх(эн)*, монг. *шилуюс*, калм. *халун*. Соответствие с—(с—щ—х).

Кбал., ног. *тай* «жеребенок»; п.-монг. *дагъагъа*, б.-монг., о.-монг. *даага(н)*, х.-монг. *дага* «жеребенок по второму году». Ср. чув. *тыха*, *тыйга*.

Кбал. *тавукъ*, ног. *тавык* «курица»; монг. *тахиа(н)*, б.-монг. *тахья*, калм. *така*.

Кбал., ног. *теке* «козёл-производитель»; х.-монг., б.-монг. *тэхэ*, с.-монг. *теке*, тек. Ср. чув. *тахя*, *така* «баран», монг. *тэх* «дикий горный козел». Соответствие е—э, к—х.

Кбал. *тёлю*, ног. *тоьл* «поколение; приплод. молодняк»; монг., калм. *тёл*, б.-монг. *тюл*. Кбал. *тёлю берирге* «дать приплод»; монг. *тёллэх*.

Кбал., ног. *турна* «журавль»; монг. *тогоруу*.

Кбал. *тюе*, ног. *туье* «верблюды»; монг. *тэмээ(н)*, б.-монг. *тэмээн*, калм. *тэмэн*, х.-монг. *тэмэ*, п. монг. *тэмэгэ(н)*. Здесь интересно соответствие й—м. Соответствие й—г в тюркских языках встречается: узб. *ёгрэн*, кбал. *юйрен* «привыкать, учиться». Это интересно в связи с соответствием в—гъ: кбал. *авуз*, др.-тюрк. *агъыз* (М. Сл—355) «рот».

Кбал. *улов* «верховое или вьючное животное, подвода, транспорт», монг. *улов* «подвода казенная повинность, верховое или вьючное животное»; *улаа* уст. «подвода, ургонный транспорт». Ср. еще монг. (*унаа(н)*) «вьючное животное».

Кбал., ног. *эмилик* «необученный, необъезженный, не приученный к упряжке, седлу»; б.-монг. *эмниг*, калм. *эмнг*. Соответствие л—н.

Кбал., ног. *эн* «метка на ухе животного, надрез»; калм., х.-монг. *им* «метка, знак» (надрез на ушах домашнего животного). Ср. узб. *имо* «знак, жест»; г.-алт. *им* «метка, тавро, знак, наметка»; тув. *им* «метка, знак». Как внутри тюркских языков, так и между тюркскими и монгольскими наблюдается чередование н/м. Такое

явление встречается в пределах одного карачаево-балкарского языка: *мин-ним* «сесть верхом», «залезть наверх».

Кбал. *эчки*, малк. *эчки*, *эхци*, ног. *эшки* «коза»; н.-монг. *ишигэн*, х.-монг. *ишиг*, б.-монг. *эшэгэн*, о.-монг. *ишк*, *ишке* «козленок».

3. Названия предметов и имена деятелей, образованные от них общими аффиксами

Кбал. *аракъычы*, малк. *аракъыцы* «пьяница»: монг. *архич*, б.-монг. *архиншан*, калм. *эркнч*. Соответствие *къ—х*, *ч—ш*.

Кбал. *атчы*, ног. *атшы* «коневод»; монг. *агтчин* «табунщик».

Кбал. *баяв*, ног. *баяк* «краска», монг., б.-монг. *будаг*, калм. *будг*. Соответствие *в—г*, *й—д*.

Кбал. *баявчу* «маляр»; бур. *будагша(н)*, монг. *будигч(ин)*.

Кбал. *малчы*, малк. *малцы*, ног. *малшы* «скотовод»; монг. *малч* «умелый скотовод»; б.-монг. *малшан* «скотопод», калм. *малч* «скотник», «скотовод». Соответствие *ч—ш*.

Кбал. *джасавчу*, малк. *засавцу*, «тот, кто украшает»; монг. *засагч* «тот, кто исправляет, поправляет». Соответствие *дж—з*, *в—г*.

Кбал. *къаравул*, ног. *каравылшы* «караул, караульный»; монг., б.-монг. *харуул*, калм. *харул*; *харулч* «сторож». Соответствие *къ—х*, *аву—уу*.

Кбал. *къойчу*, малк. *къойцу*, ног. *койшы* «чабан, овчар»; монг. *хоньчин* «овчар»; б.-монг. *хоншон*, калм. *хёёч*. Соответствие *къ—х*, *й—нь*, *ч—ш*. Монг. *хонь ссгёгч мэрэжилтэн* «овцесвод», *хонь ёсгёх явдал* «овцеводство»; калм. *хёд ёскэч* «овцевод»; *хёд ёсклхн* «овцеводство».

Кбал. *къумгъанчы* «гончар»; монг. *хумхач*. Соответствие *къ—х*.

Кбал. *сакълавул* «сторож, охраняющий»; монг. *сахиул* «караульный надзор»; в современном монгольском языке: *цагдаа* «милиционер, милиция; полицейский, стражник». Соответствие *с—ч—ц*, *къ—х*.

Кбал. *сакълавчу* «сторож, хранитель», монг. *сахигч* «соблюдающий, блюститель»; б.-монг. *сахигша* «страж»,

сахюул «стража», *сагдаа* «стражник». Соответствие *кэ—х, ч—ш*.

Кбал. *сазувчу* «дояр(ка)»; монг. *саальчин*.

Кбал. *сибиривчю* «уборщица, подметатель»; монг. *цеверлэгч*, калм. *цеврлэч* «уборщица». Соответствие *с—ц, б—в, и—е*.

Кбал. *темирчи*, ног. *темирши* «кузнец»; монг. *тёмёрч(ин)*, б.-монг. *тюмэршэ, тюмэршэ дархан*, калм. *тёмрч*. Соответствие *е—ё, и—ё, ч—ш*.

Кбал. *тенгизчи* «морьяк»; монг. *тэнгэсч*, калм. *тенгсч*. Соответствие *з—с, е—э, и—э*.

Кбал. *тёлевчю* «плательщик»; монг. *тёлөгч*. Соответствие *е—ё, в—г*.

Кбал., ног. *тирмен* «мельница», монг. *тээрэм*, б.-монг. *тээрмэ*, калм. *тееря*. Соответствие *и—ее*.

Кбал. *тирменчи*, ног. *тирмениши* «мельник»; монг. *тээрэмч*, б.-монг. *тээрмэшэн*, калм. *теермч*. Соответствие *ч—ш*.

Кбал. *тонавчу* «грабитель»; монг. *тонуулч*.

Кбал. *чам*, малк. *цам* «шутка, всякое действие ради увеселения»; монг. *цам* «религиозный праздник, пантомима монахов».

Кбал. *чамчы*, малк. *цамцы* «шутник, балагур, весельчак»; монг. *цамч* «участник цама». Какое значение (карачаево-балкарское или монгольское) этого слова древнее — трудно судить. Но логическая связь развития семантики имеется. Интересно, что в других тюркских языках это слово не отмечено.

Как видно из примеров, в карачаево-балкарском и монгольских языках аффиксы имени деятеля (*чы, -ул*) встречаются параллельно.

4. Названия продуктов питания, блюд и напитков

Кбал. *айран* «айран, кислое молоко особой закваски», х.-монг., б.-монг. *айраг* «кумыс, заквашенное молоко, напиток из кислого молока»; бур. *айрааха* «проквашенное сгущенное молоко», о.-монг. *ээрг* «квашенное молоко, кефир».

Кбал. *арикъы*, ног. *арикы* «водка»; монг. *архи(н)*

«водка, вино, молочная водка»; б.-монг. *архи*, *хара архи*, *сагаан архи*; калм. *эрк*, *хар эрк* «водка». Соответствие звуков *кэ—х* уже встречалось. Здесь обращает внимание на себя сходство фонетических процессов с теми, которые отмечены в звуковом составе карачаево-балкарского слова *кэаргэа*, в котором гласный после сонорного *-о* подвергся полной редукции. Это же явление наблюдается в монгольском слове *архи(н)*. Только этим объясняется отсутствие долгого гласного во втором слоге. Иначе мы имели бы здесь долгий гласный, как в монг. *хэрээ* «ворон», т. к. согласный *-х* в интервокальном положении мог выпасть.

Кбал., ног. *бал* «мед»; монг. *бал*.

Кбал. *бавурсакэ*, ног. *бавырсак* «печенье из кусочков теста, поджаренных в масле»; монг. *бороцог*. Соответствие *с—ц*, *кэ—г*, *а—о*.

Кбал., ног. *боза* «буза, род хмельного напитка»; б.-монг. *бозо*, о.-монг. *боз* «барда; гуща, оставшаяся после перегонки молочной водки».

В отличие от прилагательного: кбал. *боз* «серый», монг. *бор*, здесь наблюдается соответствие *з—з*, что может быть обусловлено тем, что слово заимствовано монголами от тюрков.

Кбал. *бишлакэ*, диал. *бишлякэ*, ног. *пыслак* «сыр», монг. *бяслаг*, б.-монг. *бислаг*. Соответствие *ш—с*, *ы—и—я*).

Кбал. *джарма*, малк. *зарма*, ног. *ярма* «сечка, крупа»; монг. *зарам* «отруби». Соответствие *дж—з*.

Кбал. *джёрме*, малк. *зёрме*, ног. *йёрме* «кушанье из обрезков нутряного сала, жирных кишок, завернутых в лоскут из стенок желудка»; б.-монг. *зюрмэ* «фарш (из печени, легких и жира брюшины), которым начиняют тонкие кишки»; монг. *зюрэм* «тонкие обрезки мяса, мелкие куски вяленого мяса». Ср. чув. *джюрмэ* «кушанье из потрохов». Соответствие *дж—з*, *ё—ю*.

Кбал. *кэаймакэ*, ног. *каймак* «пенка»; монг. *хайлмаг* «кушанье из пенки молока». Соответствие *кэ—х*, *кэ—г*.

Кбал. *кэуймакэ*, ног. *куймак* «яичница, омлет»; монг. *хуймаг* «блины». Эти блюда объединяются общностью приготовления: взбивание яиц или муки.

Кбал. *кэурт бышлак* «творог» (сушеный); монг. *ху-рууд*, *хурут* «спрессованный творог».

Кбал. *кэувурма* «блюдо из поджаренного мяса, жаркое»; монг. *хуурга*. В Карачаево-балкарском языке согласный между двумя *-у* еще сохраняется на стадии губно-губного *в*. В монгольском этот согласный уже выпал, что привело к образованию долгого *уу*.

Кбал. *кэыйма* «кишка, начиненная рубленным мясом, род колбасы»; п.-монг. *химе*, монг. *хим* «род колбасы»; о.-монг. *киме* «кишка, начиненная мелкорубленным мясом». Соответствие *кэ—х*, *а—е*.

Кбал. *сют*, ног. *суьт* «молоко»; п.-монг. *сюн*, *сю*; монг. *сюю(н)*, б.-монг. *сюн*, калм. *юсн*.

Кбал. *увуз*, ног. *увыз* «молозиво»; п.-монг. *угзурагъ*, *халх.*, бур. *уураг*, калм. *уург*. Соответствие *в—гъ* свидетельствует наряду с *з—р* о том, что письменномонгольский вариант древнее карачаево-балкарского. Но другие монгольские варианты в отношении развития звуков первого слога, где путем выпадения согласного образовано долгое гласное *уу*, пошли дальше карачаево-балкарского. Ср. кбал. *джавур*, п.-монг. *дагъари*, х.-монг. *даари*; кбал. *савусхан*, п.-монг. *шагапагай*, монг. *шаазгай*.

Кбал. *хурма* «хурма»; монг. *хурма*. Китайское слово.

Кбал., ног. *шай* «чай»; монг. *цай*, б.-монг. *сай*, калм. *цэ*. Соответствие *ш—(ц—с)*. Китайское слово.

Кбал. *шекер*, ног. *секер* «сахар»; монг. *чихэр*, б.-монг. *шахэр* (уст.), калм. *шикер*. Персидское слово. Соответствие звуков *ш—(ч—ш)*, *е—и*, *е—э*.

5. Названия болезней

Кбал. *битген* «чирей»; монг. *батга*, б.-монг. *бадха*, калм. *батх* «угорь». Соответствие звуков *и—а*, *г—х*.

Кбал. *джара*, малк. *зара*, ног. *яра* «рана»; монг. *ял* «болячка». Соответствие *дж—й*.

Кбал. *джавур*, малк. *завур* «ссадина, рана на спине лошади, осла от седла или на шее от хомута»; п.-монг. *дагъари*, х.-монг. б.-монг. *даари*, *дайр*, о.-монг. *дээр*. Соответствие *дж—д*. И здесь карачаево-балкарский ва-

риант в фонетическом отношении находится между письменно-монгольским и современными монгольским стадиями развития: *дагъари* — *джавур*, но *даари*.

Кбал. *сакъав*, ног. *сакав* «сап»; монг. *сахуу*, кирг. *сакоо*. Соответствие звуков *къ*—*х*, *ав*—*уу*.

Кбал. *силегей*, исг. *силекей* «ящур; слюна, слюни»; п.-монг. *шиллюсюн* «слюна; ящур»; х.-монг. *шюлс(эн)* «слюна»; *шюлхий* «ящур»; б.-монг. *шюлсэ(н)* «слюна, слюни»; *шюлхы* «ящур»; калм. *шюлсн* «слюна»; *шюлкэ* «слюнотечение». Соответствие *с*—*ш*, *и*—*ю*. И в тех, и в других языках в объем значений слова входят понятия «слюна» и «ящур».

Кбал. *тюйюмек*, *тюйюмчек*, *кара тюйюмчек* «заворот кишок», «боль в животе»; монг. *тююдэг* «вздувание живота; клубок» (волос или шерсти). Ср. кбал. *тюйюмчек* «узелок, связка»; б.-монг. *тююдэг*, о.-монг. *тююнек* «вздувание живота» (животных). И здесь отмечается сохранение в карачаево-балкарском варианте согласного *й* между двумя гласными *ю*, тогда как в монгольских он выпал и образовался долгий гласный *юю*. Мы не предполагаем п.-монг. формой этого слова, но исходя из закономерностей можно предположить, что она выглядела бы *тююдэг*.

Кбал. *чанчхы*, малк. *цанцхы*, ног. *шаншув* «колики»; б.-монг. *санхи* «колики, резь в животе». Соответствие *ч*—*с*, *ы*—*а*.

6. Названия растений

Кбал., ног. *алма* «яблоко, яблоня»; монг. *алим*, б.-монг. *алим* (уст.), калм. *альмн*.

Кбал., ног. *арпа* «ячмень»; монг. *арвай*, б.-монг. *арбай*. Соответствие звуков *п*—(*в*—*б*).

Кбал. *балдыргъан* «борщевик»; монг. *балчиргана*. Соответствие звуков *д*—*ч*, *ы*—*и*.

Кбал. *будай*, ног. *бийдай* «пшеница»; монг. *улаан буудай*, калм. *цахан буудя*. Соответствие звуков *у*—*уу*. Видимо, и краткий *у*, и долгий *уу* развились из сочетания *-уу-*. Ср. узб. *бугъдой*.

Кбал. *бурчакъ* «горох; мелкий град, крупный снег»; малк. *бурцакъ* «горох», ног. *буршак* «горох, град»; монг. *буурцаг* «горох».

Кбал. *джюзюм*, малк. *зюзюм*, ног. *юзим* «виноград»; монг. *юзэм* «виноград, изюм, *сабза*»; б.-монг. *юзм* «изюм», калм. *уста юзм* «виноград». В монгольских вариантах отмечается выпадение начального *дж*.

Кбал. *къаракъай* «лиственница»; ног. *карагай* «сосна»; монг. *харгай* «лиственница».

Кбал. *кыылгъан*, ног. *кылган* «ковыль»; монг. *хиаг* «пырей».

Кбал. *саптагъай* «стебель, ствол»; бур. *хаптагъай* «доска». Соответствие *с—х*.

Кбал. *сармакъ*, малк. *сарымсакъ*, ног. *сарымсак* «чеснок»; монг. *саримсаг*, калм. *сермсг*. Соответствие *ы—и*. Во многих случаях наблюдается близость монгольских форм с формами малкарского диалекта карачаево-балкарского языка, т. е. фонетический строй малкарского диалекта ближе к фонетическому строю монгольских языков:

К б а л. (литерат.)	м а л к. диал.	м о н г.
чечек «цветок»	цецек	цецег
сармакъ «чеснок»	сарымсакъ	саримсаг
баджа «свояк»	база	баз. база
джулув «выкуп»	зулув	золиг

Кбал. *турма*, ног. *турм* «редька»; монг. *тором*. Соответствие *у—о*.

Кбал. *чечек*, малк. *цецек*, ног. *шешекей* «цветок»; монг. *цэцэг*, б.-монг. *сэсэг*, калм. *цецг*. Соответствие *ч—(с—ц)*

7. Звукоподражательные слова

Кбал. *зынгыр*: *зынгырдагъан таууш* «звон»; *зынгыр-даргъа* «звенеть», монг. *жингэр* «звукоподражание звуку металла, т. е. звон»; монг. *жингэнэх* «звенеть»; б.-монг. *жэнгирээ(н)* «звон, гул, грохот»; б.-монг. *жэнгир-хэ*, калм. *джингънх* «звенеть»; калм. *джингънен* «звон». Соответствие *з—дж*, *ы—и*.

Кбал. *дув* «звукоподражание гулу, шуму»; *дувударгъа* «гудеть, шуметь»; б.-монг., калм. *дуу(н)* «звук, голос, песня».

Кбал. *данг* «звукоподражание звону, удару, выстрелу, гонгу»; монг. *тан(г)*, б.-монг. *тан*.

Кбал. *дюнгюрдерге* «греть» (от топота); монг. *дюнганэх* «гудеть», «глухо греть».

Кбал. *дыгай* «возглас, которым отгоняют коз»; монг. *чээг* «возглас при доении козы». Соответствие *д—ч*.

Кбал. *джыр-джыр*, малк. *зыр-зыр* «скрип» (напр., снега); монг. *цар-цар* «стрекотание». Соответствие *дж—ц*. Ср. кбал. *джырылда*, малк. *зырылда* «скрипеть» (напр., о снеге).

Кбал. *шыбыр-шубур* «шелест, шушукание»; монг. *шивэр-шовур*.

8. Названия местностей и населенных пунктов

Кбал. *авлакъ*, ног. *авлак* «урочище, лощина, отдаленное пастбище, высоко в горах»; монг. *аглаг* «пастбище, уединенный, отдаленный, далекий». Соответствие *в—г*. Ср. каз. *аула*¹ «двор, ограда»; *аулакъ* «подальше, в сторону». Слово *авул* в современном карачаево-балкарском является заимствованным из русского языка (так называемое обратное заимствование). В значении «село» бытует слово *эл* (см. ниже).

У Махмуда Кашгарского: *аглак йир* «пустынная местность» (Издание А. Рифата, Стамбул, 1915—1917, т. I, стр. 108). Именно это значение зафиксировано и в туркменской пословице: *ил аглак болса, донгуз депэ чыкар*² «если народ будет отсутствовать, то свинья пойдет вверх».

Кбал. *бел* «седловина»; монг. *бел* «косогор».

Кбал. *Булунгу* «название села в Балкарии»; монг. *булунгур*. Под этим названием есть арык в Самаркандской области, что означает по Ц. Д. Номинханову «грязная, мутная, тинистая»³ (о воде).

В монгольском языке есть еще слово *булан(г)* со значением «угол, сторона». Оно отмечено С. Е. Маловым

¹ Краткий казахско-русский словарь. А-Ата, 1959, стр. 31—32

² С. А х а л л ы. Словарь Махмуда Кашгарского и туркменский язык. А. к. д. Ашхабад, 1958, стр. 16.

³ Калмыцкий НИИЯЛИ. Записки. Выпуск 2. Элиста, 1962, стр. 271.

в древне-тюркских памятниках (МСл. — 374) в значении «угол, сторона, край». Село Булунгу может вести своё название от этого слова и означать: «находящийся в стороне, удаленный в сторону, крайний», что вполне соответствует географическому расположению села Булунгу, дальше которого до сих пор нет населенных пунктов в той стороне.

Кбал. *долай*. Семантика этого слова неясная. Она встречается только в одной старишной карачаево-балкарской трудовой песне «Долай»:

Ой, долай, долай, май долай!

Ой, долай, былай джау гыбыт,
Бузугъу болмагъан сау гыбыт,
Муну айранындан джаву кёб,

Ой, сенден гоппан майла алырбыз,
Тамаданы аллына салырбыз¹.

Тамадабыз къош-къош тигим къабдырыр...

Исследователи считают «Долай» у карачаевцев и балкарцев покровителем, божеством крупного рогатого скота².

Пелась эта песня при сбивании масла в подвешенном бурдюке. Два человека становились по обе стороны бурдюка, заправленного сметаной с теплой водой, и качали, пока собьется масло. Видимо, песня облегчала и ускоряла труд человека, мечтающего получить как можно больше масла из бурдюка. Эту свою мечту он и высказывает в форме песни.

Монгольские языки, как нам представляется, и здесь приходят на помощь: б.-монг. *далай* «море», монг. *далай* «океан». Если в основу взять монгольскую семантику слова, то приведенный по карачаево-балкарски отрывок песни можно перевести так:

Къарачай поэзияны антологиясы. Ставрополь, 1965, стр. 47.

² Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1967, стр. 32; А. И. Караева. Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966, стр. 25.

Ой, море, море, масляное море!

Ой, море такое — полный масла бурдюк,
Не имеющий изъяна целый бурдюк,
У него чем айрана, больше масла...

Ой, от тебя гоппанем¹ масла получим,
Перед тамадой² поставим.
Нас тамада обильно-преобильно угостит..

Значит, в своей песне труженник просит от бурдюка обилия морского! Значит, слово «Долай» не бессмысленно, оно было внесено в песню не только для созвучия со словом *былай*, а имело реальное значение и несло определенные смысловые и образные функции. Со временем значение его позабылось, и оно стало непонятным для современных карачаевцев и балкарцев. По нашему мнению, так же обстоит дело и со словом *дол* из этой же песни. Сказать что-либо о его значении не представляется возможным. Можно предположить, что оно одного корня с *долай*.

Кбал., пог. *кбая* «скала»; монг. *хада*, *хая*. Соответствие звуков *кб—х*, *й—д*.

Кбал. *кбалмукъ*, пог. *калмык* «калмык; Ка"мыкия»; *калмак* — монгольская народность. В старой литературе известна под названием ойрат-монголов (западные монголы) — основное население Калмыцкой Автономной Советской Социалистической Республики. Слово сохранилось в карачаево-балкарском языке до наших дней.

Кбал. *кьобу* «ложбина, низина; паз»; монг. *гоо* «ложбина», *ховил* «паз». Соответствие звуков *кб—г*. Сочетанию *-обу* соответствует монг. долгий гласный *оо*. Ср. кбал. *джабагъы*, монг. *даахь*.

Кбал. *кьол I* «ущелье». *Нызылы кьол* «Еловое ущелье»; монг., б.-монг. *гол* «река, долина реки»; *Туул гол* «река Тола»; калм. *хол*, классич. *гоул* (СГМЯ—224) «река». Соответствие звуков *кб—г*. Исходя из формы в монгольском классическом, можно предположить, что между гласными *о—у* был согласный звук,

¹ Гоппан — большая деревянная чаша, чара.

² Тамада — старшин.

который в классическом уже отпал, но гласные еще не слились в один. Однако развитие на этом не остановилось. В современных монгольских языках оно привело к утверждению звука *о*: гол. *кбол*, кбал. *кбол*, кот. *рыс*, видимо, образованы от *кэбу*+аффикс *-л*. Логическая возможность развития семантики очевидна: кбал. *кэбу* «ложбина, низина; паз»; монг. *гоо* «ложбина»; кбал. *кбол* «ущелье»; монг. *гол* «река». Ср. кбал. *Кобу Биши* (название села в Зеленчукском районе). Можно перевести: «Надложбинное, Верховье ложбины»

Кбал., ног. *кбол* II «рука»; б.-монг. *хюл* «нога, стопа, лапа»; калм. *хол* «нога». Соответствие звуков *кэ—л*, *о—(о—ю)*.

Кбал. *кэтукуэ* «колодец»; монг., б.-монг. *худаг*; калм. *худг*. Соответствие *кэ—(х—г)*, *у—а*.

Кбал. *Минги тау* «Эльбрус». Из современного караево-балкарского языка значение первой части непонятно. На помощь приходят те тюркские и монгольские языки, где это слово сохранилось: б.-монг. *мюнхэ*, монг. *мёнх*, калм. *мёнгк* «вечный». Ср. еще халх. *мёнгён* (СГМЯ) «серебро». Значение «вечный» менее подходит к характеристике горы. Встает вопрос: какая гора вечная? Значение «серебро», «серебристый», пожалуй, является наиболее точной характеристикой цвета горы, вечно покрытой снегом. Поэт *ту* правомерно полагать, что в топониме *мингу тау* первое слово генетически связано с монгольским *мёнгён* «серебро, серебристый». Соответствие звуков *и—ё*.

Кбал. *от, отлав* «травя, подножный корм»: *Илкер шхувурда батса, ёгюз отдан толр* «Если Стожары поздно вечером садятся, то вол на траве напасется» (т. е. наступит весна); ног. *отлак* «пастбище»; п.-монг. *отор* «вольное пастбище»; х.-монг. *отор* «выпас скота на отгонных пастбищах». В этих словах общий корень *от*. Ср. узб. *ут* «травя».

Кбал., ног. *сай* «мелкий» (о реке, водоеме); монг. *цай*: *цаган цайдам* «русло высохшей реки». Соответствие *с—ц*.

Кбал. *тала*, ног. *дала* «поляна»; классич. *тала* (СГМЯ—167) «равнина»; монг. *тал* «поле, степь, равнина, открытое пространство»; б.-монг. *тала* «степь».

Кбал. *тарлау* «полоса вспаханной земли, загон»;

монг. *тарилга* «сев, посев»; *тариачин* «крестьянин, земледелец, хлебороб, пахарь»; б.-монг. *тарялан(г)* «сев, посев»; калм. *тэрэ, тэрлхн* «сев».

Кбал. *тебе*, ног. *тоббе* «бугор, холм, горка»; кбал. *тау* «гора», монг. *дов* «холм»; б.-монг. *гюбёё* «холм», *добуун* «холм», калм. *довн* «холм»; бур. *дово* «бугор». Соответствие звуков: т—д, б—в, ё—о, е—ёё.

Кбал. *тенъиз*, ног. *денъиз* «море»; монг. *тангис*, *тэнгэс*. Соответствие звуков е—(а—э), з—с.

Кбал. *тюш*, ног. *туьс* «полдень»; монг. *дюли* «юг». В полдень солнце находится на юге, поэтому наличие семантической связи не вызывает сомнений. Соответствие ш—л.

Кбал. *эл* «село, аул, община, жители села в совокупности»; ног. *эл* «народ, родина», п.-монг. *айил* «дом, юрта, аул, селение; сосед, соседство»; х.-монг. *айл* «юрта, селение, семья, хозяйство»; б.-монг. *айл* «юрта, особый поселок, сосед». Кбал. *эл* и монг. варианты *айл, айил* очень близки не только по семантике, а еще по звуковому строю. На наш взгляд, не следует сопоставлять монгольские варианты с казахским ауыл¹ «несколько кибиток, расположенных вместе». Каз. *ауыл* скорее можно сопоставить с кбал. *аулакъ*, монг. *аглаг*.

Туркменское *ил* «народ», видимо, когда-то имело значение «село», и в ту эпоху сложилась пословица: *ил аглак болса, донгуз депэ чыкар*² «если село опустеет, свинья пойдет вверх», т. е. если охотников не будет, то свинье раздолье. В ногайском языке эта пословица сильно изменилась и получила, хотя и близкую, но другую семантику: *уьй авлак болса, донъуз тоьрге шыгар* «если в доме никого не будет, то свинья пройдет на почетное место» — о невоспитанном человеке.

9. Названия явлений природы

Кбал. *балчыкъ*, малк. *балцыкъ*, ног. *балшык* «грязь» (напр., после дождя); монг. *балчиг* «болото», «трясина». Соответствие звуков ы—и, къ—г.

¹ Ц. Д. Номинханов. Термины животноводства в тюркских и монгольских языках. АН Каз. ССР, Сектор Востоковедения. Труды сектора Востоковедения, том I, А-Ата, 1959, стр. 87.

² С. Ахаллы. Словарь Махмуда Кашкарского и туркменский язык. А. к. д. Ашхабад, 1958, стр. 16.

Кбал., ног. *боран* «буран, метель»; монг. *бороо(н)*, б.-монг. *бороо* «дождь»; б.-монг. *бордохон*, калм. *боран буран*. Соответствие звуков *а—оо*. Это соответствие представляет большой интерес. Развитие долгого *оо* в краткий *а*, видимо, является характерной чертой современного карачаево-балкарского языка. Ср. тув. *оолан сын*», кбал. *алан* «обращение к собеседнику»; монг. *овоо*. кбал. *оба* «куча, груда камней». Что касается факкультативности *-н*, на исходе монгольского варианта *бороо(н)*, то это явление известно.

Кбал., ног. *буз* «лёд»; монг. *мёс(ён)*, калм. *мёс(н)*. Соответствие звуков *б—м*, *у—ё*, *з—с*.

Кбал. *кюрт*, ног. *куьртик* «сугроб»; бур. *хюр*, *хюнгэрэг*.

Кбал. *кзакз(ы) ракз* «безводное, бедное растительностью место»; *кзакзыракзда*¹ *кзаз ойнар* «на ка-кыраке гусь гуляет»; монг. *хахир* «сухая, скудная местность».

Кбал. *кзум*, ног. *кум* «песок»; монг. *хумхи* «пылинка»

Кбал. *кз(ы)рау*, ног. *кырав* «иней»; монг. *хяруу*, б.-монг. *хюрцу*, калм. *кирю*.

Кбал. *кзырпакз*, ног. *кырпак* «пороша, легкий снег, первый небольшой снег осенью», монг. *кзырмагз* «мелкий снег, иней».

Кбал., ног. *оба* «могильный холм, куча, груда»; монг. *овоо* «груда, куча, курган». Соответствие звуков *б—б а—оо*. Курганы — те же надмогильные холмы. Здесь значения совпадают.

Кбал. *то кзун*, ног. *долкын* «волна»; монг. *долгио(н)*, б.-монг. *долгин*, калм. *дольган*. Соответствие звуков *т—д* в начале; *у—(и—а)*.

Кбал. *топракз*, ног. *топырак* «почва, глина земля», монг. *тоброг* «пыль», «прах». Соответствие *п—б*, *гз—г*, *а—о*.

Кбал. *чыкз*, малк. *цыкз*, ног. *шык* «роса»; монг. *чийг*, б.-монг. *шииг* «сырость», калм. *чиг* «роса», *чийгэтэ* «сырой». Соответствие *ч—ш*.

¹ Къарачай поэзияны антологиясы. Ставрополь, 1965, стр. 47

10. Названия предметов обихода

Кбал. *аркъан*, ног. *аркан* «аркан»; узб. *аргъамчи* «веревка»; х.-монг. *иргимж* «веревка. аркан»; б.-монг. *аргамжа* «веревка из кожи»; калм. *архмдж* «аркан». Соответствие звуков *къ—(г), н—м*.

Кбал. *аталгъы* «поперечный топорик»; б.-монг. *аталги* «долото». Соответствие *ы—а*.

Кбал. *бёрк*, ног. *боёрк* «шанка»; монг. *бюрх* «шляпа». Соответствие *ё—ю, к—х*.

Кбал. *билеу*, ног. *билев* «брусок»; монг. *билюу*, б.-монг. *бюлюу*, калм. *бюлю*.

Кбал. *бочха*, *бохча*, малк. *бохца*, ног. *бокша* «кошелек», «портмоне»; монг. *богц* «переметная сума»; б.-монг. *богсо* «дорожная сума». Соответствие *г—х, ч—(ц—с)*.

Кбал. *джамчы*, малк. *замыцы*, ног. *ямышы* «бурка»; калм. *занч*. Соответствие *дж—з, м—н*. Здесь примечательно то, что чередование *дж—з, м—н* встречается внутри самого карачаево-балкарского языка. Ср. карач. *джауум* «дождь, осадки» и балк. *джауун* «дождь», малк. *зауун*.

Кбал. *джырмы* «ременок, полоска ремня, торока»; п.-монг. *жирим* «ремень, прикрепленный к пряжке подпруги седла»; х.-монг. *жирэм*, б.-монг. *жэрэм*, о.-монг. *джирм* «подпруга». Соответствие звуков *ы—(и—э)*.

Кбал. *илгик*, ног. *илгек* «петля для пуговицы, крючок»; монг. *ёлгююр* «вешалка». Этимологизируется на тюркской почве: *ил* «вешать, цеплять» плюс аффикс *-гак-гик*.

Кбал., ног. *инджи* «бисер»; монг. *жинжюю* «бисер, мелкие бусы, бусинки». Слово китайское.

Кбал. *керек* «инструмент», «пужный»; *не кереклинг барды?* «какое у тебя дело, какая у тебя пужда есть?». халх. *херек* (СГМЯ—58) «дело»; монг. *хэрэг* «дело, работа, занятие», *хэрэктэй* «нужный», б.-монг. *хэрэг*, калм. *керг* «дело. Соответствие *к—х, е—э*.

Кбал. *кёрюк*, ног. *коёрик* «кузнечный мех»; монг. *хёёрөг*, б.-монг. *хёёргэ*, калм. *кёёрюд*. Соответствие *к—х*.

Кбал. *къязыкъ*, ног. *казык* «кол»; о.-монг. *гасн*, х.-монг. *гадас*, б.-монг. *гадаса* «кол, колышек». Соответствие звуков *къ—г, з—(с—д)*.

Кбал. *къанджыгъа*, малк. *къанзыгъа*, ног. *канжыга* «задняя часть седла, торока»; монг. *ганзага(н)*, б.-монг. *ганзага*, п.-монг. *ганжигъа*, калм. *ханзх*. Соответствие *къ—г, дж—з, ы—а*.

Кбал. *къапхан*, ног. *капкан* «капкан»; монг. *хавх(ан)*. Соответствие *къ—х*.

Кбал. *къош* «кош, балаган»; х.-монг. *хашаа(н)*, о.-монг. *хаша*, б.-монг. *хана(н)* «ограда, забор, изгородь, двор, загон». Ср. кбал. *къашпакъ* «навес для овец». Соответствие *къ—х, о—а*.

Кбал. *къумгъан*, ног. *кумган* «кумган»; монг. *хумх* «кувшин». Соответствие *къ—х*.

Кбал. *мёз: аман къатынны хурджунунда гырджыны болур, иги къатынны кюбюрюнде мёзю болур* (посл.) «у плохой жены в кармане хлеб, у хорошей жены в сундуке материя (ткань)»; ног. *бьвз*; халх. *бёс*; бур. *бюд* (СГМЯ-43) «ткань, текстиль». Соответствие *м—б, з—д*.

Кбал. *нохта*, ног. *нокта* «недоуздок»; х.-монг., о.-монг. *ногт*, б.-монг. *ногто*. Соответствие звуков *х—г, а—о*.

Кбал. *садакъ* «стрела»; монг. *садог* «колчан». Соответствие *а—о, къ—г*.

Кбал. *сакъаллыкъ* «застежной ремень узды от одного уха к другому снизу шеи лошади»; п.-монг. *сагъалдургъа* «ремешки-подстежки для удержания узды на голове лошади»; х.-монг. *сигъалдрага* «подбородные ремешки узды и головного убора»; о.-монг. *сагалдарга* «ремень, подбородник узды»; б.-монг. *сагалдарга* «ременная застежка под уздой». Ц. Д. Номинханов¹ выводит это слово из *сагъакъ* «жабры»; мы считаем, что оно образовано от слова *сакъал* «борода».

Кбал. *сапын*, ног. сабын «мыло»; монг. *саван(г)*. Арабское слово.

Кбал. *сибиртки*, ног. *сыпыргыш* «метла, веник»; монг. *шююр, ширвююл* «метла».

Кбал. *сауут, сауут-саба*, ног. *савыт* «посуда, утварь»; б.-монг. *саба* «посуда, сосуд»; калм. *сив-сарх* «посуда, посудный», монг. *сав* «посуда, сосуд».

Кбал. *саяв* «костяная или деревянная палочка с

¹ Ц. Д. Номинханов. Термины животноводства в тюрко-монгольских языках. Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Вып. I. А-Ата, 1958, стр. 109.

острым концом, которой прокалывают матерiu при от-
метке петли для пуговицы»; кирг. *сойау* «такая же па-
лочка для прокалывания кошмы при сшивании; палоч-
ка для чистки зубов»; як. *сойуо* «деревянная пли же-
лезная ковырялка для распутывания узлов веревки»;
п.-монг. *сойогъа* «клык; крюк; костылек», напр., для
очистения трубки»; х.-монг. *соёо* «клык, бивень»; о.-монг.
сойоо «клык». Соответствие в—г, о—а.

Кбал. *табакъ*, ног. *табак* «тарелка»; монг. *таваг*
«блюдо»; б.-монг. *табаг* «тарелка, блюдо, чашка; под-
ставка». Соответствие б—в, къ—г.

Кбал. *талкъы*, ног. *талкы* «станок для обработки ко-
жи мятнем»; монг. *талхи(н)*, б.-монг. *талхи* «кожемял-
ка». Соответствие къ—х, ы—и.

Кбал. *тасма*, ног. *таспа* «тесьма»; монг. *тасам*, калм.
тасм «ремешок кожаный, шнуры из кожи».

Кбал. *таякъ*, ног. *таяк* «палка»; монг. *таяг* «трость,
палка».

Кбал., ног. *тепшек* «тарелочка, блюдец», бур. *тепш*
«деревянное блюдо удлиненной формы».

Кбал. *тулукъ*, ног. *тулык* «мешок из кожи, снятой
чулком, дудкой и обработанной целиком»; каз. *тулып*
«шкура теленка, набитая сеном, которую ставят перед
коровой, когда ее доят» (вместо подошедшего теленка);
азерб. *тулуг* «шкура, снятая дудкой, бурдюк, волюнка»;
тув. *тулуп* «мешок без швов из цельной выделанной ко-
жи»; х.-монг., б.-монг. *тулам*, о.-монг. *тулм*, *тулум* «ко-
жаный мешок, шкура, снятая целиком». Соответствие
къ—м. Ср. кбал. *джырыкъ*—*джырым* «разрез».

Кбал. *чара*, малк. *цара*, ног. *шара* «большая дере-
вянная чаша»; монг. *цар*, б.-монг. *сара* «чаша, чара».
Соответствие звуков ч—(ц—с).

Кбал. *чачакъ*, малк. *цацакъ*, ног. *шашак* «кисть,
бахрома»; монг. *цацаг*, б.-монг. *сасаг*, калм. *цацг*. Соот-
ветствие звуков ч—(ц—с).

Кбал. *чёгюц*, малк. *цёгюц*, ног. *шюькиш* «молоток»;
монг. *цююц*, калм. *шююц* «долото»; монг. *сёх* «топор,
секира».

Кбал. *чёмюц*, малк. *цёмюц*, ног. *шюьмиш* «черпак,
половник»; калм. *цёгц*, монг. *цом* «чара».

Кбал. *ынгырчакъ*, малк. *ангырцакъ* «седло осла,
ленчик»; х.-монг. *йангырцих*, п.-монг. *ингырчаг* «вьюч-
ное седло».

11. Названия времен года и суток

Кбал. *джыл*, малк. *зыл*, ног. *йыл* «год»; монг. *жил*, б.-монг. *жэл*, *йил*, *жил*, калм. *джил*. В баксанском говоре карачаево-балкарского языка *жил*; ср. кбал. *джылкы джыл* «год лошади»; халх. *морин жил* (СГМЯ—142).

Кбал. *тюн* «ночь, явь»; *тюшюм*, *тюнюм* «и день и ночь, и сон и явь»; монг. *туне* «мрачный». Ср. кбал. *тюнене* «вчера».

Кбал. *чакъ*, малк. *цакъ*, ног. *шак* «перiod, время, времена года»; монг. *цаг*, б.-монг. *саг*, калм. *цаг* «время».

Кбал. *эртден*, ног. *эрте* «утро», кбал. *эртде* «рано, раньше, прежде»; монг. *эртд(эн)*, б.-монг. *эртэ*, калм. *эрт*, *эртэр* «рано, раньше».

12. Астрономические названия

Из астрономических названий нами зафиксировано одно.

Кбал. *Чолпан*, малк. *Цолпан*, ног. *Шолпан* «Венера»; монг. *Цолмон*. Соответствие *ц—ч*, *п—м*, *о—а*.

13. Названия поверий

Взаимоотношения народов и их языков могут получить пояснение, правда, подсобное, второстепенное, не только из чисто языкового материала, поэтому следует обратить внимание и на поверия и легенды. Наличие одинакового культа, одинаковых представлений у таких народов, как тюркские и монгольские, которые имеют разные религиозные убеждения, говорит о том, что некогда существовали благоприятные условия для появления общности в повериях.

Кбал. *алмасты*, *алмаслы*, ног. *алмаслы* «домовой; страшилище» (о человеке), монг. *алмас* «ведьма, легендарные дикie люди»; калм. *алмс* «ведьма».

Кбал. *джора*, малк. *зора* «предначертание, судьба, предназначение»; *аман джора* «плохое знамение, дурное предзнаменование, плохой признак»; ног. *йорув* «предсказывать»; о.-монг. *ёро* «плохое знамение, дурное предзнаменование»; монг. *ёр* «плохой признак, дурное предзнаменование, скверное предчувствие».

Кбал. *тейри*, уст. «бог». Х. О. Чайпанов считает, что «Главным божеством в карачаево-балкарском (языческом — Х. С.) пантеоне был Тейри — бог неба». В подтверждение этого он ссылается на слова Клапрота¹, путешествовавшего по Кавказу в начале XIX века: «Балкарцы и карачаевцы почитают бога, именуемого не аллахом, а Тегри в качестве подателя всякого добра».

В современном карачаево-балкарском языке это слово встречается в ограниченном числе словосочетаний: *тейри онг айландырсын* (из Алгыша-здравицы) «бог право повернет пусть», т. е. пусть бог повернет к лучшему; *тейри урсун* «бог ударит пусть», т. е. пусть бог накажет; *тейри джарыкъ*. В этом словосочетании слово «тейри» сохраняет оттенок древнего своего значения «небо»: «небесный свет, божий свет». Так карачаевцы называют свет на горизонте, на воображаемой линии касания неба и земли в ночное время; *мил тейриси — адам* (посл.) «для скотины бог — человек»; *тейри «ей богу»*; *тейри ант этеме* «клянусь богом»; б.-монг. *тэнгэри* «небо»; монг. *тэнгэр* «небо, небеса; гром, погода; бог, гений»; калм. *тенггр* «небо, небеса»; *тенггрин бээдл* «погода»

14. Названия металлов

Кбал., пог. *алтын* «золото»; монг. *алт(ан)*, б.-монг. *алтан*, калм. *алтн*. Соответствие звуков *ы—а*. Ср. кбал. *темиркъзакъ* < *темир* + *къзакъ* (железо + кол) «Полярная звезда». Все звезды движутся (так кажется с земли), а Полярная звезда стоит на месте, как железный кол, а у монголов он *Алтан гадас* < *алтан* + *гадас* (золото + кол).

Кбал. *булат*, кбал., пог. *болат* «сталь»; монг., калм. *болд*, б.-монг. *булад*. Различие *т—д* на исходе, видимо, орфографическое, а не фонетическое.

Кбал. *джез*, малк. *зез* «медь желтая»; монг. *зес* «медь красная»; б.-монг. *зэд* «медь»; калм. *зес* «латунь»; классич. *джед*, *джес*, халх. *джес* (СГМЯ—87). Соответствие *дж—з—дз* в начале, *з—д—с* в конце слова.

¹ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1937, стр. 32.

Кбал. *кюкюрт*, малк. *кукурт*, ног. *куькирт* «сера», шисьм.-монг. *кюкюр*, халх. *кхукхур* «горючая сера».

Кбал. *кзоргъашын*, ног. *коргасын* «свинец»; кбал. *кюн кзоргъашыннга тюшген заман* «период солнцестояния»; монг. *хорголж(ин)*, калм. *хорхлджн*.

Кбал. *кзурч* «сталь»; монг. *хурц* «паточенный, острый». Соответствие *ч* — *ц*.

Кбал., ног. *темир* «железо»; *кзатхан темир* «закаленное железо»; монг. *тёмёр* «железо»; *хатан тёмёр* «хрупкое железо»; б.-монг. *тюмэр*, калм. *тёмр* «железо». Соответствия: *е*—(*ё*—*ю*), *и*—(*ё*—*ноль звука*).

15. Названия родственных отношений

Кбал. *аба*, ног. *абай* «обращение к матери, к бабушке; тел. шор., саг. *аба* «отец». Ср. еще: кбал. *абдан* «старший, большой»; по модели корень *аба* плюс аффикс *-дан*, как *Балдан* — имя собственное женское — Медовая; п.-монг. *абу*, б.-монг. *аба*, х.-монг. *аав* «отец, папа, батюшка». Ср. еще: кбал. *абба*, *анпа* «дед, дедушка; отец»; «почтительное обращение к старому мужчине». Слово *аба* в общем в тюркских языках имеет значение «старший родственник». В карачаево-балкарском сохранилось как ласкательное обращение к матери, бабушке. А в форме *абба*, *анпа* — такое же обращение к отцу, деду, старику. Сюда же примыкает и общетюркская форма *ана* «старшая сестра».

Кбал. *акка* «дед, дедушка, старик»; монг. *ах* «старший», чув. *акка* «старшая сестра»; монг. *еке* «мать», монг. *эх*, б.-монг. *эхэ* «мать». Ср. орх. *ёге* «мать». Интересно сопоставить еще некоторые тюркские и монгольские варианты этого слова: саг. койб. *ёбёккэ* «прадед», як. *ёбюге*, *ёмюгэ* «прадед, отец», п.-монг. *эбюге*, х.-монг. *свёг*, о.-монг. *ёвкё* «дед, дедушка, предок, старец», узб. *ака*, тат. *ага*, п.-монг. *аха*, о.-монг. *ах* «старший брат». В современном карачаево-балкарском языке слово *акка* употребляется еще как почтительное обращение к старику. Такое же значение имеет слово *аха* в бурят-монгольском, где *ахай* «старший брат».

Кбал. *амма* «бабушка, бабка, старуха»; чув. *ами* «мать»; монг. *еме, эмэгтэй* «женщина», *эмээ* «бабушка, бабка», калм. *меемэ* «материнская грудь»; б.-монг. *мээ-мэй* (детское) «хлеб». Ср. кбал. *банпу* детск. «хлеб».

Кбал. *апсын*, ног. *абысын* «жены братьев по отношению друг к другу»; монг. *авьсан* «жена старшего брата по отношению к жене младшего брата». Соответствие *п—вь, ы—а*.

Кбал., ног. *ата* «отец», тат. *ата, эти* (зват.) «папа, тятя, отец»; п.-монг. *эчиге*, х.-монг. *эцег*, б.-монг. *эсэгэ*. Соответствие *т—ч* отмечено, а соответствие *ч—ц—с* широко распространено. Ср. монг. *эх(э)* «мать», где наблюдается соответствие звуков *т—х*, как в словах кбал. *тил* «язык», монг. *хэл*.

Кбал. *баба* — так зовут в семье старшую невестку. Сравни еще: *ата-баба* «предки»; бур. *баавай* «дед», *баабай* «отец»; монг. *ав, аав*.

Кбал. *баджа*, малк. *база*, ног. *бажа* «мужья сестер по отношению друг к другу, невестка и зять одних родителей по отношению друг к другу»; монг., калм. *баз* «мужья родных сестер», б.-монг. *база* «свояк». Соответствие *дж—з*.

Кбал. *джаджа, аджа* «первый ребенок, старший среди детей»; монг. *аажий* «бабушка, бабка»; *ажаа* «отец», «папа». В древнетюркских памятниках это слово встречается в формах: *эчи, эчио, ичи* «старший родственник» (дядя, брат, старший брат) (МСл., 363, 379). В современном карачаево-балкарском языке значение этого слова широкое, неконкретное, как и в древнетюркских памятниках.

Кбал., ног. *келин* «сноха»; калм. *келси, кююки* «невестка».

Кбал. *кэайын*, ног. *кайын* «родственник мужа (жены) по отношению к жене (мужу), шурин»; х.-монг., б.-монг., о.-монг. *хадам* «родня мужа по жене, старший родственник мужа по отношению к жене». Одно ли это слово? Нам думается, да. Соответствие *й—д* известно: кбал. *кэайа* «скала», монг. *хада*. Внутри тюркских языков: кбал. *айакъ, сайан, пдакъ* «нога»; чередование *м/н* также известно: кбал. *эн* «метка на ухе животного», монг. *им*; кбал. *эм* «самый», монг. *эн*; кбал. *кэоранч* «убыток», монг. *хорамж*; кбал. *джам(ы)чы* «бурка»,

калм. *зенч*; кбал. *дугъужам* «злой», монг. *дугужан* «кресный враг»; кбал. *ким* «кто», монг. *хэн*. Внутри тюркских языков: кбал. *джауум-джауун* «дождь»; кбал. *унут*, ног. *мут* «забыть». Чередование *къ* — *х* также закономерно: кбал. *къабыргъа* «бок», б.-монг. *хабирга*. Все это дает нам основание утверждать, что кбал. *къайын* и монг. *хадам* — варианты одного и того же слова, прошедшие свой фонетический и семантический путь развития в тюркских и монгольских языках.

Сложные слова, образованные с участием этих слов, говорят о типологическом сходстве тюркских и монгольских языков: кбал. *къайын ата* «свекор, тесть»; х.-монг. *хадам эцэг*, о.-монг. *хадм эцк*, б.-монг. *хадам баабай*. Кбал. *къайын ана* «теща, свекровь»; х.-монг. *хадам эх*, о.-монг. *хадам эк*, б.-монг. *хадам ежы* «теща»; калм. *хадм эк*.

Кбал. *къатын*, ног. *хатын* «женщина, жена, супруга»; п.-монг. *хатун*, х.-монг. *хатан*, о.-монг. *хатн* «супруга, барыня, дама, царица»; монг. *хатан* «княгиня, госпожа, знатная дама, дама». Соответствие звуков *къ*—*х*, *ы*—(*а*—*у*).

Кбал. *нѣгер* «товарищ, спутник, компаньон»; монг. *нѣхѣр*, б.-монг. *нюхэр* «супруг»; классич. *нѣкюр* «друг» (СГМЯ-130).

Кбал. *урлукъ*, ног. *урлык* «семя, семена»; это слово образовано от корня (*ы*)*рив*: *урлукъ* < *ырыв* + *лукъ*. Ср. *тиширив* < *тиши* + *рив* «жещина, женская половина человечества»; *эркегрив* < *эркек* + *рив* «мужчина, мужская половина человечества»; каз. *урык*, комп. *урук* «род, племя, потомство; семя»; як. *ру* «родина, родственник»; тат. *кардэш ыру* «родня», п.-монг. *уруг*, х.-монг. *ураг*, о.-монг. *ург* «родня, родственник, свойственники» (по жене), «родные, родители». Ср. еще кбал. *урукъ* «потомок, наследник; потомство», возможно *ырыу* < *урукъ*.

Кбал. *тукъум*, ног. *тукым* «фамилия, род, порода»; п.-монг. *тохом* «род, порода»; о.-монг. *тохом* «род, происхождение, порода, природа».

Кбал. *эгеч*, малк. *эгец* «сестра»; монг., калм. *эки* «старшая сестра»; бур. *эгэшэ*; кбал. *атамы эгечи* «тетя по отцу» (букв. отца моего сестра); б.-монг. *абга эгэшэ*, монг. *авга эгч*.

Кбал., ног. *эгиз* «близнецы», чув. *йекереш* «близнецы, двойня, пара»; о.-монг. *икир*, х.-монг. *ихир*, б.-монг. *эхир* «близнецы, двойня, пара».

Кбал. *эмеген* «чудовище, циклоп, баба-яга»; п.-монг. *эмеге*, *эмеген* «бабка, бабушка, старушка»; х.-монг. *эмгэн*, о.-монг. *эмэн* «старуха, старушка»; х.-монг. *эмэг эх* «бабушка», *эм* «жена, женщина»; б.-монг. *эмэ* «женщина, самка».

Кбал., ног. *эр* «мужчина, муж, супруг», монг. *эр*; кбал. *эр болургэа* «возмужать»; монг. *эр болох*, калм. *эр* «мужчина»; б.-монг. *эртэнь*, п.-монг. *эре* «муж, супруг».

16. Прочие имена существительные

Кбал. *алдав*, ног. *алдав* «обман, ложь»; монг. *алдаа* «ошибка, погрешность».

Кбал., ног. *ант* «клятва», монг. *ант*.

Кбал., ног. *арт* «зад», монг. *ар* «задняя или теневая сторона». Ср. кбал. *арда* «сзади, потом»; монг. *ард* (дат., мест. пад.) «сзади, позади, за спиной».

Кбал. *арыш*, ног. *арыс* «оглобля, дышло»; монг. *арал* «оглобля». Соответствие *ш—л*.

Кбал. *асырав*, ног. *асырав* «забота, уход, опека», монг. *асрамж*.

Кбал. *асыравчу* «воспитатель, опекун, кормилец»; монг. *асрагч*.

Кбал. *ав*, ног. *ав* «сеть», кбал. *ув* «охота»; монг. *аб*, бур. *аба* «облава, охота». Соответствие *в—б*.

Кбал. *багэина*, ног. *багана* «столб, опора, подпорка, свая»; б.-монг. *бахина*, калм. *бахн* «бык, свая».

Кбал. *бадрав*, ног. *бадрав* «набухание вымени коровы перед отелом»; монг. *бадрал* «расцвет» (слово персидское).

Кбал. *байса* «увалень, бездельник»; бур. *байса* «скала».

Кбал. *балаган* «шалаш», калм. *балхсн* «город».

Кбал., ног. *балта* «топор»; монг. *балт*.

Кбал. *барамта* «задержка в возвращении задержанного скота; содержание взаперти»; монг. *баримт(а)* «доказательство, факт, документ, справка».

Такое развитие семантики вполне возможно. Задержанный скот не возвращался до разрешения спора, до

возмещения убытка от потравы, как доказательство, как факт, за который нужно отвечать хозяину.

Кбал., ног. *белги* «знак»; б.-монг. *бэлгэ*, монг. *бэлэг*.

Кбал. *белек*, ног. *боьлик* «часть, группа»; монг. *бю-лэг*. Соответствие ё—ю.

Кбал. *бёлом* «часть, отдел»; монг. *бюльгэм* «группа, кружок, общество». Соответствие ё—ю.

Кбал., ног. *билим* «знание»; монг. *билиг*, б.-монг. *бэ-лиг*, калм. *билг* «дарование».

Кбал. *бокъ*, ног. *бок* «кал, навоз, сор», монг. *бог* «сор, мусор». Соответствие къ—г.

Кбал. *болджал*, малк. *болзал*, ног. *болжал* «срок»; монг. *болзол* «условие»; *болзоо(н)* «договоренность, условие» (о сроке). Соответствие дж—з.

Кбал. *босагъа*, ног. *босага* «порог»; б.-монг. *босохо*, монг. *босго*.

Кбал. *бугъов*, ног. *бугав* «кандалы»; монг. *богоч*.

Кбал. *бузукъ*, ног. *бузык* «недостаток, неисправность»; монг. *бузар* перен. «мерзость, бесчестный».

Кбал. *бургъуч* «отвертка»; монг. *бургы*.

Кбал. *бурундукъ*, ног. *бурындык* «деталь уздечки, перекидываемая через нос лошади от одного конца удила к другому»; азерб. *бурунтаг*, кирг. *мурунтук* «повод верблюжий, бычий», каз. *мурындык* «палочка под ноздрями верблюда», монг. *бурунтаг*, о.-монг. *бурнтг*.

Особенностью карачаево-балкарского варианта слова является наличие аффикса *-дукъ* вместо *-лукъ*. Таких слов, где в начале данного аффикса звучит *-д-*, в карачаево-балкарском языке сохранилось немного; *тёртсандыкъ* «рослый, большой», *илгиздик* «отчужденный».

Кбал. *бечев* «веревка»; монг. *бюч* «шнурок, тесьма».

Кбал. *быргъы* «труба»; монг. *бюрээ* «труба» (муз.), б.-монг. *бюрэз*, калм. *бюрэ*.

Кбал. *гебенек* «войлочный плащ с капюшоном»; монг. *хэвнэг* «бурка», калм. *кэвнг* «вата». Соответствие г—х, б—в, к—г.

Кбал. *гёген* «кумган»; монг. *кёкн* «сосок, сосцы».

Кбал. *гёзенек*, ног. *йовзенек* «род плетня в виде решетки»; бур. *эргэнэг* 1) «ворота, сделанные в виде решетки»; 2) «маленький дворик для ягнят и телят». С бур. *эргэнэг* сопоставляется еще кбал. *юзгере* «перего-

родка для ягнят, телят, составленная из нескольких гёзенек»; *юзгере-эргэнэг* — налицо чередование з—р, р—н.

Кбал. *гюрджю* «грузин», монг. *гюрж*.

Кбал. *ёзден*, пог. *обзден* «уздень», т. е. лицо и сословие, свободное от крепостной зависимости, которое считает своим достоинством «не холопское» происхождение; стоит между биями — владельцами рабов и кулаки—рабами; монг. (*орд(он)*) «дворец», *ёргёё* «юрта высокопоставленного лица».

Если учесть тюрко-монгольское соответствие звуков р/з, то этимология этих слов нам представляется общей. Что касается логической возможности такого развития семантики, то она присутствует: *ёзден* — человек из дворца, т. е. из *орд(он)*, из юрты высокопоставленного лица.

Э. Н. Наджип отмечает, что это слово имеет значение¹ «красивый». Оно образовано от корня *уз*. В памятниках XIV—XV веков встречается в значении «искусный, мастер, красивый, хороший». В монг. есть вариант *уран* «искусный». Ср. еще кирг. *уз* «искусный», турец. *уз* «хороший, добрый».

В современном карачаево-балкарском языке аффикс *-ган(-ден)* — имяобразующий. Ср. Балдан < бал «мед» + дан имя соб. женское, т. е. медовая, из меда.

Кбал. *ёч*, малк. *ёц* «злоба», пог. *овш* «месть», монг. *ёс*, бур. *юхёё* «месть, мщение, злоба, ненависть».

Кбал. *джагъа*, пог. *яга* «воротник, берет»; монг. *зах* «ворот, воротник; край, окраина».

Кбал. *джай*, малк. *зай* «место»; монг. *зай*.

Кбал. *джал* «зарплата», малк. *зал*; монг. *цалин(г)*, б.-монг. *салин(г)*.

Кбал. *джалбарыв*, малк. *залбарыв*, пог. *ялбарув* «просьба, вымаливание»; монг. *залбирал* «мольба, просьба».

Кбал. *джалгъав*, малк. *залгъав*, пог. *ялгав* «надставка; соединение», монг. *залгаа* «надставка, продолжение, связь, соединение».

Кбал. *джан*, малк. *зан*, пог. *ян* «душа»; монг. *зан* «прав, поведение, характер».

¹ Э. Н. Наджип. Кыпчакско-огузский литературный язык Мамлюкского Египта XIV века. Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. док. филол. наук. М., 1965, стр. 82.

Кбал. *джангылыкъ*, малк. *зангылыкъ*, ног. *янъылык* «новость»; монг. *занги* «известие, извещение».

Кбал. *джарым*, малк. *зарым*, ног. *ярым* «пол, половина»; монг. *зарим* «половина, часть». Соответствие *дж—з, ы—и*.

Кбал. *джасакъ*, малк. *засакъ*, ног. *ясак* «дань»; монг. *засаг* «власть», «правительство, политический строй».

Кбал. *джая*, ног. *яй* «лук», монг. *йадасун* «концы лука».

Кбал. *джол*, малк. *зол* «удача»; *джолум болду* «мне повезло, мне сопутствовала удача»; монг. *жол* «счастье».

Кбал. *джомакъ*, малк. *зомакъ* «сказка»; ног. *юмак* «загадка»; монг. *домог* «повесть».

Кбал. *джулув*, малк. *зулув* ист. «выкуп за освобождение крестьян от крепостной зависимости в период отмены крепостного права»; монг. *золиг* уст. «выкуп». Соответствие *дж—з, у—о, в—г*.

Кбал. *джувумду* «одежда умершего, которая раздается бедным»; монг. *юум* «вещь» (СГМЯ—68). Соответствие *дж—й*.

Кбал. *джыгырык* «колесо, кольцо»; монг. *цагариг* «обруч, кольцо». Соответствие *дж—ч, ы—а, ы—и, к—г*.

Кбал. *джорукъ* «порядок, правило»; монг. *зор, зориг* «воля».

Кбал. *иш*, ног. *ис* «дело, работа»; монг. *иш* «источник, основа, начало». Ср. кбал. *ич* «внутренности, внутренняя часть».

Кбал. *кеб*, ног. *кеп* «форма, колодка»; монг. *хев* «форма»; б.-монг. *хэб*, калм. *кев* «форма, модель, образец».

Кбал., ног. *кебек* «шелуха, отруби»; монг. *хэбэг*. Соответствие звуков *к—(х—г), е—э*.

Кбал. *кем(лик)*, ног. *кемшилик* «недостаток, порок»; монг. *гэм*.

Кбал., ног. *кесек* «часть, кусок»; монг. *хэсэг*.

Кбал., ног. *кир* «грязь»; монг. *хир*.

Кбал. *кюч*, ног. *куьш* «сила»; малк. *кюц*; монг. *хюч(ин)* «сила, мощь»; б.-монг. *хюсэн*, калм. *кючн*, классич. *кючюн* (СГМЯ—95).

Кбал. *къадив* «запор» (двери); монг. *хадаас(ан)* «гвоздь».

Кбал. *къаб*, ног. *кап* «чехол, футляр»; монг. *хавтас* «обложка».

Кбал. *кбайгзы*, ног. *кайгы* «тревога, беспокойство»; монг. *хайх* «разведка».

Кбал. *кѳазакѳ*, ног. *казак* «казак»; монг., б.-монг. *хасаг*, калм. *хизг*.

Кбал. *кѳазах*, ног. *казак* «казах»; монг. *хасаг*, б.-монг. *казах*, калм. *хасг*.

Кбал. *кѳасмакѳ*, ног. *каснак* «пригарок, пригоревший слой на дне котла»; чув. *хысма*, х.-монг. *хусам*, о.-монг. *хусма* «пригарок на дне котла после кипячения молока».

Кбал. *кѳалкѳан*, ног. *калкан* «щит», монг. *халх(а)* «заслон».

Кбал. *кѳара* «мишень, цель»; *кѳара атаргѳа* «стрелять в мишень»; монг. *хараа(н)* *овоо* «мушка, прицел». См. прилаг. *кѳара* «черный».

Кбал. *кѳаргѳыш*, ног. *каргыс* «проклятие»; монг. *хараал*.

Кбал. *кѳаудан* «сухая прошлогодняя трава»; монг. *кѳагѳда*.

Кбал. *кѳонакѳ*, ног. *конак* «гость»; монг. *хоног* «ночевка, ночлег», *хоноц* «путник, оставшийся на ночлег».

Кбал. *кѳонуш* «насест»; монг. *хонуур*.

Кбал. *кѳонгурав*, *кѳонгуров* «колокол»; монг. *хонх(он)*.

Кбал. *кѳоранч* «убыток, жертва»; монг. *хоромж* «убыль, уменьшение».

Кбал. *кѳ(ы)рал*, ног. *кырал* «страна, государство»; монг. *хурал* «съезд, заседание».

Кбал., ног. *кѳотан* «загон для овец, хлев»; *кѳотан... толу кѳой* «полный хлев овец...»; каз. *кѳотан* «место около юрты для ночлега овец», узб. *кѳутан* «стадо баранов, хлев для овец»; х.-монг. *хото* «город»; *хотон* «стойбище»; о.-монг. *хото(н)* «группа юрт, стойбище»; б.-монг. *хото(н)* «загон, стойбище, хлев». Ср. еще кбал. *кѳутам*, *кутам* «группа, куча».

Кбал. *кѳош*, ног. *кос* «пара»; монг. *хос*.

Кбал. *кѳут* «обаяние; обилие»; *кѳонакѳ келсе кѳут келир*, *кѳоб келсе джут келир* «если гость придет, придет веселье, обилие; если много гостей придет, голод придет»; *кѳутсуз* «противный, не имеющий обаяния», монг. *хутаг* (уст.) «счастье, благополучие».

Кбал. *махтав*, ног. *мактав* «хвала»; монг. *магтаал*.

Кбал. *ой*, *ойум*, ног. *ой* «мысль, соображение»; монг.

оюун «ум, разум»; *оюун тэггөлдөр* «талантливый»; б.-монг. *оюун, ойн* «ум».

Для карачаево-балкарского слова характерно приращение притяжательного местоименного аффикса I лица. Ныне *оюм* < *ойум* более распространено в значении «мысль» (а не «моя мысль»), чем *ой*: *оюмсуз* «необдуманый» (вместо *ойсуз*), *оюмлу* «обдуманый» (вместо *ойлу*); *оюмум* «моя мысль» вместо *ойум* (плеонастическое употребление аффиксов). Такое же явление наблюдается и у слова *анг* «сознание», который более употребителен в форме *ангы* в значении «сознание» (а не «его сознание»); *ангысыз* «несообразительный», «тупой», *ангылы* «понятливый, сообразительный», *ангысы* «его сознание».

Кбал. *олтан*, ног. *ултан* « подошва, подметка»; монг. *ул*.

Кбал. *онг* «преимущество, привилегия»; монг. *онцгой*.

Кбал. *орун*, ног. *орын* «место, постель; должность»; монг. *ор(он)* «место, кровать, койка, постель»; б.-монг. *орон* «кровать», калм. *орн, орндг* «кровать» (ср. кбал. *орундукъ*); калм. *орм* «место, пространство, должность». Соответствие *у—о*.

Кбал. *палах, балах*, ног. *баъле* «беда, бедствие, угроза»; монг. *балаг* «вина, причина». Ср. еще кбал. *балакъа* «розги, палка для телесного наказания ученика медресе, указка».

Кбал. *саба* «палочка для взбивания шерсти»; монг. *саваа*. Интересно то, что от этого слова образуется глагол и в карачаево-балкарском и в монгольских языках: кбал. *сибаларгъа* «взбивать шерсть», монг. *саваадах* «стегать, бить палкой, прутом кого-что-л.»

Кбал. *сал* «носилки, на которых относят покойника на кладбище», ног. *сал* «сплав леса»; монг. *сал* «плот».

Кбал. *савум*, ног. *савым* «надой»; монг. *саам*.

Кбал. *сув*, ног. *сув* «вода»; монг. *ус*, б.-монг. *усин*, калм. *усн*.

Кбал. *сюрюв*, ног. *субруьв* «стадо, сборище, толпа»; п.-монг. *сюрюг*, о.-монг. *сюрг*, х.-монг. *сюрэг* «стадо, стая; сборище»; б.-монг. *сурэг* «стадо, стая, туча (о комарах); сборище, толпа».

Кбал. *таб-*, ног. *тап-* «найти»; монг. *таавар* «загадка».

Кбал. *тамгэа*, ног. *тамга* «тавро, клеймо, пятно»; монг. *тамга*, *тэмдэг*, б.-монг. *тамга* «тамга, тавро, клеймо, штемпель, штамп, печать»; калм. *тамх*. Интересно сопоставить здесь же: кбал. *тамгэалы* «клеящийся, имеющий тавро», монг. *тамгат*. В каждом языке слово живет своей жизнью. Здесь тюркский аффикс, там монгольский идентичный.

Кбал. *тансыкъ* «желание видеть»; монг. *тансаг* «удовольствие, радость».

Кбал. *татыв* «достаточность»; *шайны тузу татыгъанды* «в чае соли достаточно»; монг. *татуу* «недостаточность», кбал. *татыргэа* «оказаться достаточным»; монг. *татуудах* «оказаться недостаточным»; б.-монг. *дутамаг*, *дутуу* «недостаток, недостача, недостаточный». Семантическое развитие слова привело к антонимичным значениям в тюркских и монгольских языках.

Кбал., ног. *терезе* «окно»; о.-монг. *терз* (СГМЯ—30).

Кбал. *тёр*, ног. *тоёр* «почетное место»; монг. *тёр* «режим, строй, правило», *тёрю* «власть». Почетное место старшему, влиятельному отводится, исходя из традиций, правил.

Кбал. *тёре*, ног. *тоёре* «судья»; монг. *тёр* «закон».

Кбал. *тёрткюл*, ног. *добрткил* «четырёхугольник, квадрат»; монг. *дёрвелжин*

Кбал. *тёш* «наковальня»; монг. *дёш*.

Кбал. *тигим*, *тигимлик* «угощение младшего старшим, соседа соседом мясом из свежего забоя или куском от своей доли после варения»; монг. *текимлиг*¹ в выражении: *айагъ-кэа текимлиг* «буддийский монах» (букв. принимающий жертву в чаше), собирающий жертву-милостыню в чашу.

Кбал. *тырмашуу* «старание, радение»; монг. *чармайлт*. Чередование т—ч, как в монгольском местном названии 2 лица: *ти* > *чи* «ты».

Кбал. *тырнав*, ног. *тырнаввиш* «борона»; монг. *тармуур* «грабли».

Кбал. *тюгел*, *тавукул* «кончатся», ног. *тавьесуув* «кончатъ», монг. *тёгсгёл*, *дуусвар* «окончание».

¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 138—139.

Кбал. *туб*, ног. *туьп* «низ, основание, основа»; монг. *тёв* «центр, центральный».

Кбал. *тюрсюн* «вид, образ»; монг. *дюрс*.

Кбал. *ув*, ног. *ав* «охота»; монг. *ав* «охотничий промысел, звероловство»; б.-монг. *аба* «охота», «ловля зверей»; «облава»; калм. *анг* «охота».

Кбал. *учукъ* «остаток, обрывок нити при прядении»; монг. *учиг*.

Кбал. *учхун*, ног. *ушкын* «пепел», монг. *оч(ин)*, б.-монг. *ошон*, калм. *очн* «искра». Ср. еще кбал. *ёчюр* «потуши», *ёчюл* «погасни».

Кбал., ног. *уя* «гнездо»; халх. *уйа* «засада, разбойничье гнездо».

Кбал., ног. *хан* «хан»; монг. *каган*. В карачаево-балкарском языке из сочетания *г+с+г*, видимо, сначала образовался долгий гласный, а затем уже нормальный: *хан* < *хаан* < *каган*.

Кбал. *хуна* «забор каменный», бур. *хана*.

Кбал. *хую*, *кзую*, ног. *кую* «колодец», монг. *худаг*. Соответствие *й—д*.

Кбал. *чана*, малк. *цана*, ног. *шана* «сани»; монг. *цана*, б.-монг. *сана* «лыжа, лыжи»; калм. *цан* «сани». Соответствие *ч—(ц—с)*.

Кбал. *чаначы* «санник»; монг. *цанач* «лыжник»; б.-монг. *санашан*.

Кбал. *чий* «циновка, лоза»; монг. *чий* «вышня степная».

Кбал. *чилле*: *кзыш чилле* «самое холодное время зимы, которое длится 40 суток»; *джай чилле* «самое жаркое время лета, продолжительность в 40 суток»; ног. *шилде*; монг. *чилдийх* «долго тянуться» (о времени). Персидское слово.

Кбал. *чыбыкъ*, ног. *шыбык* «лоза»; монг. *шаваг* «полынь».

Кбал. *чунгур*, малк. *цунгур*, ног. *шукыр* «выбоина, ухаб, ямочка, рытвина»; монг. *онгар цонгор* «ухабы, ямы», б.-монг. *хонхор* «углубление, выбоина, впадина, рытвина».

Кбал. *шоргъа* «лейка»; *шоркъа* «ручей»; монг. *цорго* «горлышко»; б.-монг. *сорго* 1) перегонная труба (по которой стекает накуренная молочная водка); 2) водосточная труба (см. *быргзы*). Соответствие *ш—(ц—с)*.

Кбал. *шыша*, ног. *сисе* «бутылка»; монг. *шил(эн)*.
Соответствие ш—л.

Кбал. *юлгю*, ног. *уьлги* «образец, модель, форма, выкройка»; монг. *юлгэр*.

Кбал. *эб*, ног. *эн* «удобство»; кбал. *эбине тюшерге* «приловчиться»; монг. *эв* «лад, согласие».

Кбал., ног. *элек* «сито»; монг. *элхэг*.

Кбал., ног. *эн* «ширина»; монг. *энь, эн(г)*.

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Лексические параллели встречаются и в области прилагательных качественных, а также относительных.

Кбал. *ала* «пестрый, разноцветный»; ног. *ала*, монг., п.-монг. *алаг* «пестрый, разноцветный, неравномерный»; х.-монг., б.-монг. *алаг*, калм. *алг* «негний, пестрый, поло-сатый, белобокий».

Кбал. *арив* «красивый, чистый»; ног. *арувь* «красивый», монг. *аруухан* «миловидный, пригожий»; монг., б.-монг. *ариг* «чистый, опрятный», *ариун* «священный, святой; чистоплотный»; калм. *эрюн* «чистый, честный, безупречный, священный. святой». Соответствие *в—г—н*. Кбал. *арив сув*, монг. *ариг ус* «чистая вода».

Кбал. *асхакъ*, ног. *акъсакъ* «хромой», монг. *асаг* «хромота» (у животных).

Кбал. *бай*, ног. *бай* «богатый»; монг., б.-монг. *баян*, калм. *байн*.

Кбал. *батыр*, ног. *баьтир* «храбрый, герой»; монг. *баатар*, калм. *баатр* «герой».

Кбал. *бек* «прочно, прочный, неприступный»; ног. *бек*, *берк*; монг. *бэх* «прочно, накрепко».

Кбал. *бёгек* «мужественный; заносчивый»; монг. *бюх* «силач».

Кбал., ног. *боз* «серый, сивый»; монг. *бор*, б.-монг. *боро*, калм. *бор*.

Кбал. *бурма* «курчавый»; монг. *буржгар*, б.-монг. *буржагар* «курчавый, вьющийся, пушистый, лохматый». Корень общий, а аффиксы разные — тюркский и монгольский, но однозначные аффиксы.

Кбал. *бурул* «чалый»; монг. *буурал* «седина, седой, поседелый»; б.-монг. *буурал* «седой» (о человеке), «чалый» (о масти), калм. *буурл* «седой, чалый».

Кбал. *буваз*, ног. *бувиз* «беременная; стельная»; монг. *боос* «стельная», б.-монг. *боод* «беременная; стельная, жеребая, супоросая, суягная»; п.-монг. *богос* «зародыш у самки зверя и животного».

Кбал. *бютюн*, ног. *буьтин* «весь, целый, совсем»; монг., б.-монг. *бютэн* «целый, цельный, весь»; калм. *бютн* «целый». Ср. кбал. *бютев* «весь».

Кбал. *гылджа* «кривой»; монг. *гилжгий* «искривленный», *гилзгой* «кривой».

Кбал. *дев*, ног. *деюв* «великан, силач»; халх. *ду* < *дею* < *дею* < *дею* «младший» (СГМЯ—77). Некоторые исследователи считают это слово индоевропейским¹.

Кбал. *дырга* «увалень, великан, медведь» (большой человек); монг. *дарга* «старшина, председатель, командир, начальник».

Кбал. *дюрген* «грубый, резкий» (о характере); монг. *тюргэн* «быстро». Ср. кбал. *тири* «быстро».

Кбал. *ёсгэн*, ног. *оьскен* «выросший, растущий»; монг. *ёсгёлен* «рослый».

Кбал. *джайдакъ*, малк. *зайдакъ*, ног. *яйдак* «неоседланный, без седла» (о лошади); х.-монг. *зайдан(г)*, б.-монг. *зайдан*, о.-монг. *зээднг*.

Кбал. *джалан да*, ног. *яланъ* «постоянно, только»; монг. *ялангуяа* «особенно».

Кбал. *джалкъав*, малк. *залкъав*, ног. *ялкив* «ленивый»; монг., бур. *залхуу*, калм. *залху*.

Кбал. *джангы*, малк. *зангы*, ног. *янъы* «новый», монг. *йангги* «новость», бур. *шэнэ*.

Кбал. *джавхар* «жемчуг»; малк. *завхар*, монг. *цоохор* «пестрый, пятнистый, рябой, чубарый»; б.-монг. *соохор* «пестрый, чубарый»; калм. *цоохр* «пестрый». Слово персидское.

Кбал. *джут*, малк. *зут* «жадный, голодный, хапуга; голод, бескормица»; аман *джутубузну сюрдюк* «мы чуть утолили свой голод»; ног. *ютлык* «падеж, бескормица»; х.-монг., б.-монг., о.-монг. *зуд* «бескормица (зимняя), гололедница, ледяная бескормица». Соответствие *дж*—*з*.

Кбал. *джюрекли*, малк. *зюрекли* «сердитый, храбрый»; монг. *зюрхтэй* «храбрый».

¹ М. Н. Петерсен. Очерк литовского языка. М., 1955, стр. 130.

Кбал. *ийнак* «нежность, сердечность; нежный, сердечный»; мон. *инок* «близкий друг», калм. *иньг* «друг».

Кбал., ног. *керек* «нужный, нужно»; монг., бур. *хэрэхтэй* «нужный».

Кбал. *кёк*, ног. *коьк* «голубой, синий; зеленый» (о траве), калм. *кёк* «зеленый» (СГМЯ—196), монг. *хёх* «синий, голубой, зеленый»; б.-монг. *хюхэ*, калм. *кёк* «голубой». Совпадение значений не только в обозначении цветов, а еще в обозначении мастей: кбал. *кёк* «серый, сивый, сизый»; б.-монг. *хюхэ* «серый, сивый». Еще одна особенность: и в тюркских и в монгольских это слово обозначает «зеленый» лишь в том случае, когда речь идет о траве.

Кбал. *кёндеден* «поперечный, поперек»; монг. *хёндлён*, б.-монг. *хюндэлэн*, калм. *кёндлнэ*.

Кбал., ног. *кирли* «грязнуля, загрязненный»; монг. *хиртэй*.

Кбал. *кюрен*, ног. *куьрен* «темно-рыжий, темно-коричневый, бурый; ореол вокруг луны темно-рыжего цвета», п.-монг., х.-монг. *хурэн*, монг. *хюрэн*, б.-монг. *хюри(н)*, о.-монг. *кюрнг* «бурый, коричневый».

Кбал. *кючлю*, ног. *куьшли* «сильный»; монг. *хючтэй*.

Кбал. *кэаб-кэара*, ног. *кап-кара* «совершенно черный»; монг. *хав хар*, б.-монг. *хаб хара*. Совпадает не только слово, но и частица интенсива. Ср. еще кбал. *кэаб-кэаты*, монг. *хав хатуу* «претвердый».

Кбал. *кэара*, ног. *кара* «черный, темный, физический, грубый, злой, коварный, зловредный, вороной (о масти)»; монг. *хар*; б.-монг. *хара* «черный, темный, без молока»; калм. *хар* «черный, темный, злой, преступный, физический». Данное слово интересно тем, что совпадают не одно или два значения в тюркских и монгольских языках, а почти все значения, даже переносные. Ср. кбал. *кэара иш*, б.-монг. *хара хюдэлмэри* «черная работа, физический труд»; кбал. *кэара кюч*, б.-монг. *хара хюшэн* «физическая сила»; кбал. *кэара джюрек*, б.-монг. *хара санаан* «злой умысел, коварство». Даже образ жизни, блюда тюрков и монголов имеют много общего. Карачаевцы, сварив чай, похлебку, баланду, добавляют пресное или кислое молоко. Если не добавлено молоко, то блюда называются: *кэара билямук* «черная похлебка»; *кэара шай* «черный чай». Ср.

б.-монг. *хара цай* «незабеленный чай», кбал. *къара эт*, б.-монг. *хара мяхан* «чистое мясо», т. е. без костей, жира; кбал. *къара сув* «родник, ключ»; б.-монг. *хара усан* «чистая вода»; кбал. *къара киши*, б.-монг. *хара хюн* «простолюдин, простой человек». Такое сплошное совпадение значений (см. еще слово *къараргъа* «смотреть») говорит о том, что слово не заимствовано ни одним из языков, ибо слово заимствуется в каком-то одном значении.

Кбал. *къарагъан* «зависимый, подвластный»; *киши къолуна къарамазча бол* «будь независимым ни от кого»; монг. *хараат*.

Кбал. *къарангы*, ног. *каранъа*, монг. *харанхуй*, б.-монг. *харанхы* «темнота, тьма, мрак; темный, невежественный»; кбал. *къарангы адам*, б.-монг. *харанхы кюн* «темный (невежественный) человек».

И здесь наблюдается совпадение не только прямых, но и переносных значений.

Кбал. *къаратор*, *къаратору* «гнедой, вороной»; п.-монг. *харабтур*, халх. *харавтар*, калм. *харвтр* «бурый, черноватый». Ср. еще кбал. *къарадура* «черномазый».

Кбал. *къаршчы*, *къаршы* «враждебный»; ног. *карсы* «против»; монг. *харш*.

Кбал. *къатангы* «сухощавый, жилистый, худощавый, сухопарый, выносливый, крепкий»; монг. *хатан* «крепкий, закаленный, твердый»; б.-монг. *хатанги(р)* «сухопарый, сухощавый, худощавый, тощий, истощенный»; калм. *хатмл* «сухопарый, сухощавый, худощавый».

Кбал. *къатхан* «закаленный»; монг. *хатан* «хрупкий».

Кбал. *къаты*, ног. *каты* «твердый, жестокий»; монг. *хатуу*, *хатагу*, *хатан*.

Кбал. *къолан*, ног. *кула* «пегий, пёстрой окраски, рябой»; п.-монг. *хула*, х.-монг. *хул*, б.-монг. *хула* «саврасый»; калм. *халон* «буланый».

Кбал. *къонгур*, ног. *конъыр* «темно-бурый, бурый, смуглый»; п.-монг. *хонггор* «светловолосый, светло-рыжий, желтая, саврасая, игреневая масть»; х.-монг. *хонгор* «соловый», «светло-рыжий», калм. *хонхр* «саврасый».

Кбал. *къуба* «светло-бурый, светло-желтый, песочный цвет», ног. *куба* «багровый, бурый»; х.-монг. *хува*, *хуа* «светло-желтый»; о.-монг. *хоо* «светло-желтый, кау-

рый»; *хоокчи(н)* «каурая»; б.-монг. *хуиа* «песочного цвета, каурая»; п.-монг. *хубахай*, х.-монг. *хувкаи*, б.-монг. *хубхай* «бледный».

Кбал. *кѳурггакѳ*, ног. *кургак* «сухой»; монг. *хуурай*.

Кбал. *кѳутукѳ* «безволосый, лысый»; монг. *хуух* «кожа головы».

Кбал. *кѳувуш*, ног. *кувыс* «пустой, полый»; монг. *хоосон* «пустой, порожний».

Кбал. *маталлы* «подобный, подобно; -образный»; монг. *мэт*; б.-монг. *мэтэ*, калм. *мэт*; кбал. *адам маталлы* «человекообразный», калм. *кюн мет*.

Кбал. *мукур*, ног. *буькуьр* «горб, горбатый»; монг. *мѳхгѳр* «сгорбленный», «тощий»; б.-монг. *бюхэтэр* «горб, горбатый»; *бюгдехер* «сутулый, наклонившийся», *морхогор* «горбатый» (о носе); калм. *морххр* «горбинка» (носа); *беки*, *бѳгдхр* «горб, горбатый», соотносится с другим тюркским словом: кбал. *бюк* «согнуть», *бюгюл* «согнуться», *бюгюлген* «согнутый». Ср. еще п.-монг. *бѳхѳ*, х.-монг. *бѳх*, б.-монг. *бюхэн*, о.-монг. *бѳкѳн*, *бѳкн* «горб» (верблюда).

Кбал. *мухол* «инертный, медлительный»; монг. *мѳхѳс* «слабый, слабосильный». В первом слоге здесь налицо закономерное чередование *у—ѳ*. Чередование же *л—с* на исходе нами еще не отмечено, но если учесть чередование *л—ш*, то это возможно.

Кбал. *мынгырав* «туповатый, невосприимчивый, несообразительный»; монг. *мангар* «глуповатый, малосообразительный»; б.-монг. *мангар* «похмелье».

Кбал. *назик*, ног. *наьзик* «нежный, тонкий»; монг. *нэрн* «тонкий». Тюрко-монгольское соответствие *з—р* общеизвестно. На основании этого соответствия мы полагаем, что здесь мы имеем дело с вариантами одного и того же слова арабского происхождения.

Кбал. *огъай* «не, нет» (отрицание); монг. *югюй* «нет», б.-монг. *югы*, *-гюй* (пишется слитно с предыдущим словом) «нет, не»; калм. *уга* «нет, не». Ср. малк. *угъай*. По семантике все варианты идентичны. По звуковому составу и акустике близки малкарский и калмыцкий варианты. Это может быть обусловлено тем, что слово заимствовано у калмыков в эпоху Дондок-Омбо, в XVIII веке, когда калмыки кочевали по Кубани и Северному Кавказу. В этот же период могло быть заимствовано и слово *цам* «религиозный праздник, пан-

томима монахов» в формах *цам, чам* в значении «шутка». Ср. кбал. *огбай, мен алкзын юйге бармайма*, калм. *уга, оди деерэн хэрхэр бээхн угав* «нет, я еще не иду домой».

Кбал. *осал* «плохой, неважный»; монг. *осол* «небрежность, упущение, оплошность, неосторожность»; *осолтой* «небрежный, халатный».

Кбал. *от* «яд, отрава»; монг. *отачи* «врач».

Кбал. *саулукъ* «дойный»; монг. *саадаг, саалийн*.

Кбал., ног. *салпы* «отвислый» (об ушах); монг. *салбагар* «слишком большой, висящий, болтающийся» (об одежде).

Кбал. *сакъ*, ног. *сак* «чуткий»; калм. *саг* «настороже».

Кбал. *салкзын*, ног. *салкын* «прохладный; прохлада, холодок, тень»; монг. *салхи(н)*, б.-монг. *салхин*, калм. *салькн* «ветер».

Кбал. *саргзыл(дым)*, ног. *саргылт* «желтоватый»; монг. *сарагзул* «светлый» (СГМЯ—28). См. след. слово.

Кбал., ног. *сары* «желтый», п.-монг. *шира*, х.-монг. о.-монг. *шар*, б.-монг. *шара* «чалый» (о лошади), «рыжий» (о человеке); «желтый, желтоватый». Соответствие звуков *с—ш, а—и, ы—а*.

Кбал., ног. *сезген* «чувствующий»; монг. *сэргэлэн* «умный, смысленный, сообразительный». Соответствие *з—р*.

Кбал. *сёл*: *сёл болду* «(он) утих»; монг. *сэлююн* «место, где меньше движение людей».

Кбал. *серивюн* «медленный» (об огне), «тихий»; монг. *сэрюю(н)* «прохладный, свежий».

Кбал. *сесеккли* «беспокойный», ног. *сескенуьв* «вздروгнуть»; монг. *сэрэг* «бодрствующий», «чуткий» (о сне). Соответствие *з—р*. В карачаево-балкарском языке произошло оглушение *-з-* перед глухим *к*.

Кбал. *сингенен*, ног. *синген* «впитавшийся, пропитавший(ся)»; п.-монг. *сингэн*, б.-монг. *шингэн* «жидкий; жидкость»; о.-монг. *шингн* «жидкий, слабый»; х.-монг. *шингэн* «жидкий, редкий» (о растительности); «тонкий» (о голосе); «слабый». Соответствие *с—ш*.

Всякое жидкое вещество впитывается. Если учесть это, то логическая возможность — этот зыбкий и в то же время могучий критерий вполне допускает такую эволюцию значения этого слова.

Кбал. *сокъур*, ног. *сокыр* «слепой», п.-монг., х.-монг. *сохор*, б.-монг. *сохор*, о.-монг. *сохр*.

Кбал. *субай* «стройный, тонкий, красивый»; азерб. *субай* «холостой, холостяк»; г.-алт. *субай* «яловая»; х.-монг. *сувай*, о.-монг. *субха*, б.-монг. *субай* «яловый, бесплодный скот».

Логическая возможность развития семантики от «ялового» к «стройному, красивому» в карачаево-балкарском языке превратилось в реальность, т. к. красиво все то, что молодо, не обременено ношею и т. д.

Кбал. *сырылган*, ног. *сырылган* «стеганный»; монг. *ширмэл* «прошптый».

Кбал. *таралган*, ног. *таралган* «распавшийся под действием ветра или текучей воды, развеянный, размытый»; монг. *таралги* «разбросанный, рассеянный».

Кбал. *тавусулган*, ног. *тавьесилген* «законченный»; монг. *тэгс*.

Кбал. *тели* «глупый, дурак»; монг. *тэнэг* «глупый». Здесь соответствие звуков *л—н*, как в кбал. *мулда*, монг. *мундаа* «холка». Ср. кбал. *тентек болдум* «я удручен».

Кбал. *тенг*, *тенгиш*, ног. *тенъ* «равный, одинаковый; равно, одинаково»; б.-монг. *тэн(г)* «равно, одинаково, наравне, поровну; середина, половина»; б.-монг. *тэнгэй* «равно, одинаково, приблизительно»; монг. *тэнцэх* «равно»; *тэгш*, *тэнцуюу* «равный»; калм. *тегшэр* «поровну».

Кбал. *терс*, ног. *терис* «неправильный»; монг. *тэрс* «противный, враждебный, противник». Ср. кбал. *диннге терс* «враждебный религии».

Кбал. *төггек*, ног. *тоьггек* «круглый, круг»; монг. *төггег* 1) тугрик; 2) круг, б.-монг. *тюхэрезн*, калм. *төгрг* «круг, круглый».

Кбал. *төлев*, ног. *тоьлев* «платеж, растрата»; монг. *төлөх* «платеж».

Кбал. *терк* «расторопный, живой, подвижный»; калм. *тюркн* «быстрый».

Кбал. *тюз*, ног. *туьз* «прямой, правильный, равнина», монг. *тёр* «строй, режим, государство, власть, правление». Соответствие *з—р*. Ср. кбал. *тёр* «почетное место».

Кбал. *тогъай* «кольцо, окольный»; б.-монг. *тохой*, калм. *тоха* «изгиб реки, колено реки».

Кбал., ног. *той* «свадьба, пир»; монг. *той*.

Кбал. *тор(у)*, ног. *торы* «гнедой, вороной»; монг. *хээр*

«гнедой». Соответствие т—х закономерно. Ср. кбал. *тил*, монг. *хэл* «язык».

Кбал. *уллу*, ног. *уллы* «большой»; монг. *олон* «много, масса, коллектив, общество».

Кбал. *хайран* «замученный, бедный, несчастный, обалделый», *хайран болдум* «я замучился, я обалдел», монг. *хайран* «затраченный зря, погибший зря, жаль»; б.-монг. *хайран* «бедный, жалкий, жалко, жаль»; калм. *хээртэ, харм* «жалко, жаль».

Кбал. *хылтыр, хынтыр*: *хылтыр-мылтыр этме* или *хынтыр-мынтыр этме* «не виляй, не шали, не порть» и т. д.; монг. *халтар* «грязный, запачканный, мухортный, гнедой»; б.-монг. *халтар* «светло-гнедой».

Есть несомненная логическая связь между монгольским значением «грязный, запачканный» и карачаево-балкарским, т. к. в последнем это слово имеет только отрицательное значение, которое не одобряется в любых ситуациях, как и всякое грязное, запачканное.

Кбал. *чакъгъан*, малк. *цакъгъан* «искрящийся»; бур. *сагин*, калм. *цахан* (РСК—36) «белый». Высеченная искра, как правило, излучает белый свет, поэтому такое соотношение значений вполне возможно; монг. *цагилгаан* «молния». Соответствие ч—ц.

Кбал. *чал*, малк. *цал* «седой, чалый»; монг. *цал буурал* «седой, белый, как лунь».

Кбал. *цемер*, малк. *цемер* «мастер»; монг. *цэвэр* «красивый, прекрасный, чистый».

Кбал. *чечен*, малк. *цецен*: *ауузу чечен, къолу бечел* (посл.) «на язык мастер, а на деле недвижим» (на словах как на гусях, а на деле как на балалайке); монг. *цэцэн* «краспоречивый, мудрый, умный; мудрец, мудрость»; б.-монг. *сэс(н)*, калм. *цецн*.

Кбал. *чий* малк. *ций* «сырой»; монг. *чийг* «влага, влажность»; б.-монг. *шииг*, калм. *чиг, хур-чиг* (РКС — 68—69).

Кбал. *чынты*, ног. *шынты* «правильный»; монг. *чин*. Китайское слово.

Кбал. *чынг* «самый»; монг. *чин* «твердый, непоколебимый».

Кбал. *ырнык* «падалишный, дикий»; монг. *зэрлэг* «дикий». Выпадение некоторых начальных согласных в

карачаево-балкарском языке имеет место: *ахшы*¹ вместо *джахшы* «хороший». Соответствие *л—н* наблюдается: *мулда-мундаа*. Эти обстоятельства позволяют сопоставить данные слова как варианты.

Кбал. *чыракъ* «светильник», монг. *сацраг* «луч».

Кбал., ног. *энди* «теперь, сейчас, в настоящее время». монг. *энд*, б.-монг. *эндэ*, калм. *энд*, *энюнд* «здесь, тут». Ср. еще монг., б.-монг. *эне*, калм. *эндр* «сегодня».

Кбал., ног. *эрке* «избалованный»; монг. *эрх*.

Кбал., ног. *эркинлик* «свобода, право, власть»; монг. *эрх* «право, полномочие, власть».

Кбал. *эсен* «благополучный, здоровый, целый»; *эсен болугъуз* «будьте здоровы, будьте благополучны»; п.-монг. *эсен* «здоровый, спокойный»; х.-монг. *эсен* «здоровье».

¹ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962, стр. 237.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Местоимения личные относятся к таким категориям лексики, которые непроницаемы, т. е. не заимствуются из других языков. Они устойчивы, но как и все слова в языке, они тоже развиваются, претерпевают фонетические и морфологические изменения. В то же время они сохраняют живую связь с первичными, с начальными формами, если так можно назвать самые древние формы, дошедшие до нас. «Здесь сохранились и продолжают жить и развиваться до настоящего древнейшие, почти первообразные формы»¹, — говорит В. Котвич.

Нам представляется, что такая генетическая связь личных местоимений имеется не только внутри древних и современных тюркских языков, но между тюркскими и монгольскими языками. В пользу этого говорят: чередования согласных в начале тюркских и монгольских местоимений 1—2 лиц, многовариантность гласного местоимения 3 лица, его членимость на отдельные элементы, его совпадение с указательными местоимениями, наличие звука *н* в падежных основах местоимений и неустойчивость этого звука. Все эти явления подтверждают генетический характер родства тюркских и монгольских личных местоимений.

Местоимение 1 лица

Лексическое, вещественное значение местоимения 1 лица *мен* «я» состоит в том, что этим словом говорящий указывает на себя. Местоимение *мен* считается

¹ В. Котвич. Местоимения в алтайских языках, стр. 3. Ссылки на эту работу даются по готовящемуся к изданию переводу Ф. Д. Ашнина

вариантом более древней формы: *мен* < *бен*, а *бен* разлагается на *бе* и *н*, где *бе* возводится к *би*, образуящему мн. ч. с помощью архаичного показателя двойственного или множественного числа¹ -з: *биз* «мы». Ср. монг. *би* «я». Надо полагать, что возведение *мен* < *бен* < *бе* + *н* правильно, ибо только этим можно объяснить переход *б* в *м* в начале: *бе* + *н* > *мен*, что уже отмечено исследователями. «В вариации *м*—*б* первичным пужно признать согласный *б*, сменившийся на *м* под регрессивным ассимилирующим влиянием конечного носового»². «Из двух вариантов местоимения 1-го лица ед. ч. *бен*, *мен* — первый, видимо, является более архаичным, тогда как *мен* возникло в результате действия закона назализации *б* перед носовыми»³. В подтверждение И. А. Батманов приводит примеры из киргизского языка: *бу* + *ну* > *ну* + *ну* «это» (вин. п.), *менен* < *бирлен* «с, вместе».

Впрочем, некоторые исследователи считают первичным вариант *мен*, а не *бен*. Н. Ф. Катанов в работе «Опыт исследования урянхайского языка...» подсчитал, что в 75% тюркских языков функционируют формы с *м* в начале (*мен*, *мин* и т. д.). В девяти языках и наречиях—*б*. При этом в крымском, мариупольском и погайском наречиях при начальном *б* в номинативе, в косвенных падежах снова появляется *м*. Начальное *м* встречается уже в орхонских надписях. В турецком *бен*, по глагольное окончание с начальным *м*. Учитывая все это, говорит А. П. Поцелуевский⁴, «мы должны присоединиться к мнению Рамстедта и Мупкачи, считающих вариант с начальным *м* исходной формой личного местоимения 1 лица ед. числа». Мы находим, что статистика в данном случае может оказать дезориентирующую услугу.

Назализирующее влияние *н* сказывается и в других случаях⁵. Возьмем аффикс исходного п. -*дан*, -*ден*. ко-

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940, стр. 77.

² В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Казань, 1934, стр. 113.

³ И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, стр. 70.

⁴ А. П. Поцелуевский. Происхождение личных и указательных местоимений (материалы к истории туркменского языка). Ашхабад, 1947, стр. 117.

⁵ Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка, Черкесск, 1963, стр. 123.

торый в различных языках имеет вариант *-нан*, *-нен* после основ с *м*, *н*, *нг*, на исходе: кбал. *аннан* «от него, оттуда»; *анамнан* «от моей матери»; *ананънан* «от твоей матери». В местном п. эти же слова звучат: *анда*, *анамда*, *ананъда*. Значит, назализирующее влияние оказывает не предыдущий *-н*, а конечный *-н*. Ср. еще *боюнмоюн* «шея»; но *бой* «рост» не имеет варианта *мой*. Точно так же не имеет носового согласного в начале указ. мест. *бу* «этот», но в род. п. он появляется: *муну*¹ «этого». Еще примеры: карач. *тубан*, балк. *туман*, кбал. *тёбен*, пог. *тоьмен* «низкий». Все это говорит в пользу первичности звука *б* в начале местоимения I лица. Наличие *б* в чувашской форме *эбе* «я», как отмечает В. Котвич, также свидетельствует об этом.

Как обстоит дело в монгольских языках, имеется ли здесь что-либо общее между тюркскими и монгольскими языками?

Приведем схему склонения.

Монгольский язык

	ед. число	мп. число
Именит.	би «я»	бид «мы»
Родит.	миний	бидний, манай
Дат. мест.	над, надад	бидэнд, манд
Винит.	памайг	биднийг, манайг
Исходн.	надаас	биднээс, манаас
Орудный	надаар	биднээр, манаар
Совмест.	надтай	бидэнтэй, мантай

В монгольских языках также чередование *б/м* в начале мест. I лица отмечается в тех падежных формах, где в аффиксе появляется звук *-н*: монг. *би* «я», *миний* «меня», бур. *би* «я», *миниц* «меня».

В современном монгольском языке местоимение I лица мп. ч. в косвенных падежах имеет две параллельные формы с чередованием в начале *б/м*: род. *биднии*, но *манай* «нас»; дат. *бидэнд*, но *манд* «нам» и т. д. Нет сомнения в том, что назализация начального согласного и в монгольских языках вызывается звуком *н*. Общность этого явления для тюркских и монгольских языков навела нас на мысль о том, что звук *н* является падеж-

¹ М. А. Хабичев. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961, стр. 36.

ным аффиксом или частью какого-то падежного аффикса, сросшегося с местоименными основами.

В тюркских языках не наблюдается чередование *б/м* в начале местоимения 1 лица множ. числа в род. и вин. падежах, хотя в их составе имеется звук *-н*, напр., кбал. *бизни* «нас». Здесь звук *-з*, стоящий на исходе местоимения и выступающий как «согласный звуковой барьер» между звуками *б* и *н*, нейтрализует назализующее влияние начального *-н* аффикса. В этом тюркские языки подобны монгольским, где роль нейтрализующего играет звук *-д*: *бидний/минай* «нас», а тюрко-монгольское звуковое соответствие *з—д* иллюстрируется многими примерами. В тюркских языках как «согласный звуковой барьер» выступают почти все согласные, кроме *р* и *й*: *бойун-мойун* «шея»; *бурун-мурун* «нос».

Все это еще раз подтверждает правильность мнения о назализующем влиянии конечного звука *-н*: *мен* < *бен*. В. А. Богородицкий, говоря о формах дат. пад. *магъа*, *сагъа*, отмечает, что аффикс *-гъа* «присоединен к корневому комплексу, не имеющему конечного носового *-н* (подобно монгольскому), каковой является в именительном падеже»¹. Данная мысль не говорит в пользу исконности *-н* в конце *мен*, *сен*. Если скоро комплекс без *-н* на конце признается «корневым», то *н* является поздним приобретением. Он же говорит и с тем, что в некоторых языках рядом с полной формой встречается еще и стяженная, причем, кое-где указывается только последняя. Так, напр., в хакасской группе *магъа/маи*, *сагъа/саа* и *сэгэ/сээ*, в алтайском только *маа* и *мээ*, *саа* и *сээ* (в казах. *магъан* и *сагъан*)². Любопытно, что в ордосском диалекте монгольского языка, также как и в казахском, сохранился форматив дат.-направительного падежа в форме *-ган*.

Присоединение аффиксов косвенных падежей к корням личных местоимений 1, 2 и 3 лиц без звука *н* на исходе имеет широкий диапазон: тув. род. п.: *мээнъ* «меня», *сээнъ* «тебя», *оонъ* «его»; дат. п.: *мээ* «мне», *сээ* «тебе», *аа*³ «ему, тому»; азерб. (диал.) дат. п.: *маа* «мне», *саа* «тебе», *оа* «ему, тому», *буа* «ему, этому»; вин. п.:

¹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Казань, 1934, стр. 116.

² Там же, стр. 115.

³ ИСГТЯ, II, стр. 229.

ми «меня», *си*¹ «тебя»; туркм. (диал.) *меенъ*² «меня», др. тюрк. *сизе*³ «вам». Примеры из древних и современных языков: *маа* «мне», *саа* «тебе», *оа* «ему, тому», *буа* «ему, этому», *сизе* «вам» свидетельствуют об употреблении аффикса дат. п. -а до приобретения им начального согласного *гъ*, т. е. до возникновения варианта -*гъа*. Поэтому все приведенные формы следует рассматривать как архаические падежные формы, сложившиеся до приобретения местоимениями конечного *н* в форме основного падежа и сохраняющиеся до наших дней.

Такое «самостоятельное» поведение корней местоимений (отвержение звука *н*) проявляется и в аффиксах местоименного происхождения. Напр., в современном карачаево-балкарском говорят *барама* «я иду», *бараса* «ты идешь», *келеме* «я прихожу», *келесе* «ты приходишь». Варианты *бараман*, *барасан*, *келемен*, *келесен*, хотя и редко, звучат в устах стариков, но воспринимаются как отклонение от нормы употребления. В других тюркских языках они, наоборот, являются нормой, напр., ног. *бараман*, *барасынъ*, *келемен*, *келесинъ*, узб. *бораман*, *борасан*, *келеман*, *келасан*, ср. тат. *барам*, *килем*.

В современном карачаево-балкарском языке личные местоимения 1 и 2 лиц ед. числа имеют две параллельно употребляющиеся формы дат. падежа: *менъе/манъа*, *сэнъе/санъа* или *менънъе/манънъа*, *сенънъе/санънъа*. Существование вариантов с твердыми гласными в дат. падеже пока не нашло своего убедительного объяснения. В. А. Богородицкий полагает, что «гласный *а* окончания вызвал собой однородный гласный в корне (регрессивная ассимиляция)⁴. Это мнение поддерживается А. Н. Кононовым⁵. Г. И. Рамстедт говорит: «Каким-то странным образом *мен* «я» и *сен* «ты» дают в дательном падеже *манъа*, *санъа*, а не *менъе*, *сенъе*. Это явление

¹ М. Ш. Ширалиев. Основы азербайджанской диалектологии. Баку, 1967, стр. 186—187, 189.

² Н. А. Баскаков. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках. Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, I, 1951, стр. 137, 143.

³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959, стр. 59.

⁴ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Казань, 1934, стр. 116.

⁵ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956, стр. 40.

могло бы указывать на исконное *-а* в окончании, если бы его не приходилось объяснять тенденцией к регрессивному передвижению передних гласных, которая обнаружена и в некоторых других случаях, в частности в сочетании со звуками *къ, гъ, нъ*¹.

Здесь надо учитывать следующее обстоятельство: в *манъа/менъе* звук *нъ* остается глубоко заднеязычным как в сочетании *-анъа*, так и в сочетании *-енъе*. Если бы в данном случае влияние звука *нъ* на предыдущий гласный в сторону регрессивного передвижения переднего гласного было более или менее значительным и постоянным, то мягких вариантов *менъе, сенъе* в современных языках не было бы. Значит, согласный *нъ* не оказывает существенного влияния как на предыдущий, так и на последующий гласный. Гласный же аффикса дат. п. *-а* не может влиять на гласный корня, т. к. он отделен от корневого гласного звуком *нъ*. Влияние здесь скорее обратное, т. е. гласный корня влияет на гласный аффикса дат. падежа.

Причину существования форм *манъа, санъа* мы видим в разной степени рядности гласного корня местоимений 1—2 лиц в различных тюркских языках.

В последнее время хорошо изучены диалекты азербайджанского языка. Найдены ранее неизвестные исследователям формы личных местоимений. Формы *ман «я», сан «ты»* зафиксированы в ордубадском диалекте², а дательно-направительный падеж в форме *мана, сана* отмечен в азербайджанских говорах Басаргечарского района Армянской ССР³, в казахском диалекте⁴ (здесь даже *она «ему»*), в кедабадских говорах⁵ и даже в литературном азербайджанском языке до XVIII века⁶. После этих открытий можно быть уверенным в том, что формы *манъа, санъа* образованы от вариантов кор-

¹ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 39.

² Т. Б. Гамзаев. Ордубадский диалект. А. к. д. Баку, 1960, стр. 13.

³ З. М. Велиев. Азербайджанские говоры Басаргечарского района Армянской ССР. А. к. д. Баку, 1955, стр. 7.

⁴ А. Джафарли. Казахский диалект азербайджанского языка. А. к. д. Баку, 1962, стр. 17.

⁵ Б. П. Садыхов. Кедабадские говоры азербайджанского языка. А. к. д. Баку, 1964, стр. 18.

⁶ Х. И. Мирзазаде. Историческая морфология азербайджанского языка. А. к. д., Баку, 1960, стр. 10.

ней местоимений 1, 2 лиц *ма, са*, что варианты местоимений *ман, сан* столько же правомерны, как и *мэн, мен, мин, сэн, сен, син*. поэтому существование форм дат. п. *манъа, санъа* наряду с азербайджанскими диалектными *мана, сана, она*¹, литературными *мэнэ, сэнэ*, тат. *минъа, синъа*, ног. *мага, сага*, алт. *меге, сеге*, ног. *ога, юйгу, гога*² никого не должно удивлять. Они являются вариантами форм дат. п., образованы от существовавших и существующих местоименных корней.

Анализ местоимения 1 лица, изложенный выше, позволяет сделать следующие выводы: а) диапазон рядности гласного звука местоимений 1 и 2 лиц очень широкий и колеблется от *а* до *и*: *ман, мэн, мен, мин; сан, сэн, сен, син*. б) Звук *б* в начале тюркского местоимения 1 лица более древен. Переход *б* в *м* произошел в связи с наращением звука *н* к историческим вариантам корня: *би, бе, бэ, ба*.

После отсечения звука *н* сходство тюркских и монгольских форм местоимений становится более наглядным. Приведем схему личных местоимений в монгольских языках:

п.-монг. ³	монг	б.-монг.	калм.
Единственное число			
<i>би</i> «я»	<i>би</i>	<i>би</i>	<i>би</i>
<i>ти</i> «ты»	<i>чи</i>	<i>ши</i>	<i>чи</i>
<i>и</i> «он»	<i>энэ, тэр</i>	<i>энэ, тэрэн</i>	<i>енс, тэрн</i>
Множественное число			
<i>ба</i> «мы»	<i>бид(нар)</i>	<i>бидэ</i>	<i>бидн/мадн</i>
<i>та</i> «вы»	<i>та(нар)</i>	<i>та, таанар</i>	<i>та(нар). таанад</i>
<i>а</i> «они»	<i>эд, тэд</i>	<i>эдэ, тэдэ</i>	<i>эдн, тэдн</i>

¹ Т. И. Гаджиев. Джебрайльский говор азербайджанского языка. А. к. д. Баку, 1962, стр. 13.

² Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева. Язык желтых уйгуров. М., 1966, стр. 23.

³ Письменно-монгольский материал приводится по работе: Б. Я. Владимиров. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Ленинград, 1929, стр. 46.

Что роднит тюркское и монгольское местоимение I лица? Во-первых, чередование звуков *б—м* в начале. Во-вторых, обусловленность этого чередования появлением звука *н* в их составе, будь это в основном или в косвенных падежах.

Местоимение II лица

Лексическое, вещественное значение местоимения 2 лица *сен* «ты» состоит в том, что этим словом говорящий указывает на собеседника. Местоимение *сен* возводится¹ к *си*, образующему мн. ч. с помощью звука *-з*: *сиз* «вы». Стало быть, *сен* разлагается на *се* и *н*, где *н* такого же происхождения, как и в *мен*.

Современные формы тюркского и монгольского местоимения 2 лица ед. числа не имеют такого внешнего сходства, как местоимение I лица. В тюркских оно имеет свои варианты: *сен*, *син*, *сан*², *сэн*, *хин* (башк.), *эн* (як.), в монгольских—свои: **ти > чи > ши/си* (СГМЯ—157). Здесь наблюдается чередование начальных *т—с—ч—ш*. Установление чередования *т—с* еще более подкрепило бы идею о родстве тюркских и монгольских вариантов местоимения 2 лица, но нужно проверить имеем ли мы здесь дело с чередованием или с двумя различными элементами, чего опасался и В. Котвич.

Мысль о том, что звук *т* в начале местоимения 2 лица ед. числа в различных языках более древен, чем звук *с*, отмечается многими учеными (см. статью, указанную в сноске)³. Ср. еще индоевропейские: русск. *ты*, немец. *ду*, цыган. *ту* и т. д.

Установлено, что согласный *-т* в начале местоимения 2 лица, ед. числа является в монгольских языках более древним. Финно-угорское *сину* тоже развилось из древнего **тину*⁴.

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.-Л. 1940, стр. 77.

² Т. Б. Гамзаев. Ордубадский диалект. А. к. д. Баку, 1969, стр. 13.

³ А. Б. Долгонольский. Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии с вероятностной точки зрения. ВЯ, 1964, № 2, стр. 59.

⁴ М. Ряснянен. Об урало-алтайском языковом родстве. ВЯ, 1968, № 1, стр. 44.

По всей вероятности, звук *с* в начале тюркского местоимения 2 лица ед. числа развился также из *-т* в более ранние эпохи. Тюркский переход *т* в *с* в начале местоимения 2 лица *сен* совершился так давно, что не отражен в тюркских письменных памятниках VI—VIII вв.

Соответствие звуков *т—с* может указывать на развитие тюркского современного корня местоимения 2 лица ед. ч., как и в монгольских языках, из *ти*: монг. **ти* > *чи-ши/си*; тюрк. *ти* > *си* + *н* (*се* + *н*, *сэ* + *н*, *са* + *н*, *хин*, *эн*).

В пользу развития тюркских *се-*, *си-*, *сэ-*, *са-* из *ти* могут говорить еще сохранившиеся в карачаево-балкарском языке слова: *тана(м)* в значении ласкательного обращения «ты мой» к человеку моложе говорящего, к сыну, дочери или вообще к мальчику, девочке. Ср. его с современным *олум¹* «он мой, тот мой». На более ранней стадии развития, видимо, и местоимение II лица принимало аффикс принадлежности: *тана* + *м*. Ср. *талай* < *та* + *лай* «много», а также кир., тат. *тиги* «вон тот», ойрот. *ту*, в остальных тюркских языках *шу*, *су* «вот тот».

Наблюдается соответствие *т—ч—ш* как внутри монгольских, так и между карачаево-балкарским и монгольскими языками: кбал. *тынгыларгъа* «слушать», монг. *чагнах*, б.-монг. *шагнаха*, классич. *чингла*, бур. *шагна*, халх. *чагна* «слушать»; классич. *тангна*, бур., халх. *тагна* «разведывать» (СГМЯ — 93).

В тюркологической литературе есть указания на соответствия *т(д)/ш:с*. А. Н. Кононов рассматривает аффикс *-ды* как древнюю форму аффикса принадлежности 3-го л. (современ. *-сы*).

Аффикс *-ды/сы*, в свою очередь, со значительной долей вероятия восходит к указательному местоимению *ити* (*итин*) «вот этот», «тот», «там» (недалеко), «вот», сохранившемуся в якутском языке. Фонетическая разновидность этого местоимения зарегистрирована в современном ойротском языке в форме *ту* «вот тот», которой в других тюркских языках соответствуют *шу*, *су²*. Здесь же А. Н. Кононов в подтверждение соответствия *т(д)/ш:с* приводит примеры: формы возвратного место-

¹ М. А. Хабичев. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961, стр. 48.

² А. Н. Кононов. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. Тюркологический сборник, I. М., 1951, стр. 115.

имения *кенси-кенди*, формы 3-го лица повел. наклонения: якут. *кэрдюн*, в других тюркских языках *кёрсюн*. Тюркскому переходу *t* в *c* мог предшествовать или идти параллельно переход *t* в *ч*, на что указывают чувашские варианты аффиксов исх. и мест. падежей *-тен*, *-чен*, *-те*, *-че*, которые присоединяются к склоняемым основам мн. ч. местоимения (Ф. Г. Исхаков. Местоимения. ИСГТЯ, II, стр. 217). Другими примерами мы пока не располагаем. Но чередование может быть настолько далеко прошедшим, что оставляет промежуточные звенья, следы. Чем раньше появилась письменность в языках, тем легче проследить эти промежуточные звенья. Хотя в древнетюркских письменных памятниках переход *t* в *c* в начале *сен* не зафиксирован, нам представляется, что карачаево-балкарско-монгольские соответствия *c—ч/ш* (*сен-чи/ши-си*) могут быть следствием соответствия древнего *-t* в тюркских современным *c-х-нуль* звука, а в монгольских современным *ч-ш-с*.

Надо отметить, что если в монгольских языках *-t* дал *-ч/ш/с* (*чи/ш/си <ти*), то и в тюркских процесс не завершен переходом *t* в *c*. В башкирском и якутском языках этот процесс прошел дальше: баш. *хин*¹ «ты». Ср. ламутское (эвенкийское) *хи*². А в якутском *c* совсем выпал: *эн*³ «ты». Поэтому мы вправе полагать, что путь развития этого звука в тюркских языках следующий: *t* → *c* → *х* → *нуль* звука. Связующим звеном здесь служит чередование тюркского *t* с монгольскими *ч* и *х*. Чередование *t—ч* отмечено исследователями. Г. Д. Санжеев переход *t* в *ч* в монгольских языках относит к X—XII вв. Правда, Л. Лигети возражает и указывает VIII век⁴. Говоря о переломах гласного, Г. Д. Санжеев отмечает, что «в монгольских диалектах раннее сочетание **ды-ди* или **ты-ти* видоизменилось во всех слоговых положениях, тогда как в тюркских языках оно сохраняется часто в средних, а иногда и в начальных (на-

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948, стр. 97. Здесь буквой *х* обозначен звук, отмечаемый латинским *аш*.

² Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание М., 1957, стр. 35.

³ Ф. Г. Исхаков. Местоимения. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, II, М., 1956, стр. 209, 211.

⁴ Л. Лигети, Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1953 (рецензия), ВЯ, 1955, № 5.

пример, халхаск. *чанар* < *тинар* < *тынар* «сущность, качество», алт. *тын* «душа, способность к жизни, дыханию»¹. Примеры из Ц. Д. Номинханова: каз. *тике* «прямой», в монгольских *чике* «прямой»; орх. *аты* «внук», в монгольских *ачы*; узб. *тикмок* «втыкать, вводить», в монгольских *чикеху* (*чихеху*). «Здесь перед *и* взрывной глухой *т* в монгольских языках перешел в шипящую аффрикату *ч*². Вот еще пример: монг. *бичиг*, уйг. *битиг* «книга» (СГМЯ — 93).

Таким образом, тюрко-монгольское чередование *т—ч* можно считать бесспорным. С этим, нам кажется, тесно связано тюрко-монгольское чередование *т—х*: кбал. *тил*, каз. *тыл*, тат. *тел*, туркм. *дил*, тув. *дыл*, монг. *хэл*, б.-монг. *хэлэн* «язык». Переход *т* в *х* в тех же сочетаниях. Ср. еще кбал. *ата* «отец», монг. *эхе* «мать»; кбал. *бютеу* «весь», монг. *бюх*; кбал. *тор* «гнедой», монг. *хээр*.

Поэтому нам представляется, что переход *т* в *ч* в связи с переломами гласного *и* есть лишь одна сторона явления. Другая сторона — переход *т* в *х*, что в свою очередь связано с тюрко-монгольским чередованием *с—х*. Ср. кбал. *сёлеширге* «говорить», кирг. *сөйлө*, монг. *хэлэх*, б.-монг. *хэлэхэ*. Приведем еще такой пример: кбал. *сантагай* «ствол, стебель», бур. *хантагай* «доска»³.

Таким образом, параллельно тюрко-монгольскому чередованию согласных *с—(т—ч)* в начале местоимения 2 лица ед. числа наблюдается другое чередование согласных: *с—(т—х)*. Мы понимаем, что материала у нас мало, но думается, дальнейшие исследования в этом направлении будут небезрезультатны.

Звуки *ч*, *ш*, *с* в начале монгольского местоимения 2 лица развились из *т*: **ти* > *чи/ши/си*. Возможно, что и тюркские *с*, *х*, нуль звука в начале тюркского местоимения 2 лица также развились из *т*: *сен/хин/эн* (< **ти* + *н*).

¹ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953, стр. 114.

² Ц. Д. Номинханов. О чередовании некоторых согласных в тюрко-монгольских языках. Казахский гос. университет им. С. М. Кирова. Ученые записки, т. XIX, язык и литература, стр. 146—147.

³ Т. А. Бертагаев. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Уде, 1961, стр. 82.

О звуке *н* в составе личных местоимений

Ввиду того, что звук *н* в местоимениях всех разрядов, в том числе и личных, имеет одинаковое происхождение, целесообразно выделить данный вопрос и рассмотреть его перед местоимением 3 лица, т. к. последнее является наиболее ярко выраженной концентрацией всех перипетий развития личных местоимений в отношении приобретения звука *н*.

Многие наши и зарубежные исследователи усматривают связь генезиса звука *н* или с аффиксом род. падежа, или с притяжательным аффиксом 3 лица, не разделяя при этом вопрос на *н* — местоименное и *н* — именное, тогда как необходимо расчленив и рассмотреть, насколько это возможно, отдельно, иначе теряется нить, что приводит к смешению *н* — местоименного с *н* — именным.

Звук *н* функционирует и как элемент аффикса принадлежности 3 лица *ин*, и как аффикс вин. падежа. При рассмотрении оказывается, что в склонении имен с possessivом 3 лица — это один и тот же звук, с которым связано происхождение *н* — именного. Происхождение же *н* — местоименного связано только с аффиксом вин. падежа *-н*. Именно здесь, на наш взгляд, кроется причина того, что до сих пор не удается пролить свет на разницу в происхождении *н* — именного по сравнению с происхождением *н* — местоименного.

Н — именное

В отношении *н* — именного, его происхождения и значения среди ученых нет единого мнения. С. В. Ястремский находит, что якутские формы с *н* на исходе появились из генитива. Т. А. Бертагаев связывает генезис формантов род. и вин. падежей с притяжательным аффиксом 3 лица¹. В. Котвич, наоборот, возводит притяжательный суффикс 3 лица *-ни*, *-нэ*, *-н*, *-ын*² к форме род. п. личного местоимения *ини* < монг. *ину*³. Сошлемся

¹ Т. А. Бертагаев. К генезису некоторых падежей в монгольских языках. Краткие сообщения Института народов Азии, 83. Монголоведение и тюркология. М., 1964, стр. 42.

² В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 161, 177.

³ Там же.

на цитаты. «Каждый раз, когда яркая роль суффикса род. п. — роль момента формообразовательного, — слишком бросалась в глаза, автор (т. е. Бётлингк — Х. С.) говорил об усилении основ, усиленных основах, существующих в (якутском) языке и в былое время гораздо распространенных... В том-то и дело, что нужно было путем сравнения с другими тюркскими языками выяснить, что этот *n* есть суффикс род. падежа; тогда незачем было бы говорить об усиленной форме неопределенного падежа»¹, — говорит С. В. Ястремский. Мнение С. В. Ястремского заключается в том, что звук *n* в словах типа як. *квышын* «зима» (в остальных языках *квыш*) он считает «суффиксом род. падежа».

В. Котвич, сопоставляя суффикс *-на* в форме *ина* с суффиксом *-ра*, полагает, что *-на* заменил собой суффикс *-ра*, может быть, более древний.

В подкрепление автор приводит список слов с *-ра* (их известно всего 8) и несколько слов с *-на*:

<i>ичра, ичина</i>	«внутри»
<i>ташра, тышына</i> (балк.)	«снаружи»
<i>енгре, ёнгюне</i> (осм.)	«вперед»
<i>кисра (кэсрэ), кастина</i>	«позади»
<i>юзэрэ-юзра, юстюнэ, юсюне</i> (балк.),	
<i>истине-исне</i> (караим.-Л.)	«наверху»
<i>Асра, астына</i>	«внизу»
<i>Сонгра</i> (чаг., осм.), <i>сонуна</i> (осм.),	
<i>сора</i> (азерб., казах., кирг.), <i>сона</i>	
(койб.)	«после, позади»
<i>Тёбэрэ</i> (шор.), <i>тюбюне</i> (балк.),	
<i>тибине</i> (караим.-Л.)	«внизу»
<i>Алтына, алнына</i>	«вперед, вперед»
<i>Артына</i>	«позади»
<i>Ианына</i>	«сбоку»

Во всех этих формах В. Котвич, вслед за В. Радловым, В. Прёле, Ж. Дени, Т. Ковальским, А. Зайончковским, видит в *ина* и его вариантах притяжательный суффикс 3-го лица *-ин* и сокращенное окончание дат. п.

¹ С. В. Ястремский. Падежные суффиксы в якутском языке. Иркутск, 1898, стр. 40.

-а, обычно употребляемое в этом падеже почти во всех языках после притяжательного суффикса.

В. А. Богородицкий отмечает, что в татарском языке склонение притяжательных существительных с членом (-ы)-сы пользуется частью теми же пад. признаками, как и склонение непритяжательных существительных, частью несколько отличными... Окончанием дат. падежа служит -а/-е с предшествующим *н*, напр., *анънг бала-съ-на* «его дитяти»; это *н* является перед окончаниями падежей местного (*бала-съ-н-да*) и исходного (*бала-съ-н-нан*)... Винительный падеж оканчивается на -н вместо -ны (*анънг бала-сы-н*). «Как видим, в существительных с притяжательным членом -ы/-сы все падежные окончания имеют в начале *н*, причем в дат., мест., исход. это *н* вторичное, а в род. и вин. оно является принадлежностью самого окончания; можно думать, что *н* в начале окончаний дат., мест. и исход. падежей появилось по аналогии к род. и вин.»¹.

Думается, что в современных языках нельзя отождествлять положение звука *н* в аффиксах род. и вин. падежей. В вин. падеже *н* действительно является аффиксом вин. падежа (в склонении имен с посессивом 3 лица) или принадлежностью (в узбекском) аффикса этого падежа, а в род. падеже его положение спорно. Мысль о том, что начальный звук *н* аффикса род. падежа является принадлежностью падежного окончания, правильно только для современных языков, и то лишь для непритяжательного склонения. В притяжательном склонении имен существительных даже в современных языках *н* в род. падеже больше относится к притяжат. аффиксу 3 лица.

Обзор мнений ученых о происхождении аффиксов родительного и винительного падежей с начальным *н* дан А. Н. Кононовым². Одни исследователи считают начальный *н* этих аффиксов суффиксом принадлежности 3 лица. В. Шотт и О. Н. Бётлингк полагают, что -н перешел в аффикс -нинъ из основ с *н* на конце. В. В. Радлов не согласен с этим и видит в этом элементе местоименное *н*, которое было включено в состав аффикса родитель-

¹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Казань, 1934, стр. 96.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956, стр. 95.

ного падежа в результате «неправильного разложения» корня. Форма *анынъ*, *бунынъ* в одних языках стала «члениваться»: *а+нынъ*, *бу+нынъ*, в других: *ан+ынъ*, *бун+ынъ*. По В. А. Богородицкому, «Именно в категории местоименной и нужно искать источник окончания данного падежа с начальным *н*; это могло произойти путем «морфологического переразложения» — путем перехода *н* от корня к окончанию». (Г.И. Рамstedт считает, что первоначальное окончание родительного падежа *-н* в др.-тюркском развился в *-нъ*: *эбинъ* «дома»). Он сохранился после согласных в южнотюркской и восточнотюркской группах языков. В северотюркской и западнотюркской группах окончание *-нынъ*, *-нинъ*, воспринявшее *-н* от первоначальных основ на *-н*, стало общим как для основ на согласный, так и для основ на гласный¹. У В. В. Радлова, В. А. Богородицкого, О. Бётлингк и Г. И. Рамstedта, по сути дела, мнения совпадают: *-нынъ* < *н+ынъ*. Разница лишь в том, что В. В. Радлов, В. А. Богородицкий считают звук *н* перешедшим к окончанию от местоименных основ: *ан-*, *бун-* и др., а О. Бётлингк и Г. И. Рамstedт находят, что звук *н* перешел к форманту род. п. вообще от основ на *н*.

О позднем происхождении варианта *-нынъ* может свидетельствовать еще то, что в языке орхонских и старойгургских надписей он употребляется еще редко.

Эти расхождения в мнениях исследователей говорят о том, что до сих пор нет уверенности в объяснении происхождения начального звука *н* аффикса родительного падежа *-нынъ*, т. е. *н* — именного. Если его происхождение связывать с аффиксом родительного падежа, то как же объяснить происхождение самого аффикса родительного падежа с начальным — с тем самым звуком *н*?

Как уже говорилось, происхождение *н* — именного мы связываем с аффиксом вин. п. *-н* и притяжательным аффиксом 3 лица *-ин*. Но в основном падеже современных языков последний аффикс имеет форму *-и*. По какой причине в основном падеже тюркских языков *-ин* не закрепился как притяжательный аффикс 3 лица? Почему местоименные 3 лица в варианте *и* само стало выполнять его функции, не принимая формы *-ин*?

¹ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 33—34.

Выше было отмечено, что некоторые исследователи говорят о разложении корня местоимений, приведшем к возникновению форманта род. п. с начальным *н*: *-нинъ*. Мы полагаем, что мысль о разложении правильная, но речь должна идти о разложении аффикса принадлежности 3 лица *-ин*. Задача теперь заключается в том, чтобы открыть те закономерности, которые приведли к разложению *-ин* и к возникновению аффикса *нинъ* < *н+инъ*, начальный *н* которого можно в именах существительных относить то влево — к притяж. аффиксу 3 лица (и только к нему), то вправо, к аффиксу притяжательного, т. е. род. падежа (впрочем, не только к нему, а еще к аффиксу дат. п.). В вин. падеже нет спора потому, что звук *н* является падежным аффиксом.

Вариант *и* не фигурирует в современных тюркских языках как местоимение 3 лица. Таковыми являются варианты *о, у, а*, но и они непоследовательно, не во всех языках принимают звук *н* в основном падеже. Этот звук можно увидеть в очень немногих языках, как азерб., турец. *анлар, онлар* «они» (в остальных языках *алар, олар*). В формах косвенных падежей звук *н* сохраняется: мест. *анда*, исх. *андан*. В этом варианты *а, о, у* подобны варианту *и*, выступающему как притяж. аффикс 3 лица, при склонении которого *н* также восстанавливается, за исключением форм местного и исходного падежей узбекских притяж. имен существительных. Что касается склонения местоимений, то *н* везде восстанавливается и в узбекском языке. Для наглядности приведем таблицу.

Карачаево-балк. яз.

Узб. яз.

И. о(ол) «он»	китабы	у(ул) «он»	китоби
	«его книга»		«его книга»
Р. аны	китабыны	унипг	китобининг
Д. аннъа	китабына	унга	китобига
В. аны	китабын	уни	китобини
М. анда	китабында	унда	китобида
Исх. андан	китобындан	ундан	китобидан

В современном карачаево-балкарском языке род. п. имен с притяжательными аффиксами имеет следующие формы: *къолуму* «руки моей», *къолунгу* «руки твоей».

кѡлуну «руки его». В этих примерах принадлежность лицу указана аффиксами: 1 лицо — *-м*, 2 лицо — *-нг*, 3 лицо — *-н*. В пользу того, что звук *н* имеет притяжательное значение, говорит присоединение аффикса род. п. без начального *н* и аффикса дат. п. без начального *гъ* после всех притяжательных аффиксов, включая и *н*, что уже отмечено В. А. Богородицким, В. Котвичем. Примеры на род. п. только что приведены, а дат. п. выглядит так: *кѡлум-а* «моей руке», *кѡлунъ-а* «твоей руке», *кѡлун-а* «его руке». В этой связи большой интерес представляет форма вин. падежа слов с аффиксами принадлежности 3 лица в современном карачаево-балкарском языке: *столуму алдым* «мой стол взял я», *столунгу алдым* «твой стол взял я», *стлун алдым* «его стол взял я».

Подчеркнем, что о 3 лице в вин. п. нельзя говорить: *столу алдым*, необходимо сказать *столун алдым*. Из последнего примера ясно видно, что звук *н* здесь присутствует не только как притяжательный аффикс 3 лица, а и как аффикс винительного падежа. В языке «Золотого блеска» С. Е. Малов отмечает *-ин* вин. п. «с притяжением». В. А. Богородицкий тоже отмечает возможное родство аффикса вин. п. и притяж. аффикса 3 лица¹.

В. А. Богородицкий был близок к решению вопроса о происхождении звука *н*, когда говорил, что «форма род. падежа местоимения в притяжательном значении легко утрачивает прежний оттенок падежа и, обособившись таким образом от своей системы, может стать способной в качестве самостоятельной основы к принятию окончаний других падежей, как это видим в киргизском и уйгурском (ср. уйгур. исх. *мэн-дин/мэнинъ-дин*)².

Мысль В. А. Богородицкого нам представляется правильной, но речь должна идти о форме винительного падежа в тесной связи с посессивом 3 лица *-ин* и его вариантами *-ыгъ*, *-ый* и т. д. Неудивительно, что посессивная форма 3 лица может принимать падежные формативы. Удивительно то, что форма вин. п. на *-и(н)* становится склоняемой основой. Видимо, это объясняется

¹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Казань, 1934, стр. 103.

² Там же, стр. 115.

совпадением форм и природой тюркского оформленного вин. падежа, который выполняет основную функцию определенного артикля — функцию выделения предмета из ряда ему подобных; если название предмета может принимать аффиксы падежей, то название выделенного предмета тоже может, тем более, если формант выделения совпадает с формантом посессива 3 лица. Нам кажется, что здесь и скрывается разгадка. Разумеется, трудно возражать против мнения столь авторитетных ученых, но в поисках истины я позволю себе высказать мысль, что звук *н* притяжательного аффикса 3 лица *-ин <и+н* (как и в местоимениях *ме+н, се+н, о+н*) имеет происхождение, общее с происхождением форманта винительного падежа, который образует основу, способную принимать аффиксы всех косвенных падежей. Причем такие основы могут образовать все исторические и современные варианты форманта вин. п.: *н, гъ, г, й, нъ* и др. Наиболее характерным является дательный падеж. Примеры находим и в древних, и в современных языках и диалектах: *йырайа* «на север», *къурыйа* «на запад». Эту форму С. Е. Малов приводит как «особую форму направительного падежа» (ПДП — 45), *инилэринъэ* «своим младшим братьям» — дат. п. с 3 лицом (ПДП — 191). Еще примеры: *Лот эзинъа* «в дом Лота», *агъзыгъа* «в его рот» (ПДП — 340). В современном карачаево-балкарском языке интересны параллельно существующие формы дат.-направит. падежа после аффиксов с притяжательной семантикой *-къы(-ки), -гъы(-ги), -сы(-си)*:

меники-не —	менки-ге	«моему»
сеники-не —	сеники-ге	«твоему»
аныкъы-на —	аныкъы-гъа	«его»
бизники-не —	бизники-ге	«нашему»
сизники-не —	сизники-ге	«вашему»
аланыкъы-на —	аланыкъы-гъа	«их»
андагъы-на —	андагъы-гъа	«тамошнему»
йюдеги-не —	йюдеги-ге	«находящемуся дома»
тюненеги-не —	тюненеги-ге	«вчерашнему»
къайсы-на —	къайсы-гъа	«которому»

Удивительно ли после этого то, что в карачаево-балкарском языке более употребителен вариант дат. п. с посессивом 3 лица *-ын+а*, а в узбекском *-иг+а*? Ср.

кбал. *ауузунa*, узб. *огъзига*, др.-тюрк. *агъзыгъа* «в его рот». В диалектах узбекского языка, по всей вероятности, бытует и вариант *-ын+a*, как бытует в указанных карачаево-балкарских формах вариант *-иг+a*.

Тесное переплетение двух функций звука *н* как элемента посессива 3 лица и формата вин. падежа, т. е. двойственность функций звука *н* породила двойственность *н* в склонении. В дательном, местном и исходном падежах *н* тяготеет влево, к притяж. аффиксу 3 лица, в вин. падеже — вправо, к падежному формативу, а в род. падеже стал свободноплавающим, т. е. его можно отнести то влево, к основе, то вправо — к аффиксу род. падежа:

II. кыш-ы (як. кыш-ын)	кыш-ы	
Р. кыш-ын-ышъ	кыш-ы-нынъ	
Д. кыш-ын-а	кыш-ы-на	
В. кыш-ыш (падеж и посессив)	кыш-ы-ны (падеж)	
М. кыш-ыш-да	кыш-ы-нда ¹	} (некоторые членят даже так)
Исх. кыш-ыш-дан	кыш-ы-пдан	

«Винительный падеж определенный (т. е. с окончанием) есть падеж объекта как бы категории 3 лица», — говорит В. А. Богородицкий. В то же время требуется формальное разграничение вин. п. и притяж. аффикса 3 лица. Поскольку трудно в одном элементе видеть выразителя двух категорий, да еще так тесно переплетенных, то в сознании говорящих *н* стал формативом объекта действия, т. е. вин. падежа, который не может не иметь своего показателя, а как формат притяж. аффикса 3 лица в имен. падеже закрепился *и*. На наш взгляд, именно этот момент помешал в тюркских языках утверждению *-ин* как формы основного падежа притяж. аффикса 3 лица. Иначе и быть не могло. Утверждение звука *н* в основном и вин. падежах ввело бы путаницу в его семантику и употребление, чего ни один язык не может допустить.

Вот таким образом звук *н*, не сумевший пристать к форме основного падежа притяжательного аффикса 3

¹ А. Х. Соттаев. Имя существительное в карачаево-балкарском языке. Пальчик, 1968, стр. 67.

лица, в косвенных падежах современных языков стал как бы свободноплавающим, которого можно отнести то к притяжательному аффиксу влево, что бесспорно в мест. и исходн. падежах, то к падежному аффиксу вправо (род., иногда и дат. падежи). А. Н. Кононов в турецком языке звук *н* без колебания относит влево и считает, что аффикс принадлежности 3 лица во всех косвенных падежах имеет форму *-ын, -ин, -ун, -юн* (после согласных основ); *-сын/-син/-сун/-сюн* (после гласных основ)¹. Тогда склонение уподобляется левому столбцу (см. выше). Но в узбекском языке он этого не делает, т. к. формативы род. и вин. падежей существительных с притяж. аффиксом 3 лица здесь немыслимы без начального *н*, а в других падежах *н* нет, т. е. в притяжательном склонении 3 лица существительных в узб. языке вроде бы нет свободноплавающего *н*. Тогда возникает сомнение в правильности наших суждений, узбекский язык опрокидывает их? Нет. В личных и указательных местоимениях узбекского языка та же картина, что и в остальных тюркских языках — аффиксы род. и вин. падежей можно членить двояко. В местном и исходном падежах звук *н* относится влево без колебаний: *бун-да, бун-дан; шун-да, шун-дан*. Следовательно, членение и в других падежах возможно такое: *бу-нинг/бун-инг, шу-нинг/шун-инг, у-нинг/ун-инг, у-ни/ун-и*. Отсюда ясно, что в узбекских местоимениях имеется свободноплавающий *н*. Исходя из этого и из положения А. Н. Кононова² о том, что *у(ул)* «в дательном, местном и исходном падежах имеет форму *ун*», следует, что и в узбекском языке форманты род. и вин. падежей в склонении местоимений и имен существительных с посессивом 3 лица подобны таковым остальных тюркских языков: род. п. *китоби-нинъ* — *китобининъ*, вин. п. *китоби-ни*. Тогда и форма дат. п. может члениться двояко: *китоби-га* — *китобиг-а*. Восстанавливается полная аналогия со всеми тюркскими языками, где: *китабы-на* — *китабын-а*.

Все сказанное привело к тому, что в тюркских языках

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956, стр. 80.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 174.

образовался, наряду со старым аффиксом род. п. *-инъ*, новый вариант *-нинъ* < *н+инъ*, где начальный звук *н*, называемый *н* именным, есть аффикс вин. падежа и в то же время — осколок притяжательного аффикса 3 лица, «рудимент аффикса принадлежности», как говорит А. Н. Кононов, и это правильно в отношении *н* — именного, т. к. здесь посессивность значения звука *н* не вызывает сомнений. А *н* — местоименное является «чистым рудиментом» вин. падежа. Разумеется, такое разграничение условное и касается только семантики.

Возникнув из формы вин. падежа местоимения 3 лица *и*, притяжательный аффикс *-ин*, в свою очередь, оказал влияние на формант род. падежа, обусловив появление его варианта с начальным *н*: *-нинъ*, поэтому мы находим, что звук *н* перешел в аффикс не вообще от основ с *н*, а только от основ с притяж. афф. 3 лица *-ин* на исходе, т. е. из таких основ, где конечный *н* являлся или является элементом притяж. аффикса 3 лица: *кышы + ынъ* // *кышы + нынъ*. Когда звук *н* не имеет отношения к притяж. аффиксу 3 лица *-ин*, при склонении он удваивается в род. п.: *дарман-нынъ* «лекарства», *алъанны* «взявшего».

Приведем таблицы склонения имен существительных с притяжательным аффиксом 3 лица в узбекском, кумыкском, ногайском и карачаево-балкарском языках.

Узбекский язык

С. отам «мой отец»	отанг «твой отец»	отаси «его отец»
Р. отамнинг	отангнинг	отасининг
Д. отамга	отангга	отасига
В. отамни	отангни	отасини
М. отамда	отангда	отасида
И. отамдан	отангдан	отасидан

Кумыкский язык

О. атам «мой отец»	атанг «твой отец»	атасы «его отец»
Р. атамны	атангны	атасыны
Д. атама	атанга	атасына
В. атамны	атангны	атасын
М. атамда	атангда	атасында
Исх. атамдан	атангдан	атасындан

Ногайский язык

О. атам «мой отец»	атанъ «твой отец»	атасы «его отец»
Р. атамнынъ	атанънынъ	атасынынъ
Д. атама	атанъа	атасына
В. атамды	атанъды	атасын
М. атамда	атанъда	атасында
Исх. атамнан	атанънан	атасыннан

Карачаево-балкарский язык

О. атам «мой отец»	атанг «твой отец»	атасы «его отец»
Р. атамы	атангы	атасыны
Д. атама	атанга	атасына
В. атамы	атангы	атасын
М. атамда	атангда	атасында
Исх. атамдан	атангдан	атасындан

Из этих четырех языков видна та непоследовательность, которая имеется в тюркских языках в отношении звука *н* в составе притяжательного аффикса 3 лица и аффиксов род. и вин. падежей. Наибольший контраст представляет узбекский язык. В местоимениях здесь звук *н* присутствует во всех косвенных падежах, а в именах существительных — только в род. и вин. падежах.

В форме род. падежа имен существительных с притяжательным аффиксом 3 лица звук *н* находится между двумя синонимичными аффиксами, обозначающими принадлежность 3 лицу. Поэтому отнесение звука *н* влево или вправо не нарушает семантики, не противоречит практике речи, т. к. этот звук при любом членении (*ат-ын-ынг*; *ат-ы-нынг*) присоединяется к аффиксу, выражающему принадлежность: если его отнести к аффиксу *-ы*, то получается, что относим к притяж. аф. 3 лица, а если к *-ынъ*, то к аффиксу притяж. падежа. Здесь и возникла возможность образования аффикса род. п. с начальным *н*, но не во всех тюркских языках это нашло себе одинаково последовательное место.

Итак, аффикс род. п. *-нынъ* < *н + ынъ* образовался в сфере притяжательного склонения 3 лица. Потом он стал присоединяться по особым для каждого языка пра

вилам (что породило разнобой) ко всем словам, в том числе и к словам с притяж. аффиксами 1, 2 лиц: *атам+нынъ* «отца моего», *атанъ'+нынъ* «отца твоего». И в то же время новый вариант аффикса род. п. *-нынъ* не смог полностью вытеснить старый вариант *-ынъ*, поэтому свое место в *-нынъ* звук *н* занял непрочно. Существование вариантов посессива 3 лица *-и*, *-ин* определило блуждающий характер звука *н* в аффиксах косвенных падежей имен существительных с притяж. аффиксом 3 лица (*къышын-ынъ/къышы-нынъ*), что особенно наглядно выражено в местном и исходном падежах. Если в вин. падеже звук *н* выполняет две функции: элемента притяжания и падежного формата, а в дат. п. его положение спорно, то в мест. и исходном падежах звук *н* присутствует как реликт притяжания, как чистый притяжательный элемент, не имеющий отношения к форманту падежа: мест. *ат+ын+да* «у лошади его»; исх. *ат+ын+дан* «от лошади его». Поэтому в первое время звук *н* воспринимался то как исход. притяж. аффикса 3 лица, то как начало аффикса род. падежа. Вот здесь и начинается образование род. падежа, возникновение его отличия от изафетной формы *атынъ башы* «лошади голова». Новая форма род. п. *атнынъ башы* в тот период означал «лошади его (третьего лица) голова», и только теперь, в современных языках—«лошади голова».

Вин. падеж, как падеж объекта действия, не может не иметь своего формата, поэтому в склонении имен с посессивом 3 лица формантом вин. падежа закрепился звук *-н*. В этом была и есть семантическая необходимость. Что касается род. падежа, то не было этой необходимости в наращении начального *н* к его аффиксу, но тем не менее это произошло, хоть и не везде.

Вопрос о происхождении аффикса род. п. интересовал ученых (О. Бётлингга, Н. А. Баскакова и др.). Мы не беремся сказать здесь что-либо о его генезисе. Наши суждения касаются лишь возникновения варианта этого аффикса с начальным *н*: *-нынъ*.

Аффикс вин. п. с притяжанием *-н*, с которым связано происхождение *н* — именного, оказал огромное влияние на развитие местоимения, существительного, их склонения (и даже на некоторые другие части речи,

напр., числит. *биринчи* «первый»; экинчи «второй», прилагат. *ортанчы* «средний», служебных слов: *ючю-ючюн* «для, ради», *дерици-дерицин* «до», *алыкъя-алкъян* «еще», глагольных форм *баргъынчы(н)* «пока ходил» и т. д., что требует дополнительного изучения).

Н — местоименное

Происхождение *н* — именного, как отмечено выше, связано с формантом винительного падежа *-н*. При этом притяжательный момент семантики звука *-н* выражен довольно ясно. Происхождение *н* — местоименного тоже связано с формантом вин. падежа *-н*. Трудно провести резкую семантическую границу между *н* — именным и *н* — местоименным, но следует отметить, что *н* — местоименное лишено притяжательного значения. К местоименным корням *ме-*, *се-*, *а-* (*о-*, *у-*) звук *н* не мог пристать как показатель лица, т. к. в 1 и 2 лицах это противоречило бы лицу корня, а в третьем лице подчеркивалось бы вторично. К местоимениям звук *н* прирос как чистый аффикс вин. падежа.

При анализе звукового состава личных местоимений в тюркских языках, когда речь идет о наличии звука — *н* на исходе, некоторые исследователи почему-то говорят только о местоимениях 1 и 2 лиц, забывая основу местоимения 3 лица. «Происхождение конечного *н* местоимений *мин* и *син* «неизвестно», — читаем у Ф. Г. Исхакова¹. Между тем, основа мест. 3 лица *ан-* (*он-*, *ун-*) находится в аналогичном положении, что отмечено А. Н. Кононовым: «Указательно-личное местоимение о «тот, он» во всех косвенных падежах имеет особую основу *он-*, в которой звук *н* такого же происхождения, как и *н* в местоимениях *бен*, *сен*, т. е. является рудиментом аффикса принадлежности»².

Особенность местоимения 3 лица в том, что звук *н* в его составе отсутствует только в форме основного падежа. Возьмем карачаево-балкарский язык:

¹ Ф. Г. Исхаков. Местоимения. ИСГТЯ, 11, стр. 211.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956, стр. 81—82.

Ед число

Основной	мен «я»	сен «ты»	о, ол «он»
Родительный	мени	сени	аны
Дательный	мениге (манга)	сениге (санга)	анинга (анга)
Винительный	мени	сени	аны
Местный	менде	сенде	анда
Исходный	менден	сенден	андап

Следовательно, все личные местоимения 1, 2 и 3 лиц ед. числа в отношении приобретения *-н* на исходе претерпевали одни и те же фонетико-морфологические процессы. Но результаты влияния этих процессов оказались разными. У местоимений 1 и 2 лиц оно выразилось в том, что звук *-н* вошел в их звуковой состав в основном и большинстве падежей, а в состав местоимения 3 лица — в косвенных падежах, исключая лишь основной. Анализ личных местоимений как состоящих из двух элементов: *ме + н*, *се + н* впервые дан В. В. Радловым¹.

Следует указать, что в вопросе об исконности или позднем появлении звука *н* на исходе личных местоимений, а также о его значении в тюркологии нет единого мнения. Одни исследователи считают звук *н* элементом, первоначально принадлежащим к корню местоимений. По мнению В. А. Богородицкого, на это указывают «формы других падежей, например, мест. *мин-дэ*, *син-дэ*, *ан-да*. С переходом *н* в этих местоимениях в рассматриваемой форме род. падежа от корня к окончанию корень мог «для чутья» заканчиваться гласным; это дало толчок тому, что рядом с окончанием *-ынг/-инг* возникло новое окончание *-нынг/-нинг*, которое путем аналогии распространилось на соответствующий падеж существительных с основой на гласный...»².

Г. И. Рамstedт также считает *н* корневым звуком. Он исходит из того, что личные местоимения утратили конечное *-н* «на очень раннем историческом этапе», так что мы имеем в монг., тунг. форму *би* «я», монг. *чи*

¹ W. W. Radloff. Die alttürkische inschriften der Mongolei, Neue Folge, стр. 72.

² В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, стр. 152, 155—156.

(древн. **ти*) «ты», тунг., маньч. *си* «ты», маньч. *и* «он»¹. Н. А. Баскаков и Г. Д. Санжеев соглашаются с этим мнением².

Другие исследователи не считают звук *н* исконно корневым элементом. А. Н. Кононов полагает, что удвоение *-н* в род. и вин. падежах узбекского языка, «по-видимому, объясняется тем, что конечное *-н* не является органическим структурным элементом местоимений *мен, сен* (ср. формы множ. ч. *мен-биз, сен-сиз*), а служит лишь признаком формы их основного п.»³. В другой работе⁴ он констатирует, что большинство исследователей склоняются к тому, что элемент *-н* является показателем принадлежности, и сам поддерживает это мнение.

Н. К. Дмитриев находит, что «*мин, хин*, очевидно, разлагаются на *ми* и *хи + н*; это видно из соотношения *без, хез*, т. е. в конце концов *бе, хе*»⁵.

В. Котвич писал: «Теперь принято считать, что *н* не относится к корню, а представляет собой суффикс⁶, получивший название *н* местоименное».

Мы также считаем, что звук *-н* в *мен, сен, ан* (*он-, ун-*) — позднее приобретение, ибо нетрудно заметить противоречивость сторонников первой точки зрения. Например, у В. А. Богородицкого читаем: «В вариации *м/б* (*мен/бен* — Х. С.) первичным нужно признать согласный *б*, сменившийся на *м* под регрессивным ассимилирующим влиянием конечного носового»⁷. Если бы звук *н* был исконно корневым, то исконным был бы и *м* в начале *мен*, чередование *м/б* не наблюдалось бы.

Итак, в тюркских языках личные местоимения 1 и 2 лиц в конце современной основы в основном падеже

¹ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 33, 69.

² Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 232, примечание № 62.

³ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 174.

⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956, стр. 174.

⁵ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948, стр. 97.

⁶ W. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïques, Krakow, 1936, стр. 6.

⁷ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Казань, 1934, стр. 113.

имеют *-н*: *мен. сен*. Местоимение 3 лица в конце основы именительного падежа не имеет звука *-н*, а в остальных падежах имеет. Чем же обусловлено такое исключение для основного падежа местоимения 3 лица?

Звук *-н* в конце тюркских личных местоимений 1 и 2 лиц, а также в конце основы для косвенных падежей местоимения 3 лица ед. числа: *ме-(ми-)+н-мен/мин*, *се-(си-)+н-сен/син*, *о-(у-, а-)+н-он(-ун/ан-)* некоторые исследователи связывают с аффиксом род. п. На возможную связь этого элемента с аффиксом род. падежа в тюркских языках указывает Н. А. Баскаков¹. Говоря о субстантивных относительных местоимениях, он отмечает, что они «состоят из сочетания основ указательных определительных с субстантивирующим их элементом, происходящим, по-видимому, от основы, которая является общей и для аффикса родительного падежа, т. е. *буны/муны < бунынъ/мунынъ (< булынъ)*».

Следует указать, что путь развития форм до современных *мен, сен* Н. А. Баскаков представляет своеобразно. Он полагает, что аффикс род. падежа и звук *н* в конце местоимений происходят от слова

$$\text{нинъ} > \text{ненъ} \quad \frac{\text{нынъ}}{\text{нинъ}} > \frac{\text{нын}}{\text{нин}} \quad \begin{matrix} \text{ны} \\ \text{ни} \end{matrix} \quad \text{н}$$

При этом он приводит пример из туркменского: *мен-нинъ > меенъ*, а затем путем утраты носового: *нъ > н* т. д.² Видно, что он расходится с другими, которые представляют происхождение *мен < ме + н*, *сен < се + н* лишь в интерпретации элемента *н*.

В отношении узбекского лично-указательного местоимения *у(ул)* А. Н. Кононов отмечает, что оно «в дательном, местном и исходном падежах имеет форму *ун*: *ун + га, ун + да, ун + дан*; основа *ун-* восходит к форме *унинг < ул + нинг*»³, т. е. основу *ун-* связывает непосредственно с формантом род. п.

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II. М., 1952, стр. 284; его же: О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках. Институт языкознания. Доклады и сообщения, I. М., 1951, стр. 135.

² И. А. Баскаков. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках. Институт языкознания. Доклады и сообщения, I. 1951, стр. 143.

³ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 174.

Таким образом, положение о том, что *н* — местоименное исторически не является элементом корня местоимений, в тюркологии уже доказано. Теперь задача состоит в том, чтобы установить его происхождение.

Сначала и нам казалось, что это есть начальный звук аффикса родительного п. *-нынг*. Уж очень заманчиво (и этому поддаются некоторые исследователи) предположить, что начальный звук аффикса *-нынг*, не несущий семантической нагрузки, сидящий на своем месте непрочно, является причиной возникновения *н* — местоименного: *а-нынг/ан-ынг*. Но тщательное рассмотрение разубедило в этом, т. к. при таком толковании остается необъясненным происхождение других, чередующихся с *н*, звуков: *гъ, г, й, нг, х* (пока выяснены эти, возможны и другие). Затем была попытка связать *н* — местоименное с последним звуком аффикса род. п. При этом не получают объяснения главным образом, варианты *гъ, г*.

В джебраильском говоре азербайджанского языка до сих пор существуют варианты: *мана* «мне», *сана* «тебе», *она*¹ «ему». Но в этом же говоре и во многих других тюркских языках параллельно бытуют формы *магъа* «мне», *сагъа* «тебе», *огъа* «ему». Здесь хорошо видна аналогичность положения звуков *гъ* и *н* в местоимениях. Исходя из особенностей азербайджанского языка, М. Ш. Ширалиев звук *гъ*, по аналогии со звуком *н*, относит к корню². Это послужило толчком к нашим исследованиям, в результате которых выдвигается мнение: звук *н* — местоименное есть аффикс вин. падежа. Аффиксом же вин. п. выступал не только звук *н*, а еще *гъ/г*. Звук *й*, которого Г. И. Рамstedт считает соединительным вставочным согласным³, видимо, тоже является вариантом аффикса вин. падежа. Уверенность в этом вселяют азербайджанские диалекты и турецкий язык, где звук *й* встречается на месте звуков *н* и *гъ*. Возьмем склонение вопросительного местоимения *не*:

¹ Т. И. Гаджиев. Джебраильский говор азербайджанского языка. А. к. д. Баку, 1962, стр. 13.

² М. Ш. Ширалиеву приношу глубокую благодарность за любезное сообщение своего мнения в устном разговоре.

³ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 35.

И.	нэ	В.	найы
Р.	найын	М.	найда
Д.	найа	Исх.	найдан ¹

Можно подумать, что в дат. падеже звук *й* является вариантом звука *г* аффикса *-ге*. Как же тогда объяснить наличие *й* в начале аффикса род. п. на месте звука *н*, а также перед аффиксами местного и исходного падежей? Ср. с формами местоимения 1 лица: *менин, мана/магъа, мени, менде, менден*. Вот почему правомерно считать звук *й* вариантом аффикса вин. падежа, как звуки *н, гъ, г*. В азербайджанских диалектах встречаются еще формы *маха*² «мне», *сах* «тебе» (буквой *х* заменена латинская буква *аш* источника). В пользу того, что звук *й* является аффиксом вин. п., говорит еще его наличие на месте *н* в местоимениях др. разрядов. В большинстве языков *кандай* «какой», ног. *кайдай*, шор. *кайдыг*, хак. *хайдагъ*. В большинстве языков *кайсы* «который», азерб. *хансы*, тур. *ханги*, як. *ханнык*; тат. *кандыг* «как», хак. *хайди*, шор. *кайде, кайды, кайди*, як. *хайдах*; кум., тат. *къайчан* «когда», в остальных языках *къачан*; в большинстве языков *кайда* «где», як. *ханна*; кбал. *къайры* «куда», шор. *каая, каяга*; ср. кирг. *кинчи* «сколько»; в большинстве яз. *кайдан* «откуда», як. *хантан*.

Остается необъясненным происхождение звука *нъ*. Но и этот звук мог некогда выступать как аффикс винительного падежа. В «Памятнике в честь Кюльтегина» формы дат. п. со звуком *нъ* С. Е. Малов объясняет ассимиляцией: *ортусынъару* < *ортусынгъару* (ПДП — 45), но в других памятниках приводит их в числе языковых особенностей, без объяснения: *Лот эвинъэ* «в дом Лота», *элигинъэ* «в свои руки», *къавмунъа* «своему народу» (ПДП — 340). В современном карачаево-балкарском языке ассимиляция звуков *н, гъ* при их сочетании взаимная, т. е. образуются два звука *нъ*: *хан + гъа = ханънъа* «хану», *джан + гъан = джанънъан* «горящий пламенем», но в древнетюркских памятниках мы не видим двойного *нъ*. Видимо, это объясняется тем, что после притяжательных аффиксов всех

¹ М. Ш. Ширалиев. Основы азербайджанской диалектологии. Баку, 1967, стр. 194.

² М. Ш. Ширалиев. Основы азербайджанской диалектологии. Баку, 1967, стр. 130.

лиц присоединяются аффиксы род. и дат. падежей без начального согласного звука. Возьмем примеры из карачаево-балкарского языка: *юйюме* «моему дому» *юйюнъ-е* «твоему дому», *юйюне* «его дому». Это явление было достаточно распространено и в древне-тюркских языках: *огъланьма*, *будунума*, *сизимэ*, *сизинъэ*¹. Поэтому надо полагать, что *Лот эвинъа* < *Лот эвинъ-э*, а не из *Лот эвин-гэ*. Эти обстоятельства могут свидетельствовать о том, что звук *нъ* в этих формах имеет иное, чем *нъ* < *н+гъ*, происхождение. Заметил же В. А. Богородицкий, что окончание дат. п. ед. ч. местоимений 1, 2 лиц в одних языках имеет окончание *-гъа/-ге*, а в других с носовым *нъ* вместо *гъ/г²*. Ф. Г. Исхаков тоже отметил, что «...конечное *н* некоторых из них (склоняемых основ местоимений — Х. С.) в отдельных языках или чередуется со звуком *нъ*, или выпадает» (ИСГТЯ, II—253). Склоняемыми основами в некоторых языках он признает основы с *нъ*: уйг. *манъ-*, *санъ-* (там же — 227), баш. *минъ*, *хинъ-* (там же — 222).

Э. В. Севортян тоже уделил внимание этому вопросу³: *ман+га* > *манъга*, но далее почему-то вместо ожидаемого *манънъа* следует *магъа*, а в схеме чуть выше *ман+га* дает *манъа*. Как эти разные формы могли образоваться из одних и тех же составляющих — нет объяснения. Это волнует автора, поэтому он предлагает второй возможный путь образования *магъа* < *мэ+гъа* и сам же отвергает его, но нам представляется правильным именно этот путь — путь образования форм дат. падежа *мана*, *магъа*, *манъа* из местоименных корней с твердым гласным: **ба*, *ма*, *са*, *о* (*у*, *а*) (отмечаем звездочкой лишь *ба*, т. к. остальные до сих пор существуют). Можно добавить сюда корни местоимений и других разрядов, т. к. путь развития у всех один. При этом образование форм дат. падежа следует представить не по схеме *ма+гъа*, а по схеме *ма+гъ+а*, *ма+н+а*, *ма+нъ+а*.

То, что звук *н* в местоимениях является аффиксом вин. падежа, подкрепляется еще тем, что формы вин. п.

¹ С. Е. Малов. Елисейская письменность тюрков. М., 1952, стр. 13.

² В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Казань, 1934, стр. 115.

³ Э. В. Севортян. Категория падежа, ИСГТЯ, II, стр. 50.

местоимений могли принимать форманты других падежей и в тех языках, где вин. п. и possessiv 3 лица имели форматив *-ыгъ*, т. е. когда местоимения в вин. пад. имели формы: *и.гъ, мег, сагъ, сег, огъ (угъ, агъ)*. В дат.-направ. падеже они принимали еще исконный его показатель *-а/-с*: *магъ-а/мег-е, сагъ-а/сег-е, огъ-а/угъ-а/агъ-а*. Но поскольку более древние корни местоимений имели формы: *ма-/ме-, са-/сэ-, о-/у-/а-*, то формант дат.-напр. п. стал осознаться в форме *-гъа/-ге*. Таким образом, звук *гъ* форманта вин. п., образовавший новые основы местоимений, отошел к аффиксу дат.-напр. падежа *-гъа/-ге*. В подобном положении находятся все звуки, встречающиеся как аффикс вин. падежа. Богатое подтверждение этому находим в диалектах азербайджанского языка¹: *магъа, мэгъэ, мана, мэйэ, маха, манъа* «мне», *сагъа, сэгъэ, сана, сэйэ, саха, санъа* «тебе»; *оа* «ему».

Что может ставить под сомнение связь происхождения звука *н* с аффиксом вин. падежа? То, что эти же звуки встречаются и как possessiv 2 лица. Примеры на этой же странице работы М. Ш. Ширалиева: *атан, атав. атанъ* «твой отец». Как possessivные формы 2 лица функционируют также *й, гъ*, но в косвенных падежах:

Осн.	атан	атаг «твой отец»
Род.	атайын	атагъын
Дат.	атайа	атагъа
Вин.	атайы	атагъы
Мест.	атанда	атагда
Исх.	атаман	аганъан ²

Чем объяснить совпадение форм вин. падежа и possessiva 2 лица как это совпадение может соотноситься с *н* — местоименным? Пока трудно сказать.

Вернемся к формам дательного-направительного падежа местоимений:

мана «мне»	сана «тебе»	она «ему»
магъа	сагъа	огъа
манъа	санъа	анъа
мэйэ	сэйэ	оа
маха	саха	— (еще не зафиксировано)

¹ М. Ш. Ширалиев. Основы азербайджанской диалектологии. Баку, 1967, стр. 130.

² Там же, стр. 160.

Невооруженным глазом видна аналогичность положения звуков: *н, гъ; нг, й, х*. В этих формах *-гъа* считают аффиксом дат. падежа, *йа* считается особой формой этого падежа. В отношении *-на* мнения разделяются, *-нъа* никто не считает таковым, т. к. полагают, что *-нъа < н + гъа*. Между тем это важный момент. Здесь следует признать самостоятельное происхождение звука *нъ*, как и *н, гъ*. Относительно *х* ничего не говорят, потому что он не был известен до недавнего времени. Почему *-гъа* безоговорочно признается аффиксом дат. падежа? Потому что другие функции звука *гъ* сильно затушевались. Звук *гъ* почти во всех языках вышел из состава форманта вин. падежа и посессива 3 лица, здесь он заменен звуками *н, нъ*. Более того, звук *гъ* кое-где стал посессивом 2 лица: кбал. *атынг* «твой конь», но *атыгъыз* «ваш конь», который состоит из *ат + ыгъ + ыз*, где *з* является аффиксом множ. числа (Малов, ПДТП-52).

Почему *-на* не всеми признается аффиксом дат. падежа? Потому что звук *н* наличествует в составе современного аффикса вин. п. и посессива 3 лица, т. е. другие функции звука *н* не так сильно затушевались, как у звука *гъ*. Кроме того, звук *н* как бы вытеснил из аффикса винительного п. звук *гъ*. Звук *н* в современных языках стал еще *н* — местоименным и *н* — именным. Эти обстоятельства и порождают непоследовательность в признании *-на* аффиксом дательного п.

В 3 лице звук *н* не сумел безоговорочно закрепиться в составе корня местоимения *о (у, а), ол (ул, ал)*, которые имеют основы для косвенных падежей *он- (ун-, ан-)*. Те корни местоимений, в составе которых звук *н* закрепился (*мен, сен, мин, сан*), снова принимают аффиксы косвенных падежей, в том числе и аффикс родительного п.:

И.	мен	«я»	сен	«ты»	ол	«он»
Р.	мен-ни		сен-ни		ан	ын/а-нын
Д.	мен-е		сен-е		ан	а/а-на
В.	мен-и		сен-и		ан-ы	а-ны
М.	мен-де		сен-де		ан-да	
Исх.	мен-ден		сен-ден		ан-дан	

Если бы не было неустойчивости звука *н* в склонении местоимения 3 лица, то аффикс род. п. при место-

имениях имел бы форму без начального *н*: *-ын*, *-ин*. Местоимение 3 лица дает основание выделить и другие варианты аффиксов падежей, которые являются как бы формой двойного падежного оформления: вин. + род. = *-нын/-нынъ*; виш. + дат. = *на*; вин. + мест. = *нда*; вин. + исх. = *-ндан*.

Все изложенное говорит об аналогичности происхождения вариантов аффикса дат.-направительного падежа при местоимениях: *-гъа*, *-на*, *-нъа*, *-йэ*, *-ха*. Поэтому, коль скоро *-гъа* признается формантом. дат.-направительного падежа, надо признать исторически таковыми и остальные, но исследователи членят формы дат. п. по-разному: *ма-гъа*, но *ман-а*, тогда как их следует членить одинаково: или *ма-гъа*, *ма-на*, *ма-нга*, *ма-ха*, *ма-йэ*, или *магъ-а*, *ман-а*, *мах-а*, *мэй-э*, *манг-а*. Виною непоследовательности ученых является непоследовательность самих корней местоимений, которые в форме основного падежа звук *н* «приютили», а чередующиеся с ним звуки — нет.

Представляется, что параллельно изложенному мог иметь место и такой путь образования аффикса дательного п. *-гъа* < *гъ* + *а*: *белиме дери* «мне до пояса», *белинъе дери* «тебе до пояса», *белине дери* — *белиге дери* «ему до пояса». Путем полной редукции звука *и*: *белиге* > *белге*; *кимине*-(*кимиге* > *кимге*) «кому»; *дерсине*-(*дерсиге* > *дерсге*) «на урок» и т. д. И в этом случае появление звука *гъ* в аффиксе *-гъа* связано с аффиксом вин. падежа *гъ* и аффиксом посессива 3 лица *-ыгъ*. Оно обусловлено теми же причинами: потерей звуком *гъ* своего места в аффиксе посессива 3 лица, передачей его звуку *н*, т. е. «затушевыванием» других значений звука *гъ*.

Местоимение III лица

Лексическое, вещественное значение местоимения 3 лица *ол* «он» состоит в том, что этим словом говорящий указывает на лицо, о котором идет речь. Происхождение местоимения 3 лица тюркологи связывают с указательными местоимениями¹, хотя уместнее было бы говорить о параллельном их происхождении.

¹ См., напр.: Н. А. Баскаков. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках. Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, I. М., 1951; Ф. Г. Исхаков. Местоимения. ИСГТЯ, II — 212.

Местоименные 3 лица в тюркских языках представлены вариантами: кбал. *о, ол*, узб. *у, ул*, кир. *ал, ол*, азерб. *о, у¹, а²* и т. д.

Анализ звукового состава тюркских местоимений 1 и 2 лиц, сопоставление их форм ед. и мн. чисел намечают проблему о позднем характере звука *н* в их составе:

Ед. число		мн. число	
ме+n	«я»	си+z	«мы»
се+n	«ты»	си+z	«вы»

Почему звуковой состав форм ед. и мн. чисел местоимений различный? Где корень местоимений? На эти вопросы ясного ответа не находим. А если взять указательно-личные местоимения, появляется возможность вести анализ дальше.

Рассмотрим факты из различных языков.

Ногайский язык³

И. мен «я»	сен «ты»	ол(о) «он»	бу «этот»
Р. меним	сенинъ	онынъ	мунынъ
Д. мага	сага	ога	буга
В. мени	сени	оны	муны
Исх. меннен	сеннен	оннан	муннан
М. менде	сенде	онда	мунда

Из узбекских⁴ интересны парадигмы местоимения 3 лица *у* и указат. местоимений *бу, шу*.

	Ед. число		Мн. число	
Осн.	у, ул	«он» бу	шу «этот»	улар «они»
Притяж.	униг	бунинг	шунинг	уларнинг
Вин.	уни	буни	шуни	уларни
Дат.-направ.	унга	бунга	шунга	уларга
Исх.	ундан	бундан	шундан	улардан
Мест.	унда	бунда	шунда	уларда

¹ Т. Б. Гамзаев. Ордубадский диалект. А. к. д. Баку, 1960, стр. 13.

² Г. А. Багиров. Говоры азербайджанского языка Сисианского района Армянской ССР. А. к. д. Баку, 1966, стр. 16.

³ А. Ш. Джашибеков. Грамматика. Ногай тили, I кесек, Ставрополь, 1950, стр. 85.

⁴ В. В. Решетов. Основы фонетики и грамматики узбекского языка. Ташкент, 1961, стр. 119, 123.

Саларский язык¹

Ед. число

Неоп. мен «я»	сен «ты»
Род. мини (ги) «меня»	сини (ги) «тебя»
Дат. манга «мне»	санга «тебе»
Вин. мини «меня»	сини «тебя»
Местн. менте «у меня»	сенте «у тебя»
Исх. ментен «от меня»	сентен «от тебя»

Неоп.	ву «он», «она»
Род.	ани (ги) «его», «ее»
Дат.	анга «ему», «ей»
Вин.	ани «его», «ее»
Местн.	—
Исх.	—

Мн. число

Неоп. писер «мы»	селер «вы»
Род. писи (р) ни- (ги) «нас»	сили (р) ни (ги) «вас»
Дат. писере «нам»	селере «вам»
Вин. писи (р) ни «нас»	сели (р) ни «вас»
Местн. писе (р) те «у нас»	селерте «у вас»
Исх. писе (р) тен «от нас»	селертен «от вас»

Неоп.	вулар «они»
Род.	вула (р) ни (ги) «их»
Дат.	вулара «им»
Вин.	вула (р) ни «их»
Мест.	вула (р) та «у них»
Исх.	вула (р) тан «от них»

Кумыкский язык²

Баш падеж	мен «я»	сен «ты»	о «он»
Ес падеж	мени	сени	ону
Багъым падеж	магъа	сагъа	огъар
Тюшюм падеж	мени	сени	ону
Ер падеж	менде	сенде	онда
Чыгъым падеж	менден	сенден	ондан

¹ Э. Р. Тенишев. Саларский язык. М., 1963, стр. 25—26.

² А. Н. Батырмурзаев. Къумукъ тилни грамматикасы, 1 бѣлюк, Махач-Кала, 1952, стр. 113.

Мн. число

Баш падеж	биз «мы»	сиз «вы»	олар «они»
Ес падеж	бизни	сизин	оланы
Багъым падеж	бизге	сизге	олагъа
Тюшюм падеж	бизин	сизин	оланы
Ер падеж	бизде	сизде	оларда
Чыгъым падеж	бизден	сизден	олардан

Указательные местоимения

Баш падеж	бу «этот»	шо «тот»
Ес падеж	муну	шону
Багъым падеж	бугъар	шогъар
Тюшюм падеж	муну	шону
Ер падеж	мунда	шонда
Чыгъым падеж	мундан	шондан

булар «эти»	шолар «те»
буланы	шоланы
булагъа	шолагъа
буланы	шоланы
буларда	шоларда
булардан	шолардан

Рассмотрев парадигмы указательно-личного местоимения 3 лица в различных тюркских языках, замечаем, что в основном падеже это местоимение должно было бы иметь формы, состоящие или из одних гласных *о, у, а* или с согласным *-н*: *он, ун, ан*, как и *мен, мин, мэн, ман; сен, син, сэн, сан*. Чем же объяснить, что вместо ожидаемых *он, ун, ан* местоимение 3 лица в некоторых тюркских языках и диалектах имеет в основном падеже формы *ол; ул; ал?*

О звуке *л* на исходе местоимений *ол, бул, шул*

В тюркологической литературе встречаются различные мнения по вопросу о звуке *л* в составе местоимений *ол, бул, шул*. Одни исследователи считают формы с *л* на исходе более древними, следовательно, в современных языках идет процесс утраты звука *л*. Другие, напротив, находят формы местоимений *ол, бул, шул* поздними образованиями.

Н. А. Баскаков приводит схему развития *буны/муны* < *бунынъ/мунынъ* (< *булнынъ*)¹. А. Н. Кононов считает, что *ул* — более архаичный вариант местоимения *у*². Ф. Г. Исхаков пишет: «Общепризнано, что 1) *у* < *ул*, 2) *о* < *ол*, 3) *ул* < *ол*. Но вполне возможно, что *ол* // < *ал*³ (киргизская форма)». Но в его дальнейших суждениях нет уверенности в этом. Он, как и другие сторонники этого мнения, не приводит ни одного аргумента в доказательство. На этой же странице читаем: «Видно не киргизским вариантам, что *ушу* < *ушул* и *ошо* < *ошол*...» Но ведь из этих примеров ничего не видно. Это, конечно, понимал и Ф. Г. Исхаков, поэтому чуть ниже пишет: «На основании того, что склоняемые основы почти всех этих местоимений оканчиваются на *н* (*бу—бунда, шул—шунда, ол—онда, ал—анда*). можно признать историческими основами указательных местоимений *мынау, анау, сонау* звуковые комплексы *мын, ан, сон*...» Это уже плохо вяжется с первичностью *л* на исходе местоимений. А признание гипотетическими формами наряду с **ман/*бан, *сан* и форм. **ан/*он/*ун, *ын*⁴ вовсе противоречит мнению об исконности *л*.

Звуком *л* на исходе местоимений интересовался и В. Котвич. Он не считал его элементом корня. Правда, он ничего не сказал относительно происхождения звука *л*, но отметил, что тюркские указательные местоимения «видоизменяются в результате присоединения к концу основы *л*⁵ (*бул, шул, ол*)». Это явление он находит «любопытным» и считает звук *л* элементом факкультативным, не оказывающим влияния на значение самих местоимений, но с исторической точки зрения звук *л* играл какую-то роль, которую невозможно установить из-за отсутствия материала. «В настоящее вре-

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II. М., 1952. стр. 284.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 172; его же: Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956, стр. 173, 174.

³ Ф. Г. Исхаков. Местоимения. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, II. М., 1956, стр. 248.

⁴ Ф. Г. Исхаков. Указ. соч., стр. 214.

⁵ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 140.

мя можно с уверенностью сказать лишь то, что *л* был утвердительным элементом. На это указывает прежде всего то, что в монгольских, а отчасти и в тюркских языках имеется утвердительная частица *ла* или ее сокращенный вариант *л*¹. Итак, В. Котвич связывает генезис звука *л* с утвердительной частицей *ла*, *л*. Подобное мнение высказывала и А. Габэн, рассматривая *л* в качестве указательного (дейктического) элемента².

Г. И. Рамстедт³ ничего не говорит о происхождении форм с *л* на исходе *ол*, *бул*. Видимо, их считает изначальными, т. к. находит корейское *онал* (<*ол нал*) «этот день, сегодня». Но следует указать, что звездочкой, как гипотетическую форму, он отметил *мун*, т. е. форму с *н* на исходе.

Если бы на исходе указательных местоимений исконым был звук *л*, то этот звук фигурировал бы не только в основном падеже. Приведем таблицу склонения из указанной работы Ф. Г. Исхакова (стр. 252):

Языки	основн. п.	род. п.	дат. п.	вин. п.	исх. п.	мест. п.
Баш.	был	бынын	быга	быны	бынан	бында
Каз.	бул	мунын буныч	буган	муны буны	будан мунап	мунда
Кирг.	бул	мунуя	буга	муну	мундан	мунда

В род., вин., исх. и мест. падежах на месте *л* видим *н*, в дат. падеже на месте *л* стоит звук *гъ*. Но мы здесь не видим условий для выпадения *л*. Если бы этот звук являлся органическим элементом корня, он должен был здесь сохраниться, а не уступать свое место.

В последние годы предприняты новые попытки к выяснению генезиса звука *л* на исходе лично-указательных местоимений. А. Боржаков находит⁴, что морфема *л* в местоимениях *бу+(л)*, *о+(л)* является поздним

¹ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 143.

² А. Гавайн. Turkologie in Polen. Polsk. Biuletyn Orientalistyczny, II, 1938, стр. 52, 57.

³ Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 75.

⁴ А. Боржаков. Местоимения в современном туркменском языке, А. к. д. Ашхабад, 1964, стр. 10.

ингредиентом». Автор полагает, что звук *л* перешел в корень из аффикса мн. числа *-лар, -лер*. При этом он исходит из отсутствия форм *бул+лар, ол+лар*. Но формы *оллар, уллар* и даже *иллар* имеются в зангеланском говоре¹ и др. диалектах азербайджанского языка, поэтому этот довод неубедителен.

Трудно согласиться также с мнением, по которому *буны* < *булнынг, унинг* < *улнинг*. Авторы не показывают пути такой эволюции. Выходит, что звуковое сочетание *лн* дало в своем развитии *н*. В тюркологии известно развитие *нл* > *лл* или *нл* > *нн*, но неизвестно развитие *лн* > *н*.

М. А. Хабичев полагает, что в карачаево-балкарском языке *буну+лай* > *быллай* «вот такой», *аны+лай* > *аллай*² «вон такой». Это заслуживает пристального внимания, вплотную подводит к решению вопроса, т. к. автор исходит из ассимиляции звука *н* звуком *л*.

Эти и другие суждения, отмеченные А. Н. Кононовым³, говоря о том, что происхождение звука *л* в составе этих местоимений требует выяснения.

Анализируя сочетаемость местоимения 3 лица *о, ол* с падежными и другими аффиксами в различных тюркских языках, приходим к выводу, что в основном падеже это местоимение должно было иметь формы, состоящие или из одних гласных: *о, у, а* или с согласным *н*: *он, ун, ан*, но не *ол, ул, ал*.

Род.	мен-инъ	сен-инъ	ан-ынъ
Дат.	мен-нъе	сен-нъе	ан-нъа
Вин.	мен-и	сен-и	ан-ы
Мест.	мен-де	сен-де	ан-да
Исх.	мен-ден	сен-ден	ан-дан

В формах *он, ун, ан* звук *н* такого же происхождения, что в *мен, сен*, что уже отмечено А. Н. Кононовым.

Сочетаемость с аффиксом отрицания: *менсиз* «без меня», *сенсиз* «без тебя», *ансыз* «без него»; с аффиксом уподобления *мендей* «как я», *сендей* «как ты», *андай* (*ондай*) «как он».

¹ С. М. Бехбудов. Зангеланский говор азербайджанского языка. А. к. д. Баку, 1966, стр. 16.

² М. А. Хабичев. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961, стр. 85.

³ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956, стр. 173.

В пользу долженствования форм *он, ун, ан* иметь место в основном падеже говорит еще то, что в ордубадском диалекте, заигеланском и некоторых других говорах азербайджанского языка бытуют формы *оннар, уннар* «они». Правда, формы *оннар, уннар* бытуют параллельно с *оллар, уллар*¹, что легко объясняется ассимиляцией. Если в *оннар* <он+лар> наблюдаем ассимиляцию *нл* > *нн*, то в *оллар* <он+лар> отмечается ассимиляция *нл* > *лл*.

Это явление делит все тюркские языки и диалекты на три группы. Первая группа характеризуется тем, что побеждает *л*: *нл* > *лл* — *он+лар* > *оллар*. Во второй группе побеждает *н*: *нл* > *нн* — *он+лар* > *оннар*. В третьей группе оба звука сохраняются без изменений: *нл* > *нл* — *он+лар* > *онлар*. Не поддаваясь ассимиляции перед *л*, звук *н* сохраняется в немногих языках: турец. *онлар, анлар*, азерб. *онлар* «они», турец. *бунлар* «эти», *шунлар* «эти», восточно-туркестанский *анлар*. Еще более интересны факты сохранения звука *н* в формах основного падежа в ед. числе. Э. В. Севортян зафиксировал в северных ногайских диалектах Старого Крыма: *бон келе, бон кете*² «один приходит, другой уходит». Чистая форма *ан* «он» существовала в восточно-туркестанском языке³. Сюда же примыкает якутск. *кинилэр* «они». Изменение сочетания *нл* > *лл* или *нл* > *нн* распространено очень широко. Даже в диалектах и говорах одного и того же языка (например, ногайского) встречаются все три варианта: ног. *келин* «сноха», мн. ч. *келинлер*//*келиннер*//*келиллер*; ног. *машин* «машина», мн. ч. *мешинлер*//*мешиннер*//*мешиллер*. Орфографически и орфоэпически нормативными в ногайском языке являются варианты, где сочетание звуков *нл* сохраняется без изменений.

В карачаево-балкарском языке фонетический закон ассимиляции *нл* > *лл* в орфоэпии соблюдается строго, во всех словах, к какой бы части речи они ни относились:

¹ Т. Б. Гамзаев. Ордубадский диалект. А. к. д. Баку, 1960, стр. 13; Г. А. Багиров. Говоры азербайджанского языка Сисианского района Армянской ССР. А. к. д. Баку, 1966, стр. 16.

² Э. В. Севортяну приношу благодарность за любезное сообщение.

³ А. М. Шербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л., 1961, стр. 125.

Форма ед. числа	Орфографическая форма с аффиксом на л	Орфоэпич. форма
<i>сахан</i> «поднос»	<i>саханла</i> «подносы»	<i>сахалла</i>
<i>баргъин</i> «идуший»	<i>баргъанла</i> «идущие»	<i>баргъалла</i>
<i>баргъан</i>	<i>баргъанлыкъгъа</i> «хотя ходил»	<i>баргъаллыкъ-гъа</i>
<i>джан</i> «сторона»	<i>джанла</i> «посторонись»	<i>джалла</i>
<i>джан</i> «душа»	<i>джанлы</i> «живой; волк»	<i>джаллы</i>
<i>сан</i> «конечность»	<i>санлы</i> «рослый»	<i>саллы</i>
<i>кёрген</i> «видевший»	<i>кёргенлей</i> «как только увидел»	<i>кёргеллей</i>
<i>кёрген</i>	<i>кёргенли</i> «с тех пор, как видел»	<i>кёргелли</i>

Вот почему во всех подобных стечениях и в местоимениях мы видим *нл > лл*. При этом там, где невозможно проверить формой основного падежа или другой исходной формой, орфоэпическая форма с двумя л становится и орфографической нормой: *мазаллы* «большой, огромный» из арабского *мазан*, который без аффикса *-лы* в карачаево-балкарском языке не употребляется (встречается лишь как имя собственное мужское). Примеры на местоимения, в которых орфоэпическая форма стала и орфографической:

аллай < *анлай* «такой, как он, как тот», ср. *алай* «так»;

аллайын < *анлайын* «как он, как тот», ср. *алайын* «то место» — в.п. п.;

быллай < *бынлай* «такой, как этот», ср. *былай* «так»;

быллайын < *бынлайын* «как этот», ср. *былайын* «это место» — в.п. п.;

къаллай < *къанлай* «какой», ср. *къалай* «как»;

неллай < *ненлай* «какой, каков».

Орфоэпические формы этих местоимений закрепились как орфографические нормы вследствие развития *нл > лл* под ассимилирующим влиянием начального аффикса мн. ч. *-лар*, аффикса уподобления *-лай*, поскольку они присоединялись непосредственно к основе с *н* на исходе, в отличие от местоимений 1 и 2 лиц, от которых формы мн. ч. образованы другим путем: *би* + з, *си* + з.

Аффиксы с начальным *л* присоединяются и к местоимениям 1, 2 лиц. Но ввиду того, что форма основного падежа ед. ч. этих местоимений имеет конечным звуком *н*, то орфографическая форма не сливается с орфоэпической:

Во многих тюркских языках	Орфографическая форма в карач.-балкарском языке	Орфоэпическая форма в карач.-балкарском языке
мендей «как я»	менлей	меллен
сендей «как ты»	сенлей	селлей
ондай, андай «такой, как он»	аллай	аллай
мындай «такой, как он»	быллай	быллай
къандай «какой»	къаллай	къаллай
ниндэй «какой»	нелляй	нелляй

Местоимения 1, 2 лиц тоже имели бы *л* на исходе, если бы формы мн. ч. от них образовались с помощью аффикса *-лар, -лер*: *мен+лер* звучало бы *меллер*, *сен+лер* — *селлер*. Ср. орфоэпические формы: кбал. *меллей*, *селлей*¹ при орфографических *менлей* «как я», *сенлей* «как ты». Это же подтверждается и каракалпакскими формами мн. числа: *селлер*, *силлер*² «вы» < (*сен/син+лер*).

Эти факты дают основание полагать, что в тюркских языках звук *л* в основе *ол*, *бул*, *шул* и др. (напр., кбал. *къал-(къаллай «какой»)* *нел* (*неллей*)) появился в результате изменения сочетания согласных *нл > лл*, *он+лар > оллар*, *ун+лар > уллар*, *ан+лар > аллар* «они». После отсечения аффикса *-лар* от форм *оллар*, *иллар*, *уллар* остаются мнимые корни со звуком *л*: *ол*, *ул*, *ил*, которые получили право гражданства лишь в некоторых языках и диалектах как формы основного падежа ед. числа. В пользу этого красноречивее всего говорит сама пестрота форм с *л* на исходе, не всеобщий характер звука *л*. В тех языках и диалектах, где закон ассимиляции *нл > лл* действовал регулярно, закрепились формы с *л*: *ол*, *бул*, *шул*. Там, где этот закон носил менее регулярный характер, бытуют параллельно фор-

¹ М. А. Хабичев. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961, стр. 43.

² Н. А. Баскаков. Личные и лично-притяжательные местоимения в каракалпакском языке. Тюркологический сборник, I. М.—Л., 1951, стр. 56.

мы с *л* и без *л*: кбал. *о, ол*; узб. *у, ул* и т. д. И, наконец, в тех языках и диалектах, где этот закон проявляется слабо или вовсе отсутствует, звук *н* не поддается ассимиляции: восточно-туркестанский *ан* «он», азерб. *онлар*, турец. *онлар//анлар* «они», турец. *бунлар* «эти», *шунлар* «эти».

Впрочем, в закреплении звука *л* на исходе местоимений сказывалась помимо фонетического закона, и тенденция к употреблению отдельных местоимений. Только этим можно объяснить, напр., кбал. *ол* «он», но *бу* «этот» (а не *бул*).

Развитие *ол* < *он*, *ул* < *ун*, *ал* < *ан* под влиянием начального *л* последующего аффикса подтверждается еще сохранением звука *н* в тех случаях, когда аффикс, присоединяющийся к форме основного падежа, начинается не с *л*. Ср. кбал. *ансыз* «без него», *анча* «столько», *мынча* «столько», *анда* «у него, там», *мында* «у него, здесь». В некоторых языках в начале аффикса уподобления звучат переднеязычные *д, т*. В этих языках перед аффиксом звук *н* на исходе основы местоимения 3 лица сохраняется, напр., ног. *мендей* «как я», *сендей* «как ты». Точно также: *ондай* «такой, подобный тому»; *мундай* «такой, подобный этому»; *андай-мундай* «такой-сякой», кирг., каз. *къандай*, узб. *къандай, къанакъа* «какой».

В тюркских языках мы не встречаем ни одного случая образования формы мн. числа местоимения 3 лица с помощью аффикса *з*. Факты образования формы мн. ч. местоимений 1, 2 лиц присоединением *-лар//лер* имеются; салар. *селер*¹, *юйгу силер*², тув. *силер*, шор. *силер*, алт. *слер*, уйг. *силэр* «вы». Известны случаи выпадения начального *л* аффикса мн. числа: салар. *писер*³ «мы». Видимо, этот процесс происходил так: *писер* < *писсер* < *пиззер* < *пизлер*.

В современных тюркских языках аффикс *-з* на исходе имен без аффиксов посессива не осознается как аффикс множественного числа: *кёз* «глаз», мн. ч. *кёзле(р)*, *эгиз* «близнец», мн. ч. *эгизле(р)*. Лич. мес. *биз, сиз*

¹ Э. Р. Тенишев. Саларский язык. М., 1963, стр. 25.

² Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева. Язык желтых уйгуров. М., 1966, стр. 23.

³ Э. Р. Тенишев. Саларский язык. М., 1963, стр. 25.

воспринимаются говорящими как неделимые слова, т. е. звук -з потерял значение множественности. Эта утеря, видимо, осуществилась очень давно, т. к. в некоторых языках мн. число даже местоимений образовано с помощью аффикса *-лар*, *-лер* или его фонетических вариантов, которые присоединяются к -з. Так обстоит в языке желтых уйгуров: *мыстер* «мы», салар. *пизер*, тув. *бистер*, каз. *бизлар* «мы» (употребляется для указания на дифференцируемое множество); *сизлар* «вы» (обращение ко многим лицам при поддающемся членению множественном числе)¹; кбал. *бизлеге къайда* «где нам; где таким, как мы»; к.-калп. *бизлер*, *биздер*, *бизлэр* «мы», *сизлер*, *сиздер*, *сизлэр*² «вы».

По нашему мнению, и чувашские формы местоимений в основном падеже говорят в пользу того, что звук *н* в местоимениях других языков появился позже, что происхождение звука *л* связано со звуком *н*. А ведь чувашские местоимения считаются более архаичными³. На наш взгляд, они образованы путем сочетания указательно-личного местоимения 3 лица *э* с местоимениями 1, 2 лиц: *э* «вот» + *бе* «я» = *эбе* «вот я» > «я»; *э* + *се* = *эсе* «вот ты» > «ты». В современном карачаево-балкарском языке до наших дней сохранилась черта такой сочетаемости местоимений 1 и 2 лиц с указательно-личным местоимением 3 лица; *о мен кёрмегенме* «(вот) я не видел»; *о сен билмейсе* «(вот) ты не знаешь»; *о мен муаллы айтхан эдим...* «(вот) я несчастный говорил...»; *о сен зауукъ этер ючюн кълмагъанса* «(вот) ты уж вволю насладился». В сочетании *о мен* «(вот) я», *о сен* «(вот) ты» не осознается указательное значение указательно-личного местоимения 3 лица *о*, здесь оно не является и местоимением 3 лица. Оно как бы сливается с последующим местоимением. В русском переводе его можно опустить, можно перевести союзом *а*, усилительной частицей *уж*, которая употребляется при местоимениях и наречиях для подчеркивания их значения⁴. Эта способность к сочетанию *о мен* «(вот) я», *о сен*

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 173.

² Н. А. Баскаков. Личные и лично-притяжательные местоимения в каракалпакском языке. Тюркологический сборник, I. М.-Л., 1951, стр. 56.

³ Ф. Г. Исхаков. Местоимения. ИСГТЯ, II, стр. 212.

⁴ С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1960, стр. 814.

«(вот) ты» могла при соответствующих условиях повести к их слиянию. Думается, что так обстояло дело в чувашском языке в период образования современных форм личных местоимений *эбе* <э+бе «я», *эсе* <э+се «ты», как и якутской формы *кини* <ки+н+и «он (вот)» >«он», где *н* — тот же звук, что и у остальных местоимений, а *и* — указательно-личное местоимение 3 лица, что подтверждается и мнением Ф. Г. Исхакова, который находил возможным *кини* <кин+и. Функция и употребление указательного элемента в чувашских *эбе* «я», *эсе* «ты» и якутском *кини* «он» напоминают функцию и употребление древнерусского постпозитивного местоимения *тот, та, то*, которое употреблялось как член для усиления речи¹. В остальном личные местоимения ведут себя в чувашском языке так же, как и в других тюркских языках (звуковые соответствия не меняют сути лексических значений и морфологических явлений). В косвенных падежах звук *н* не чужд и чувашскому языку: *эпе* (*эбе*) «я» — склоняемая основа *ман*; *-эсе* (*эсе*) «ты» — склоняемая основа *сан*; *выл* «он» — склоняемые основы *ун*-, *ан*-, (*ын*-)². Так что чувашский язык не составляет исключения и не стоит особняком в отношении звуков *н* и *л* на исходе основ местоимений. Здесь местоимения 1—2 лиц не приняли *н* в основном падеже, а в части тюркских языков не приняло его местоимение 3 лица. В тех тюркских языках, где звук *н* принят местоимением 3 лица, как и в чувашском, оказался замененным звуком *л*: *ол*, *ал*, *ул*, чув. *выл*, *юйгу*, *кол* «он». Только в якутском *кини* «он» звук *н* сохраняется благодаря конечному звуку *-и*. Если бы не было *-и*, то, может быть, и в якутском имели бы форму мн. числа *киллэр* <*кинлэр*.

Кстати, о чувашской форме *выл* «он». Протетический согласный *в* не является присущим только чувашской форме элементом. Протетический *в* отмечен и в саларском языке: *ву/у*³ «он». Имеется протетический согласный и в языке желтых уйгуров⁴: *кол/ол* «он», *гол/гу*.

¹ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 398—399.

² Ф. Г. Исхаков. Местоимения. ИСГТЯ, II. М., 1956, стр. 208—209.

³ Э. Р. Тенишев. Саларский язык. М., 1963, стр. 25.

⁴ Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева. Язык желтых уйгуров. М., 1966, стр. 23.

«тот, далекий». Ср. як. *кини* «он», чув. *ку* «этот» (ИСГТЯ, II-212).

Перед указательным местоимением *о*, *ол* протетическое губно-губное *в* появляется иногда и в современном карачаево-балкарском языке: *во заманда* «в то время»; *во джерде*, *во джерде*, *во джерде* (из сказки) «там-то, там-то, там-то».

Думается, что кбал. *чув. в-* (*во, вол; выл*), *чув., як. юйгу к-* (*ку; кини; кол*), *юйгу г-* (*гол, гул*) — один и тот же звук на разных фазах развития. Ср. общетюркское *су < сув < сугъ* «вода». Этот звук может быть даже не протетическим, а исконно присущим указательно-личному местоимению 3 лица, выпавший по указанной закономерности, но процесс выпадения не завершился (в некоторых языках еще сохраняется).

Якутское значение элемента *ки* в *кини* проливает свет на происхождение притяжательных форм личных местоимений: *мени + ки* «мое то», «мой он», а потом уже развиваются значения «мне принадлежащий», «мой». Точно так же *сеники* «твое то, тебе принадлежащий, твой»; *аныкъы* «его то, ему принадлежащий, его». Формы множ. ч. образованы аналогично: *бизники* «наш», *сизники* «ваш», *аланыкъы* «их». Можно полагать, что в якутском языке этот самый *ки* сохранил более древнее значение как самостоятельное слово. В других тюркских языках оно стало аффиксом, подчиняется гармонии. Во всех притяжательных местоимениях *-ки* присоединяется к форме *-ни* — вин. п. Ф. Г. Исхаков (ИСГТЯ, II-232) считает, что татарские притяжательные местоимения: *минеке* «мой», *синеке* «твой», *аныкъы* «его», *бизнеке* «наш», как и турецкие: *бенимки*, *сенинки* и т. д., образованы от формы род. п. личных местоимений плюс аффикс *-ки*. При этом он опирается на данные турецкого, туркменского, татарского и хакасского языков. По нашему мнению, это спорно. Если в турецком и туркменском языках с этим можно согласиться, то татарский и хакасский языки, как и карачаево-балкарский, говорят в пользу вин. падежа.

Итак, формы *ол*, *ул*, *ал* получились из *он*, *ун*, *ан*. Можно ли согласиться с утверждением В. Котвича, что звук *л* не влияет на значение самих¹ местоимений? Вли-

¹ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 143.

яние звука *л* на значение местоимений связано с влиянием его предшественника — звука *н*. Поведение этих звуков во многом сходно: оба они являются как бы факультативными, то наличествуют, то нет, что, видимо, объясняется вмешательством функции звука *н* как показателя 3 лица — родством *н* — местоименного, *н* — аффикса 3 лица *-ин* и *н* — винительного падежа. «Винительный падеж определенный (т. е. с окончанием) есть падеж объекта, как бы категории 3 лица», — говорит В. А. Богородицкий. Выразителям же 3 лица всегда присуще и указательное значение, а указательный элемент может быть факультативным, как в славянских языках *тот, та, то*.

В тюркских местоимениях указательный элемент встречается в разных формах. Здесь укажем на три из них: чув. э- в эбе «я», эсе «ты»; якут. *-и* в кини «он» и общетюркское *н*. Все они факультативны. Правда, эта факультативность выражается по-разному. Чувашский элемент э факультативен в двух плоскостях: а) функционирует только в основном падеже, а склоняемые основы уже с другим факультативным элементом *н* на исходе *ман, сан, ун*; б) наличествует только в чувашском языке, в других языках его нет. Также только в якутском языке мы встречаем элемент *-и*. Факультативность же общетюркского *н* выражается: а) в его отсутствии в формах некоторых косвенных падежей в различных языках и диалектах: *маа* «мне», *саа*¹ «тебе», б) в его чередовании с другими звуками: *магъа* «мне», *маха*² «мне», *манъа*³ «мне», в) в его чередовании со звуком *л*: восточно-туркестанское *ан* «он», в современных *о, ол: у, ул; а, ал* «он». В некоторых языках в основном падеже *ол (ал, ул)* «он», а склоняемые основы *он-* (*ан-, ун*).

Как факультативные элементы в местоимениях можно рассматривать и другие звуки, встречающиеся как аффикс 3 лица и вин. падежа: *гъ/г, х, нъ* и др.

Что касается факультативности звука *л*, то она происходит из факультативности звука *н*, поскольку *л* заменил собой звук *н* в местоимениях, но перенял не все функции звука *н*, которые исторически шире, чем у зву-

¹ М. Ш. Ширалиев. Основы азербайджанской диалектологии. Баку, 1967, стр. 130.

² Там же.

³ Там же.

ка *л*. Функции звука *н* отчасти напоминают функцию определенного артикля (аккузативный артикль), который служит для выделения предмета из ряда ему подобных. Впоследствии звук *н* потерял семантическую нагрузку, слился с корнями (и не только местоимений. Ср. *дерици* — *дерицин* «до», *алыкѡа* — *алкѡан* «пока, еще»). Звук *н* стал элементом корня, но не всех местоименных корней и не во всех языках и диалектах. Звук же *л* никогда не нес функции артикля, элементом корня стал только в некоторых местоимениях, и то лишь в тех языках и диалектах, где были фонетические условия для замены звука *н* звуком *л*, т. е. там, где действовал закон ассимиляции звуко сочетания *нл* > *лл*. Ввиду того, что происхождение звука *л* связано со звуком *н*, который передал звуку *л* часть своих функций, нельзя сказать, что звук *л* совершенно не влияет на значение местоимения. В современном карачаево-балкарском языке личным местоимением 3 лица преимущественно выступает лишь вариант *ол*¹, а не *о*. тогда как указательными могут быть оба варианта. Это говорит о многом. Личными местоимениями 1, 2 лиц являются *мен*, *сен*, т. е. формы с *н* на исходе. Личным местоимением 3 лица выступает *ол*, где *л* является заместителем *н*.

Местоимение 3 лица ед. числа представляет большой интерес в сопоставительном плане. В тюркских оно имеет, как отмечено, варианты: кбал. *о*, *ол*, узб. *у*, *ул*, кирг. *ал*, *ол*, азерб. *о*, *у*, *а* и т. д. В монгольских: *и*, *энэ*, *тэр*, *ын* (дагур.), *ин* (п.-монг.).

В современном карачаево-балкарском языке местоимение 3 лица совпадает с указательными местоимениями. Ед. число: *о(ол)* «он, тот», *бу* «он, этот», мн. число: *ала(р)* «они, те», *была(р)* «они, эти».

Такое же явление наблюдаем и в монгольском языке, в котором «нет самостоятельного личного местоимения 3-го лица. 3-е лицо как единственного, так и множественного числа заменяется указательными местоимениями: *энэ* «этот, это», *тэр* «тот» — в единственном числе и *эд* «эти», *тэд* «те» — во множ. числе»².

¹ М. А. Хабичев. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961, стр. 36.

² Б. Х. Тодаева. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, стр. 86—87.

Сращение звука *н* с историческими основами местоимений наблюдается и в некоторых падежных формах монгольских языков, что является, на наш взгляд, еще одним аргументом в пользу общего происхождения звука *н* в составе местоимений и их основ, а также генетического характера родства тюркских и монгольских личных местоимений.

Г. Д. Санжеев приводит сводные таблицы¹ форм род. и вин. падежей монгольских языков. Среди них наше внимание останавливается на формах: *-и, -ы, -ын, -ни, -н*. Т. А. Бертагаев считает², что «... при внимательном рассмотрении (они) оказываются фонетической модификацией одной праформы *ин, ини*. Ее можно сблизить с личным местоимением 3-го лица в дагурском: *-ын* «он», *ыны* «его»... (форма мн. числа *аан* «они», *аани* «их»)». Мы склонны видеть и в дагурской форме сращение звука *-н* с местоимением *и, ы*.

Здесь важно то, что род. и вин. падежи в монгольских языках имели или имеют окончания *-и, -ни, -н*. В сравнительной грамматике монгольских языков Г. Д. Санжеев отмечает: «Любопытно, что западно-монгольская речь средневековья имела форму винительного падежа в виде *енени* «этого» (СГМЯ-154)».

Итак, формативы род. и вин. п. в монгольских языках, как и в тюркских, имеют в своем составе звук *н*. Посмотрим на схему склонения.

Монгольский язык

	Ед. число		вежлив. форма	
Именит.	би «я»	чи «ты»	та «вы»	
Родит.	миний	чиний	таны, танай	
Дат.-мест.	над, надад	чамд	танд	
Винит.	намайг	чамайг	таныг	
Исх.	надаас	чамаас	танаас	
Орудный	надаар	чамаар	танаар	
Совмест.	надтай	чамтай	тантай	

¹ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953, стр. 159, 162.

² Т. А. Бертагаев. К генезису некоторых падежей в монгольских языках. Краткие сообщения института народов Азии, 83. Монголоведение и тюркология. М., 1964, стр. 42.

Множеств. число

Именит.	бид «мы»	та нар «вы»
Родит.	бидний, манай	та нарын
Дат.-мест.	бидэнд, манд	та нарт
Винит.	биднийг, манайг	та нарыг
Исходный	биднээс, манаас	та нараас
Орудный	биднээр, манаар	та нараар
Совместный	бидэнтэй, мантай	та нартай

В начале падежных форм монгольского местоимения 1 лица ед. числа наблюдается чередование *б/м/н*. Чередование *б/м* издревле присуще как монгольским, так и тюркским языкам. Чередование же *м/н* в дательном и других монгольских падежах объясняется, видимо, метатезой *-м* и *-н* в вин. падеже. Ср. кбал. *мин* — *ним* «лезь вверх», «садись» (на коня). Это косвенно подтверждают постоянство звука *ч*- в начале падежных форм монгольского местоимения 2 лица *чи* «ты» и сохранение звука *-н* на своем месте в падежных формах местоимения 2 лица вежливой формы: *таны* «вас» и т. д., т. к. метатеза *н—т*, *н—ч* не наблюдается вообще. Обращают внимание и другие чередования звуков: кбал. *биз*, монг. *бид* «мы». Ср. кбал. *джез*, классич. *джед*, бур. *зед* «медь». Общеизвестно тюрко-монгольское чередование *з—р*. В связи с этим небезынтересно сопоставить монг. *тэр* «тот», *тэд* «те». Здесь *р* и *д* выступают как различители ед. и мн. чисел лично-указательного местоимения, подобно тюркским *н* и *з*: *бен*, *мен* «я», *биз* «мы».

Из тюрко-монгольского звукового соответствия *з—д* вполне ясно и соответствие их значения, как формативов множественного числа в личном местоимении 1 лица: тюрк. *биз*, монг. *бид* «мы». Но непонятно, почему в монгольских языках звук *р*, соответствующий тюркскому *-з*, стал формативом ед. числа: *тэр* «тот», напоминающая по этой функции звук *н* на исходе тюркских: *мен* «я», *сен* «ты».

Указательные местоимения, заменяющие в монгольском языке личное местоимение 3 лица, склоняются так¹:

¹ Б. Х. Тодаева. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, стр. 87.

Единственное число

Именит.	эне «этот»	тэр «тот»
Родит.	ююний	тjююний
Дат.-мест.	ююнд	тjююнд
Винит.	ююнийг	тjююнийг
Исходный	ююнээс	тjююнээс
Орудный	ююнээр	тjююнээр
Совместный	ююнтэй	тjююнтэй

Множественное число

Именит.	эд «эти»	тед «те»
Родит.	эдний	тедний
Дат.-мест.	эдэнд	тэдэнд
Винит.	эднийг	тэднийг
Исходный	эднээс	тэдээс
Орудный	эднээр	тэднээр
Совместный	эдэнтэй	тэдэнтэй

Из сопоставления тюркских и монгольских личных местоимений выясняется еще то, что помимо сходства их форм в основном падеже (*мен—би, сен—чи (ши)*) наблюдается в монгольских языках появление звука *-н* в «основах для родит. падежа», как называет их Г. Д. Санжеев (СГМЯ—145): монг. *миний*, бур. *мини* «меня», монг. *чиний* «тебя», *таны* «вас», дагур. *ыны* «его». Какие формы основного падежа (тюрк. *мен, сен* или монг. *би, чи*) более архаичны? Г. Д. Санжеев считает, что монгольская основа местоимения 1 лица ед. числа для родительного падежа *мин* «представляет собою результат фонетического развития самого местоимения *би* или, наоборот, более архаичный вариант последнего (ср. тюркское *мен* «я», СГМЯ—146). Перечисляя этот и другие элементы в основах монгольских местоимений, автор резюмирует: «Генезис этих морфем для нас пока не совсем ясен (особенно *да-* и *на-*)».

Г. Д. Санжеев не утверждает, что *мен* — это более архаичный вариант *би*, он лишь предполагает это. Здесь следовало бы иметь в виду то, что и тюркский вариант *мен* является результатом фонетического и морфологического развития самого местоимения (что в тюркологии уже доказано), и поставить вопрос, почему тюрк. *мен* и монг. *би* разнятся количеством звуков, ибо случайностями не объяснить наличие *-н* во всех формах тюрк-

ских личных местоимений 1, 2, 3 лиц и появление этого же звука в основах, я бы сказал, вин. падежа монгольских местоимений, которая затем выступает как основа для образования форм других падежей, что замечено Г. Д. Санжеевым: «...кажется совершенно очевидным, что от этих падежей (родительного и винительного — Х. С.) (или от одного из них) произошли и образовались все прочие: орудный, исходный и совместный». А чуть выше сказано: «... в монгольском языке формы винительного падежа местоимений ед. числа 1-го и 2-го лица... являются основами для образования других падежей, кроме того же родительного» (СГМЯ — 163). Это дает основание полагать, что и в монгольских языках *н* есть аффикс или часть аффикса винительного падежа, сросшийся с историческими основами личных местоимений с той лишь особенностью, что в монгольских языках процесс сращения прошел менее последовательно, чем в тюркских, где тоже нет абсолютной последовательности. Формы этих падежей в некоторых монгольских языках совпадают (СГМЯ—163), как и в тюркских.

Конечный *-н* в монгольских вообще менее последователен: кбал. *джаурун* «лопатка» (анат.), п.-монг. *джагура*, халх. *зуур*, бур. *зуура*; кбал. *бёксюн*, *бёскюн* «часть тела», монг. *бёкс*, о.-монг. *бёксн*, б.-монг. *бюгсэ*, *бюхе* «зад»; кбал. *эрин* «губа»; монг. *эрюю* (*н*) «нижняя челюсть». Даже явно монгольское слово: кбал. *къунаджин* «корова трех лет», х.-монг. *гуначжи*, о.-монг. *гунчжин*, б.-монг. *гунжан*; кбал. *сюлеусюн* «рысь»; п.-монг. *силюгюсюн*, б.-монг. *шэлююхэн*, монг. *шилуюос*, кбал. *тирмен* «мельница», монг. *тээрэм*, б.-монг. *тээрэм*, калм. *теерм*; кбал. *къылгъан* «ковыль», монг. *хиаг* «пырей»; кбал. *боран* «буран»; монг. *бороо*(*н*); б.-монг. *бороо* «дождь», б.-монг. *бордохон*, калм. *борин* «буран»; кбал. *толкъун* «волна», монг. *долгио*(*н*). Явно тюркское слово: кбал. *къапхан* «капкан»; монг. *хавх*(*ан*); кбал. *къумгъан* «кумган»; монг. *хумх* «кувшин», кбал. *алтын* «золото»; монг. *алт*(*ан*); кбал. *къоргъашын* «свинец», монг. *хорголж*(*ин*); кбал. *салкъын* «прохлада, тень»; монг. *салхи*(*н*) «ветер»; кбал. *орун* «место», монг. *ор*(*он*); кбал. *олтан* «подошва», монг. *ул*; кбал. *къачан* «когда»; монг. *хэээ*; кбал. *къолан* «пегий», монг. *хула*; кбал. *ёзден* «уздень», монг. *орд*(*он*) «дворец хана».

Тюркские слова типа *бёксюн* должны были иметь possessивное значение, означать принадлежность реалня, обозначенного корнем *бёкс*, третьему предмету, лицу. Но в связи с тем, что звук *н* в составе формы основного падежа притяжательного аффикса 3 лица не закрепился, подобные слова сохранили форму, но потеряли possessивное значение. Звук *н* стал осознаваться как исход основы, корня, без него эти слова стали немыслимы. Этим путем тюркские языки избежали неустойчивый звук *н* в конце слов.

В монгольских языках, напротив, звук *н* закрепился как притяжательная частица 3 лица (СГМЯ—152). Это обстоятельство не дало звуку *н* срастись с корнем, что явилось причиной неустойчивого *н* в монгольских языках: монг. *ор(он)*, кбал. *орун*; монг. *алт(ан)*, кбал. *алтын* и т. д. Иначе говоря, одни тюркские слова срослись с историческим притяжательным аффиксом 3 лица, образуя новый корень, другие бесследно потеряли этот аффикс и не допускают его присоединения: кбал. *кзысыр* «яловый», п.-монг. *хусуруун*, калм. *хусуруу(н)*; кбал. *аракзы* «водка», монг. *архи(н)*; кбал. *тай* «жеребенок», б.-монг., о.-монг. *даага(н)* и т. д. В тюркских языках почти нет слов типа: литературный карачаево-балкарский *алкзын*, *алкзан* «еще, пока», диалектный малкарский *алыкзы*, кбал. *деричи(н)* «до», *ючю(н)* «для, ради». Если таких слов было бы много, то неустойчивый *-н* наблюдался и в тюркских языках.

В. Котвич отмечал, что «живые языки, как калмыцкий или бурятский, сохранили только притяжательный суффикс *-ни* > *н*, происходящий, очевидно, от *ину* (< **ини*) или *ану*¹. Такую связь проводит и Т. А. Бертагаев, полагая, что форматив род. падежа имеет общее происхождение с «халх. *ин*, *нь*-, *н* — показатель принадлежности 3 лица», развившийся, как утверждает Т. А. Бертагаев, из старо-монгольского литературного *ину-снэ*². Но мы склонны считать, что последние восходят к местоимению 3 лица *и*, э плюс аффикс вин. падежа. Некоторые исследователи возводят аффикс род. п. и по-

¹ В. Котвич. Местоимения..., стр. 26.

² Т. А. Бертагаев. К генезису некоторых падежей в монгольских языках. Краткие сообщения института народов Азии, 83. Монголоведение и тюркология. М., 1964, стр. 44.

сессивный элемент *н* к какому-то самостоятельному слову, некогда существовавшему в тюркских и монгольских языках. У Н. А. Баскакова читаем: «...возможно предполагать, что указательные субстантивные, относительные местоимения произошли из сочетания указательных атрибутивных местоимений в первичном их значении с именем, представлявшим собой первоначально значение, общее со значением *ненъе/денъе/тенъе/неме/не* «что», «вещь», «владение», «сущность», «тело», корня, общего также с основой аффикса родительного падежа; т. е.

(бул >) бу + (ненъе >) нынъ = $\left\{ \begin{array}{l} \text{бунынъ} \\ \text{мунынъ} \end{array} \right. \left\{ \begin{array}{l} \text{буны} \\ \text{муны} \end{array} \right.$

$\left\{ \begin{array}{l} \text{бунынъ} \\ \text{мунынъ} \end{array} \right. \left\{ \begin{array}{l} \text{бунынъ} \\ \text{мунынъ} \end{array} \right.$

(сол >) со + (ненъе >) нынъ = сонынъ соны

(ол >) о + (ненъе >) нынъ = онынъ оны!

О. П. Суник также полагает, что в манчжуро-тунгусских языках посессивный форматив *-н* (*-н, -ни, -нг, нги, -нгу, -нго, -нгэ* и др.) восходит к некоему местоименному слову с широким кругом значений²: «некто», «кто-то», «он», «человек», «люди». Мнение такое есть, но оно еще требует обоснования.

Правомерно поставить вопрос: варианты монгольского местоимения 3 лица *е, и, ы* и тюркские *о, у, а* — не имеют ли общего предка — этимона? Думается, что да. В связи с этим нам кажется не лишним вспомнить споры монголистов о соотношении звуков *и* — *о*. Г. Д. Санжеев пишет: «Так, монголисты упорно считали и считают, что знак, обозначающий в старомонгольском алфавите и среднеязычный спирант *й* и гласный *и* во многих словах типа классич. *джиругъа* (халхаск. *джороо*, северно-бур. *йоро*, ордос., дагур. *джиро*, монгор. *бжиоро*, эвенк. *дире-джироо*) «инноходец», передает не гласный *и*, а другой, а именно *о*» (СГМЯ—111). И далее: «Почему же монголисты упорно твердят о том, что мон-

¹ Н. А. Баскаков. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках. Институт языкознания. Доклады и сообщения, I. М., 1951, стр. 135.

² О. П. Суник. Очерки по синтаксису тунгусо-манчжурских языков. Учпедгиз, 1947, стр. 196.

гольские языки в подобных словах никогда не имели гласного *и*? Да потому только, что в соответствующих тюркских лексических параллелях имеются другие гласные, а не наш *и*, например, кпрг. *джорго*, алт. *йор-о* «иноходец» и т. д.». Как видно, Г. Д. Санжеев отстаивает наличие гласного *и* в подобных словах некоторых монгольских языков. Но в других параллельно звучит *о*, как и в тюркских. Мы не ставим себе задачу подтвердить или отвергнуть мнение Г. Д. Санжеева. Нам важно соотношение звуков *и* — *о* в тюркских и монгольских языках, т. к. оно может пролить, как нам кажется, некоторый свет на генезис личных (указательных) местоимений 3 лица: монг. *и*, тюрк. *о*. Возможно, они являются вариантами развития одного этимона.

По поводу монгольского *энэ* Г. Д. Санжеев говорит: «В диалектах, на путях развития которых сложились современные дагурские и бурятские диалекты, от загадочного *е*- только через наращение не менее загадочно-го *-не* образуется *энэ* «этот» (СГМЯ-155).

В. Котвич уже отмечал возможное происхождение *ене* < *е+не*, где звук *е* — древнее местоимение 3-го лица, а *-не* < *на* — суффикс, состоящий из местоименного *н* и сокращенного форманта дат. п. *а*. При этом он опирался на мнение В. Радлова, В. Прёле, Ж. Дени, Т. Ковальского, А. Зайончковского. «Все они видят в *ина* и его вариантах притяжательный суффикс 3-го лица *-ин* и сокращенное окончание дат. п. *-а*, обычно употребляемое в этом падеже почти во всех языках после притяжательного суффикса»¹.

Монгольское *е* нам также представляется как вариант развития гипотетической формы тюрко-монгольского местоимения 3 лица, представленного гласными в монг. *е*, *и*, *ы*, в тюрк. *о*, *у*, *а*. Уверенность в этом возрастает при сопоставлении форм ед. и мн. чисел: *э+нэ* > *энэ* «этот»; *э+д(э)* > *эд(э)* «эти». Ср. монг. *би+д* > *бид* «мы» (тюрк. *би+з* > *биз*), где *-д(э)* является показателем мн. числа (генезис которого некоторые исследователи без достаточных оснований связывают с местоимением 2 лица² *ти*, *та*). Это вполне увязывается с мнением

¹ В. Котвич. Местоимения..., стр. 65, 95, 100.

² См., напр.: Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957; стр. 71; Ц. Б. Цыдендамбаев. Местоимения в монгольских языках. А. к. д. М., 1951, стр. 13.

В. Котвича. Анализируя состав указательных местоимений в повоуьгурском языке, он находит: «между тем местоимения *сне, еина, таина* возникли на основе монгольских элементов *е* и *те*»¹.

Таким образом, отмеченное в тюркских языках В. А. Богородицким свойство формы род. п. (скорее винительного) местоимения принимать окончания других падежей, наблюдается и в монгольских языках. Приведем примеры из конкретных языков: дагур.² *ин* «он», калм. *ин* «этот», монг. класснч. *иню* «его», *ину* «их» (СГМЯ-152). Ср. кбал. *аны* «его».

Подводя итог, следует подчеркнуть, что же общего в указательных местоимениях современных тюркских и монгольских языков? Совпадение их с личным местоимением 3 лица. Весь ход развития местоимения 3 лица ед. числа в тюркских и монгольских языках, его многовариантность, его совпадение с указательными местоимениями и в тюркских, и в монгольских языках, его членимость на отдельные элементы, неустойчивость звука *н* — все это, на наш взгляд, говорит об общем их генезисе, как и местоимений 1 и 2 лиц. Вполне вероятно, что тюркские *о, у, а* и монгольские *е, и, ы* являются результатом самостоятельного развития какого-то первичного местоимения. Может быть, изначально было *и*, но могло быть исконным и *о*.

Притяжательные формы местоимений

Обращают внимание на себя и некоторые притяжательные формы местоимений:

Кбал. *меники* «мой», монгольские *минюкеи*.

Кбал. *сеники* «твой», монг. *чинюкеи*³.

Кбал. *бизники* «наш», монгольские *манухаи*.

Кбал. *сизники* «ваш», монгольские *танухаи*⁴. Личное местоимение 2 лица множ. числа в монгольских

¹ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1952, стр. 147.

² Т. А. Бертагаев. К генезису некоторых падежей в монгольских языках. Краткие сообщения института народов Азии, 83. Монголоведение и тюркология. М., 1964, стр. 42.

³ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 228.

⁴ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 228.

языках выступает как вежливое обращение: монг. *та* «вы» (обращение к одному), *танар* «вы» (обращение ко многим). Ср. кбал. *тана(м)* ласкательное обращение к сыну, дочери, вообще к мальчику или девочке, *тали* «много».

Все изложенное дает нам основание присоединиться к тем исследователям, которые считают тюркские и монгольские личные местоимения генетически родственными.

Выводы по III главе

Тюркское *н* — именное есть аффикс вин. падежа с приглаголием, т. е. слиток аффикса вин. п. *-н* и конечного элемента притяжательного аффикса 3 лица *-ин*, закреплению которого в основном падеже в форме *-ин* помешал *-н* еип. падежа, что привело к тому, что звук *н* аффикса *-ин* в косвенных падежах стал как бы блуждающим, который можно относить то влево — к основе. Восстанавливая *-ин*, то вправо — к аффиксам род. и дат. падежей, образуя их варианты с начальным *н*: *-нынъ*, *-на*: *къышын-ынъ*, *къышы-нынъ* «зимы»; *къышын-а*, *къышы-на* «зиме».

Тюркское *н* — местоименное есть аффикс вин. падежа, выполнявший сначала функцию определенного артикля — функцию выделения предмета из ряда ему подобных. Впоследствии он сросся с местоименными корнями и образовал склоняемые основы местоимений, способные принимать падежные и некоторые другие аффиксы: *мени* «меня», *меннъе* «мне», *менде* «у меня», *менден* «от меня», *менсиз* «без меня»; *анча* «столько» и т. д.

Звук *л* на исходе местоимения 3 лица *ол(ул, ал)* появился в результате ассимиляции звука *н* звуком *л* последующих аффиксов, главным образом аффикса множ. числа *-лар/-лер*: *ан+лар* > *аллар*, *он+лар* > *оллар*, *ин+лар* > *уллар*, где после отсечения аффикса остаются мнимые корни *ал, ол, ул*.

Звук *л* в *бул, шул* и других местоимениях всех разрядов такого же происхождения, что в *ал, ол, ул*.

Формант род. падежа *-нынъ*, *-ны* при именах с посессивом 3 лица состоит из аффикса **вин. падежа с притяжением** плюс аффикс род. п. без начального *н*: *-нынъ*

$\langle n + yn\bar{o}, -нын \langle n + yn, -ны \langle n + y.$ Формант род. п. $-нын\bar{o}, -ны$ при местоимениях состоит из аффикса вин. п. $-n$ плюс аффикс род. п. без начального n : $-нын\bar{o} \langle n + yn\bar{o}; -нын \langle n + yn, -ны \langle n + y.$

Аффикс дат.-направительного падежа $-гъа/-ге$ при местоимениях по своей структуре является составным и состоит из аффикса вин. п. $-гъ/-г$ плюс исконный аффикс этого падежа $-а/-е$. Аффикс дат.-направительного падежа $-гъа/-ге$ при именах с посессивом 3 лица состоит из аффикса $-гъ/-г$ вин. падежа с притяжением плюс исконный аффикс этого падежа $-а/-е$.

Формы дательно-направительного падежа местоимений:

<i>мана</i> «мне»	<i>сана</i> «тебе»	<i>она</i> «ему»
<i>магъа</i>	<i>сагъа</i>	<i>огъа</i>
<i>мэйэ</i>	<i>сэйэ</i>	<i>ойа</i>
<i>маха</i>	<i>саха</i>	—
<i>манга</i>	<i>санга</i>	<i>анга</i>

и др. имеют одинаковое происхождение и состоят из корня плюс аффикс вин. пад. плюс исконный аффикс дательно-направительного падежа, т. е. $ma + n + a, ma + g\bar{o} + a, ma + y + a, ma + x + a, ma + n\bar{o} + a.$

ГЛАГОЛЫ

Известно, что глаголы, как и местоимения, относятся к тем пластам лексики, которые не заимствуются или заимствуются в редких случаях. Тем более поразительно наличие большого количества общих глаголов в современных карачаево-балкарском и монгольских языках.

Кбал. *алдаргъа*, ног. *алдамага* «обмануть»; монг. *алдах* «ошибаться, утрачивать».

Кбал. *амырым тартмайды* (или *тутмайды*) «мне не хочется, у меня нет желания, любви к какому-либо делу», монг. *амраг* «любовь», *амраглах* «любить», «влюбляться» (МРС — 35); б.-монг. *амараг* «любимый», *амраглаха* «дружить» (РБМС — 255).

Кбал. *ариуланьргъа* «очищаться, проясняться» (о небе); ног. *аьруьвлемге* «улучшаться, хорошеть»; монг. *арилах* «очищаться, проясняться; переставать» (о дожде) (МРС — 43); б.-монг. *арлгаха* «чиститься, очищаться; проясняться» (РБМС — 722), калм. *арчх* «очистить» (РКС — 429).

Кбал. *ариуларгъа* «чистить, очищать, убирать»; монг. *арилгах* «очищать, чистить, искоренять, выводить», *ариулах* рел. «освящать, очищать», *ариутгал* «дезинфекция, очищение» (МРС — 43); б.-монг. *арлгаха* «очищать, чистить, вычищать, обметать, расчищать, стирать, полоть, убирать; удалять, прогонять, изгонять, уничтожать, истреблять, искоренять» (РБМС — 390).

Кбал. *арьргъа*, ног. *арымага* «устать, разориться»; *арьгъан чанка* «разорившийся господин»; монг. *аргих* «стареть, стариться».

Кбал. *асыраргъа*, ног. *асырамага* «кормить, содержать, воспитывать, выращивать, выкармливать»; монг.

асрах «ухаживать, заботиться, опекать»; калм. *асрх* «кормить».

Кбал. *аяргъа*, ног. *аямага* «жалеть, экономить»; монг. *айах* «жалеть».

Кбал. *атланьргъа*, ног. *атланмага* «отправиться»; классич. *одлав* (СГМЯ — 203).

Кбал. *байларгъа*, ног. *баиламага* «связ(ыв)ать»; калм. *баглх* (РКС — 635). Если учесть сильную тенденцию монгольских языков, особенно калмыцкого, к редукции гласных, можно предположить, что на исходе инфинитива глухой спирант *х* является более поздним явлением, получившимся из сочетания: звонкий согласный плюс гласный, наподобие тюркского *-гъа*. Редукция гласного на исходе привела к оглушению согласного. Правда, процесс полной редукции конечного гласного не завершён во всех монгольских языках, но процесс оглушения согласного завершён. Ср. монг. *болох*, калм. *болх* и б.-монг. *болохо* «стать, становиться».

Кбал. *бёлеклерге* «группировать»; монг. *бюлэглэх*.

Кбал. *битерге*, ног. *битемеге* «закрывать, заделывать» (отверстие); монг. *бютэх* «покрывать, прикрывать».

Кбал. *болургъа*, ног. *болмага* «стать, быть»; монг. *болох*; кбал. *шеф болургъа* «шефствовать»; монг. *шеф болох* (МРС — 75); б.-монг. *болохо* «становиться, делаться» (РБМС — 120); калм. *болх* «стать» (РКС — 683); *серг болх* «насторожиться» (РКС — 326). Ср. кбал. *сескекли болургъа* «встревожиться, чувствовать себя настороженно».

«Слово *болургъа* многозначно и в тюркских и в монгольских языках. Однако все его значения совпадают. Сравним объём значений этого слова в современных карачаево-балкарском и б.-монгольском языках: кбал. *юренчек болургъа* = б.-монг. *заншал болохо* «входить в привычку»; кбал. *джувукъ болургъа* = б.-монг. *нааша болохо* «приближаться»; кбал. *сав бэлду* = б.-монг. *элююр болобо* «он выздоровел»; кбал. *эт болгъанды* = б.-монг. *мяхамнай болоо* «мясо сварилось»; кбал. *джай болду* = б.-монг. *зун болобо* «наступило лето»; кбал. *меннге отуз джыл болду* = б.-монг. *би гуша на атай болооб* «мне исполнилось тридцать лет»; кбал. *сагъышылы болургъа* = б.-монг. *бодолго болохо* «быть в задумчивости»; кбал. *болду, болду!* = б.-монг. *болоо, болоо!* «хватит, хватит!», «достаточно, ладно, ладно!»; кбал. *машиналы*

болду = б.-монг. *машиной болоон* «он приобрел машину» (БМРС — 109 — 111). Когда речь идет о незаимствованности слова как в одном, так и в другом языке, доказательная сила такого сплошного совпадения его значений становится гораздо эффективнее.

Кбал. *боркѣулдаргѣа*, ног. *боркылдамага* «бурлить» «бить ключом»; монг. *бургилах*.

Кбал. *боркѣсураргѣа* «клубиться»; монг. *бурхирах*.

Кбал. *баяргѣа*, ног. *баямага* «красить»; монг. *будах*.

Кбал. *бузаргѣа*, ног. *бузбага* «портить»; монг. *бузарлах* «засорять, поганить».

Кбал. *бузаргѣа* «оледенеть, превратиться в лед»; монг. *мѣстѣх* «оледенеть». Чередование б—м, з—с.

Кбал. *бурмаланьиргѣа* «курчавиться»; монг. *буржийх* (МРС—87); б.-монг. *буржыха*; б.-монг. *буржагар* «курчавый» (РБМС — 242). Корень слова — один. В каждом языке он живет своей жизнью, в тюркских языках аффиксы тюркские, в монгольских — монгольские.

Кбал. *бутаргѣа*, ног. *бутамага* «обрубить сучки ствола»; монг. *бут* усил. частица со значением «вдребезги», «совсем»; *бутаргах* «разбивать, раздроблять» (МРС—89); кбал. *буталгѣан* «обрубленный (о сучке)»; монг. *бутархай* «разбитый, раздробленный»; *бутлах* «разбивать, раздроблять»; б.-монг. *бута* усилит. частица «вдребезги», «совсем»; *буталхи* «разбить, раздробить, раскрошить»; *бутагаха* «разбивать» (РБМС—518).

Кбал. *дюнѣюрдетирге* «бить» (напр., в дверь), «греметь»; монг. *дюнѣэрѣх* «бить в бубен».

Кбал. *дѣайыгѣыргѣа*, малк. *зайыгѣыргѣа* «развеваться; бродить, чтобы развеяться», «почувствовать себя лучше после болезни»; монг. *зайх* «бродить, шляться» (МРС — 189); б.-монг. *зайха* «идти, брести» (РБМС — 42); калм. *йовх* «идти» (РКС — 205).

Кбал. *дѣалбарыргѣа*, ног. *ялбармага* «умолять, сильно просить, вымаливать»; монг. *залбирах* «молиться».

Кбал. *дѣалгѣаргѣа*, малк. *залгѣаргѣа*, ног. *ялгамага* «сращивать, наращивать, присоединять»; монг. *залгах* (МРС — 189), б.-монг. *залгаха* (РБМС — 625); *залгалга* «сращивание» (РБМС — 625); калм. *залхдѣж* «приставной» (РКС — 544).

Кбал. *дѣасаргѣа*, ног. *ясамага* «украшать, делать»; монг. *засах* «исправлять, налаживать, ремонтировать».

Кбал. *ёсдююрге*, ног. *овстирмеге* «выращивать, выростить, растить»; монг. *ёсгёх* (МРС — 332), калм. *ёсх* «вырасти» (РКС — 104).

Кбал. *ёчюгюрге* «въесться»; монг. *ёжих* «поступать своеправно».

Кбал. *ийирирге*, ног. *ийирмеге* «прясть»; монг. *зэрэх*.

Кбал. *илинирге*, ног. *илинмеге* «цепляться»; монг. *ёлгёх* «вешать, подвешивать, привешивать».

Кбал. *инакэларгэа* «ласкать, приголубить»; б.-монг. *инаглаха* «любить», *инагламал* «любимый», *инагай* «любовный», *инаг* «дружеский, любезный, любимый» (БМРС — 294); калм. *иньг* «друг», *иньглх* «дружить» (КРС — 152).

Кбал. *кекирирге*, ног. *кекирмеге* «отрыгнуть»; монг. *хэхрэх* (МРС — 594), б.-монг. *хэхэрхэ* (БМРС — 632), калм. *кекрех* (РКС — 421), «отрыгивать». Ср. монг. *хахирах* «отхаркивать».

Кбал. *кертерге* «зарубить, делать зарубку»; монг. *хэрчих* «нарезать, рубить». Соответствие т—ч.

Кбал. *кесеклерге*, ног. *кесеклемеге* «делить на части, расчленять»; монг. *хэсэглэх*.

Кбал. *кёберге*, ног. *ковпеге* «пухнуть»; монг. *хавдах*, *хавантах* (МРС — 493), б.-монг. *хёёхэ* (БМРС — 588), калм. *кёёх* (РКС — 573).

Кбал. *кёгерирге*, ног. *ковгермеге* «зеленеть, покрываться травой, посинеть» (о человеке); монг. *хёхрёх* «зеленеть» (МРС — 557), б.-монг. *люхэрхэ* «синеть; зеленеть (о всходах травы); бледнеть» (о человеке) (БМРС — 620); калм. *кёкрх* «зеленеть» — о всходах травы (РКС—198). И в тюркских, и в монгольских языках значение «зеленый» слова *кёк* и производных от него связано с травой, тогда как оно имеет значения «синий, голубой».

Кбал. *кёмерге*; ног. *ковммеге* «хоронить, засыпать землей»; монг. *хумих* «складывать, свертывать, завертывать, собирать».

Кбал. *кюсерге* «сильно желать, жаждать, хотеть»; монг. *хюсэх*.

Кбал. *кючлерге*, ног. *кушлемеге* «захватить силой»; монг. *хючлэх* «применять насилне».

Кбал. *кётлеширге* «сесть на лошадь вдвоем один за другим»; монг. *хётлёх* «вести лошадь на поводу».

Кбал. *кюрме* — род. узла; *кюрме гюерге* «завя-

зывать узлом»; *кюрме*, монг. *хюрмэх* «завязывать» (узлом).

Кбал. *кьалкьаргэа*, *кьалкьыргэа*, пог. *калкпага* «плавать на поверхности воды, всплывать на поверхность воды (напр., о доске), парить»; монг. *халих* «парить» (МРС—504), б.-монг. *халиха* «переливаться через край посуды, выходить из русла (о реке), выступать поверх льда» — о воде (БМРС — 541).

Кбал. *кьакьсыргэа*, пог. *каксамага* (напр., о бочке) «высохнуть»; монг. *хагдрах*.

Кбал. *кьанаргэа* I, пог. *канамага* «кровоточить»; монг. *ханах* «пускать кровь».

Кбал. *кьанаргэа* II, пог. *канмага* «удовлетвориться»; монг. *хинах*. Здесь даже омонимы совпадают.

Кбал. *кьаралыргэа*, пог. *каранламаги* «чернеть, становиться черным»; монг. *харлах*.

Кбал. *кьантарыргэа* «поставить коней рядом головами в разные стороны и накинуть повод одного на луку седла другого»; монг. *хантайрах* «туго натягивать за что-либо» (напр., поводья); *морио хантайрах* «туго зацепить поводья за луку седла» (МРС — 511); б.-монг. *хантарха* «заклидывать поводья узды за луку седла, чтобы остыла лошадь» (БМРС — 548).

Кбал. *кьангкьайыргэа* «опрокинуться»; монг. *ханхайх* «быть пустым».

Кбал. *кьараргэа* I, пог. *карамага* «смотреть, просматривать, присматривать, наблюдать, ухаживать; быть, обращенным», монг. *харах*. Кбал. *ёрге кьараргэа* = монг. *дээшээ харах* «смотреть вверх»; кбал. *малгэа кьараргэа* = монг. *мал харах* «смотреть за скотом, ухаживать за скотом»; кбал. *киتابха кьараргэа* = монг. *ном харах* «просматривать книгу», б.-монг. *хараха* «смотреть, видеть, осматривать, просматривать, присматривать, быть обращенным» (БМРС—544); калм. *харх* (РКС — 658) Такое совпадение значений слова во всем его семантическом объеме наблюдается весьма часто. См. слова *болургэа*, *кьари*, *кьарангы*, *кьараргэа*, *кьатаргэа*, *кьаты*, *синьерге* и др.

Кбал. *кьараргэа* II «выходить»; монг. *гарах*.

Кбал. *кьатаргэа*, пог. *катпага* «твердеть, сохнуть, засыхать, высушить, пересыхать, закаливаться» (о железе); монг. *хатах*. Императив *хат-* (МРС — 520), кбал.

кзат-. Эта основа образует и прилагательное, объем значений которого довольно большой, но все они совпадают в карачаево-балкарском и монгольском языках: *кзаты* 1) «твердый, жесткий, крепкий, прочный»; 2) перен. «жестокый, суровый, строгий»; монг. *хатуу* (МРС — 520); кбал. *кзаты зат* = монг. *хатуу бодис* «твердое тело»; кбал. *кзаты джистыкз* = монг. *хатуу дэр* «жесткая подушка»; кбал. *кзаты агзач* = монг. *хатуу мод* «крепкое (прочное) дерево»; кбал. *кзаты джюрек* = монг. *хатуу сэтгэл* «жестокое сердце»; кбал. *кзаты сёз* = монг. *хатуу юг* «суровое слово»; кбал. *кзаты адам* = монг. *хатуу хюн* «строгий человек» (МРС — 520).

Кбал. *кзонаргза*, ног. *конмага* «сесть» (о птицах), «почевать»; монг. *хонох* «ночевать», *хоноц* «путник, оставшийся на почлег», *хоног* «ночевка, почлег, сутки» (МРС — 536); б.-монг. *хонохо* «ночевать», *хоносо* «ночевка, ночлег», *хоног* «сутки» (БМРС — 579); калм. *хонх* «ночевать», *хонх хазр* «ночлег» (РКС — 359).

Кбал. *кзораргза* «уходить, убавляться, уменьшаться»; монг. *хорох*.

Кбал. *кзорургза* «охранять»; монг. *хорих* «запрещать».

Кбал. *кзуаргза*, ног. *курамага* «составлять» (из отдельных частей, лоскутов, кусков); монг. *хуурах*.

Кбал. *кзошаргза*, ног. *коспага* «соединять, объединять»; монг. *хослох* «сочетать, соединять попарно».

Кбал. *кзубулургза* «принимать смиренный вид»; монг. *хувилах* «превращаться, меняться».

Кбал. *кзурутургза*, ног. *курутнага* «сушить»; монг. *хуурайлах* «осушать».

Кбал. *кзувурургза*, ног. *кувырмага* «жарить, поджаривать, палить» (о солнце); б.-монг. *хуураха* (БМРС — 597), монг. *хуурах* (МРС — 570) «поджаривать»; калм. *хуурх* «жарить» (РКС — 159). Ср. еще: кбал. *кзувурдакз* «шкварки, вытопка», каз. *кзуйрдакз* «жаркое».

Кбал. *кзыркзаргза*, ног. *кыркпага* «стричь»; монг. *хяргах* (МРС — 597), б.-монг. *хиргаха* (БМРС — 570), калм. *кирхх* (РКС — 689).

Как обычно, общие слова ведут себя и в тех и в других языках как коренные, являясь базой для образова-

ния новых слов и форм. И данное слово не является исключением: кбал. *кзыркзыучу*, монг. *хяргагч* (МРС — 597) «стригальщик»; кбал. *кзыркэма*, монг. *хяргамал* (МРС — 597), б.-монг. *хиргамал* (БМРС — 570) «стриженный» и т. д.

Кбал. *кзычырыргэа*, ног. *кышкырмага* «кричать»; монг. *хаигирах*.

Кбал. *кесерге*, ног. *кеспеге* «резать, сокращать»; монг. *хасах* «урезывать, укорачивать длину, убавлять, уменьшать» (МРС — 519), б.-монг. *хасаха* «сокращать» (БМРС — 564).

Кбал. *махтаргэа*, ног. *мактамага* «хвалить»; монг. *магтах* (МРС — 232), б.-монг. *маггаха* (БМРС — 306), калм. *магтах* (РКС — 756) «хвалить». Как и в карачаево-балкарском, в монгольском языке основа этого слова является базой для образования целого ряда слов: кбал. *махтау*, монг. *магтаал* (МРС — 733) «хвала»; кбал. *махтагэан*, монг. *магтсан*, *магтаалын* (МРС — 733) «хвалебный»; кбал. *махталгэан*, монг. *магтагдсан* (МРС — 733) «хваленый», кбал. *кесинги махтаргэа*, монг. *биеэ магтах* (МРС — 733) «хвалиться» и т. д.

Кбал. *ойларгэа*, ног. *ойламага* «думать»; монг. *ойлох* «понимать, разбираться в чем-либо».

Кбал. *оньаргэа*, ног. *оньмага* «линять»; монг. *онгох*, б.-монг. *юнгэ* «облик, цвет (лица), окраска; краска, масть»; юнгёё *буураха* «лнить» (о материи), калм. *ёнг* «облик, цвет, окраска».

Кбал. *осалларгэа* «охаивать»; монг. *осолдох* «допускать оплошность, небрежность».

Кбал. *сабаларгэа* «взбивать шерсть палочками»; монг. *савах*, *саваадах* (МРС — 340) «стегать, бить» (прутом, палкой кого-что-л.), калм. *шавдх* «стегать». Данное слово является хорошим примером для иллюстрации общности материальной культуры тюрков и монголов в прошлом, единства способов производства. Этот глагол образован от имени существительного: кбал. *саба* «палочка для взбивания шерсти, выбивания пыли» и т. д., монг. *саваа* «палка, прут» (напр., для взбивания шерсти (МРС — 340). Возможно, в монгольском языке оно связано с другим словом того же корня: *савга* «ячья шерсть» (МРС — 340).

Кбал. *салпыланьргъа* «свисать, висеть»; монг. *дал-бийх*. Соответствие *с — д*.

Кбал. *сакъларгъа*, ног. *сакламага* «охранять»; монг. *сахих* (МРС — 446), б.-монг. *сахиха* (БМРС — 652) «охранять, караулить, сторожить, стеречь», монг. *цагдах* «караулить».

Несомненный интерес представляет все гнездо слов с этим корнем. В современном монгольском языке от него образовано больше слов, чем в современном карачаево-балкарском.

Монгольские	карач.-балк.
сахиа стража	—
сахигч соблюдающий; блюститель	сакълаучу
сахил обет	—
сахилга дисциплина	—
сахилгагүй недисциплинированный	—
сахилгатай дисциплинированный	—
сахиул караульщик; сиделка	сакълауул
сахиулах заставить охранять	сакълатыргъа
сахилгажих быть дисциплинированным	—
сахилгажуулах дисциплинировать	—
сахих охранять	сакъларгъа

Кбал. *саниргъа*, ног. *санамага* «принимать, думать, считать, полагать», *аманнга санаргъа* «считать плохим»; монг. *санах* «думать, мыслить, помнить» (МРС — 349), б.-монг. *санаха* «мыслить, думать, полагать, считать» (БМРС — 646), калм. *санх* «думать» (РКС — 152); кбал. *ёлгеннге санаргъа* «считать погибшим, думать, что умер»; монг. *би тэгж санасан* «я думал так» (МРС — 349). И этот корень в монгольских языках является базой для образования гораздо большего количества слов, чем в карачаево-балкарском, где как диалектное явление можно отметить следующее. Малкарский диалект допускает такое употребление: *Мухтар сунуб тура эдим* «я полагал, что Мухтар, я принял за Мухтара». Возможны личные формы: *сундум, сундунг, сунду, сунам, сунаса, сунады*. Некоторые исследователи выводят этот вспомогательный глагол из форманта императива *-сын*: *онгсун* «одобрять»; *ахсын* «вздыхать»; *джазыкъсын* «жалеть», *бёгексин* «гордиться» и т. д.

Личные формы этих слов выглядят так: *онгсундум* «я одобрил», *онгсундунг* «ты одобрил»; *онгсунду* «он одобрил»; *юйюрсюндюм* «я привык»; *юйюрсюндюнг* «ты привык», *юйюрсюндю* «он привык» и т. д. Как видно из примеров, данный формант императива полностью подчиняется законам палатальной и лабиальной гармонии. Наше же слово из примера: *Мухтар сунуб тура эдим* является самостоятельным словом; ни нёбной, ни губной гармонии не подчиняется и в форме императива *сун* не употребляется. Поэтому представляется, что *сунуб* имеет общую этимологию с кбал. *санаргэа*, монг. *синах* в значении «думать, полагать».

Кбал. *саргэалыргэа*, ног. *саргаймага* «желтеть»; монг. *шарлах*.

Кбал. *санд(ы)раргэа*, ног. *сандыракламага* «бредить», монг. *сандрах* «растеряться, быть в замешательстве, быть в тревоге, в беспокойстве» (МРС — 350).

Кбал. *саваргэа*, ног. *савмага* «донть», монг. *саах* (МРС — 339), б.-монг. *сааха* (БМРС — 636); кбал. *савувчу* «дояр(ка)», бур. *саалиша* (СГМЯ — 133).

Кбал. *сёнгерге*, ног. *соьнмеге* «угасать, убавиться»; монг. *сёнёх* «гаснуть, гибнуть, уничтожаться».

Кбал. *сибириге*, ног. *сыпырмага* «подметать, мести»; классич., бур., ойрат., монг. *шурдех* «мести» (СГМЯ — 165); монг. *шююрдех* (МРС — 483), калм. *сэвюрдех* (РКС — 447) «подмести»; ср. еще монг. *цэвэрлэх* «убирать, расчищать, чистить, очищать» (МРС — 619), б.-монг. *сэбэрлэхэ* (БМРС — 415), калм. *цеврлх* «убраться» (напр., в комнате) (РКС — 722).

Кбал. *согэаргэа*, ног. *сокпага* «бить, ударять, колотить, хлестать, избивать»; монг. *цохих* (МРС — 611), б.-монг. *сохихо* (БМРС — 407), калм. *цокх* (РКС — 41).

Кбал. *сорургэа*, ног. *сорамага* «спросить»: монг. *сурах* 1) «учиться»; 2) «спрашивать, осведомляться, наводить справки» (МРС — 364); б.-монг. *сураха* 1 «учиться»;... 3) «спрашивать, усиленно просить» (БМРС — 663); калм. *сурх* «спросить, учиться» (РКС — 747).

Кбал. *сыгэаргэа*, ног. *сыкпага* «выжимать»; монг. *шахах* «жать», «прижимать, выжимать» (МРС — 648); б.-монг. *шахаха* (БМРС — 694), калм. *шахх* (РКС — 97).

Кбал. *табаларгэа* «злорадствовать»; монг. *тавлах*.

Кбал. *табаргэа*, ног. *таппага* «находить»; монг. *таа-*

варлах «отгадывать, разгадывать»; таавар «загадка».

Кбал. талакъ, ног. талак «развод»; монг. таллах «делить пополам».

Кбал. таларгъа, ног. таламага «размывать» (о реке); «искусать» (о собаке); «грабить» (напр., податями); монг. талах «грабить, конфисковать» (МРС — 387).

Кбал. талгъыр «полосатый, пёстрый» (о тигре); монг. тарлан, кир. таргъыл. В карачаево-балкарском языке произошла метатеза р — л как в слове *джыртыл/ джылтыр* «порваться».

Кбал. талкъыларгъа «мять кожу на талкъы»; монг. талхих.

Кбал. талыргъа, ног. талмага «устать, отечь»; кболом талды «моя рука устала, отекала»; бутум талды «я отсидел ногу, у меня отекала нога»; монг. талийх «умирать».

Кбал. тёзерге «терпеть»; монг. тэсэх, бур. тэсэхэ.

Кбал. тонаргъа, ног. тонамага «грабить»; монг. тонох (МРС — 408), б.-монг. тонохо (БМРС — 441), калм. тонх (РКС — 122). Совпадают и неглагольные формы: кбал. тоноуул, тонау «грабеж»; монг. тонуул (МРС — 408), б.-монг. тонуул, тонолго (БМРС — 441); кбал. тонаучу «грабитель», монг. тонуули (МРС — 408), б.-монг. тонуулиша (БМРС — 441), калм. тонули (РКС — 122).

Кбал. тонъайыргъа, тонъкъайыргъа, ног. тонъкаймага «опрокинуться»; монг. тонгойх «наклоняться, нагибаться».

Кбал. тохтаргъа, ног. тохтамага «останавливаться; перестать»; монг. тогтох «останавливать, преграждать путь».

Кбал. тансыкъларгъа «ласкать, приятно вспоминать»; монг. тансаглах «ласкать, любить, нежить, лелеять» (МРС — 391).

Кбал. танышыргъа, ног. таныспага «знакомиться»; б.-монг. танилдаха (БМРС — 427), калм. таньлдх (РКС — 200).

Кбал. таныргъа, ног. танымага 1) «знать, быть знакомым»; 2) «узнать, распознать»; монг. таних (МРС — 391), б.-монг. таниха (БМРС — 427), калм. таньх (РКС — 200).

Кбал. таргъувун, тарбувун: таргъувуннга тыяргъа «поставить в трудное положение, прижать»; таргъувун-

нга тюшерге «попасть в затруднительное положение»; монг. *торгъууль* «препятствие, штраф»; *торгууд* ист. «название дневной стражи у монгольских ханов в XIII веке» (МРС — 411). После сопоставления с монгольскими становится ясно, как в карачаево-балкарском языке это слово приобрело такое значение. Развитие семантики его связано с ханской стражей, попадание в руки которой, видимо, не сулило ничего хорошего.

Кбал. *таркъайыргеъа* «мелеть, убывать, спадать» (с реке); монг. *татах*. Ср. еще монг. *таргил* «перекат реки»; *тарах* «расходиться, рассеиваться».

Кбал. *телсерге* «танцевать»; монг. *дэвсэх* «топать, притопывать». Ср. кирг. *тепсөө*.

Кбал. *тёлерге*, ног. *тоьлемеге* «платить, оплачивать»; монг. *тёлөх* (МРС — 417), б.-монг. *тюлэхэ* (БМРС — 457).

Кбал. *туваргъа*, ног. *тувмага* «родиться»; монг. *тугаллах*, б.-монг. *тугуллаха*, калм. *тухлх* «телиться». Отсюда в монгольских *тугал* «теленок». Ср. кбал. *тувдукъ* «потомок».

Кбал. *тыгъаргъа*, ног. *тыкпага* «закупоривать, затыкать, совать»; монг. *таглах*. Ср. монг. *чихэх* «пихать, совать».

Кбал. *тынаргъа*, ног. *тынмага* «успокоиться, усмириться»; монг. *тунах* «осаждаться, оседать, отстаиваться».

Кбал. *тынгыларгъа*, ног. *тынъламага* «слушать»; монг. *чагнах* (МРС — 636), б.-монг. *шагнаха* (РБМС — 600). Г. Д. Санжеев приводит исторические монгольские формы: классич. *чингна/чингла*, бур. *шагна*, халх. *чагна* «слушать»; классич. *тангна*, бур., халх. *тагна* «разведывать» (СГМЯ — 93).

Кбал. *тюкюрюрге I* «плевать»; монг. *тюхюр*.

Кбал. *тюкюрюрге II*, ног. *туькирмеге* «заговаривать болезнь»; монг. *тухирах* «натравливать, науськивать».

Кбал. *улургъа*, ног. *улумага* «выть» (о собаке, волке); монг. *улих* «выть, завывать» (МРС — 453), «вой собаки, волка» (МРС — 80); б.-монг. *уляан*, *улилган* «вой животных» (РБМС — 68), *улиха* «выть» (о волке) (БМРС — 480); калм. *уульлхн* «вой».

Кбал. *чабаргъа*, ног. *шаппага* «бегать», монг. *цавчих* «рубить, бить копытом».

Кбал. *хурулдаргэа*, ног. *курулдамага* «храпеть»; монг. *хурхурах*.

Кбал. *чэгэаргэа* «искрить»; монг. *цахих* «сверкнуть, блеснуть (о молнии); высекать».

Кбал. *чачайыргэа*, малк. *цацыгыргэа* в диалектах еще *чачыгыргэа* «поперхнуться», ног. *шашамага*, монг. *цацах* «поперхнуться, закашляться» (МРС — 607), б.-монг. *сасаха* «поперхнуться, брызгать» (БМРС—399). Ср. еще монг. *хахих* «поперхнуться». Соответствие звуков ч—х.

Кбал. *чачаргэа*, малк. *цацаргэа*, ног. *шашпага* «брызгать, разрушать»; монг. *цацах* «брызгать» (МРС—607), б.-монг. *сасаха*, *сасаргаха* «брызгать, осыпать» (БМРС — 399), калм. *цацх* «брызгать» (РКС — 48).

Кбал. *чөггерге*, ног. *шоькпеге* «сесть, присесть, дать осадку», монг. *сэгдэх* прям. и перен. «вставать на колени» (МРС — 359), б.-монг. *сюгэдэхэ* перен. «становиться на колени» (БМРС — 666).

Кбал. *чимдерге*, ног. *шымытнага* «щипать»; монг. *чимхлех*, *чимхех*.

Кбал. *чочурагэа*, малк. *цоцургэа* «брыкаться, лягаться» (о лошади); монг. *цочоох* «пугать», *цочих* «пугаться» (МРС—611—612); б.-монг. *сошоохо* «пугать», *сошохо* «пугаться» (БМРС — 408), калм. *чочах* «пугать», *чочх* «пугаться» (РКС — 571).

Кбал. *чыдаргэа*, малк. *цыдаргэа*, ног. *шыдамага* «вытерпеть, суметь вытерпеть»; монг. *чадах* «мочь, быть в состоянии, уметь» (МРС — 626), «суметь» (МРС — 669), б.-монг. *шадаха* (БМРС — 686), калм. *чадх* «суметь» (РКС — 693).

Кбал. *элерге*, ног. *элемеге* «просеивать» (через сито); монг. *элгэхдэх*.

Кбал. *эркелетирге*, ног. *эркелемеге* «ласкать»; монг. *эрхлююлэх*.

Кбал. *эртделерге* «собираться спозаранок»; монг. *эртлэх* (МРС — 677), б.-монг. *эртэлхэ* (БМРС — 736), калм. *эртэр* «спозаранку» (РКС — 677).

Кбал. *юрерге* «размножаться»; монг. *юр* «плод, семя, зерно»; «дитя, ребенок» (МРС — 485), б.-монг. *юрэ* «дитя, ребенок, младенец», «потомки, потомство» (дети, внуки), «плод, семя» (БМРС — 517 — 518). Из сопоставления форм видно, что карачаево-балкарский императив *юре-* образован по модели: имя плюс аф-

фикс. *юр+е* «размножайся»; *аш+а* «кушай» Нелишне привести и пословицы, связанные со словом *юр* в монгольских языках: монг.: *эхийн санаа юрд, юрийн санаа ууланд* посл. «мысли матери — о детях, мысли детей — о горах»; б.-монг. *эхэ эсэгын санаан юрэ баедээ, юрэ бэрын санаан ой тайгада* посл. «мысли родителей — о детях, а мысли детей — о тайге»; ср. карачаево-балкарскую пословицу: *ана кёлю балада, бала кёлю ташта-тауда* «мысли матери — о детях, мысли детей — о камнях-горах».

Кбал. *юркерге*, пог. *уьркпеге* «пугаться, шарахаться» (о животных): монг. *юргэх* (МРС — 485), б.-монг. *юргэхэ* (БМРС — 515); калм. *юргх* (РКС — 571).

ДРУГИЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Карачаево-балкарско-монгольские лексические параллели встречаются и в области числительных, наречий, послелогов, усилительных частиц и слов.

Имена числительные

В современном карачаево-балкарском и монгольских языках числительные свои. Но и среди них встречаются параллели.

Кбал. *минг*, ног. *мынъ* «тысяча»; монг. *мянга(н)* (МРС — 254), б.-монг. *мянган* (РБМС — 669); калм. *мингхн* (РКС — 719).

Кбал. *минг-минг* «тысячами», монг. *мянга-мянгаа-паа* (МРС — 254).

Кбал. *минг джыл* «тысячелетие»; монг. *мянган жил* (РМС — 694), б.-монг. *мянган жэл*, калм. *мингхн джил* (РКС — 719).

Кбал. *тюмен* «десять рублей», «червонец», монг. *тюмен* «десять тысяч», «тьма», б.-монг. *тюмэ(н)* «десять тысяч», «тьма», «множество» (БМРС — 457), калм. *ю-тюмы* «тьма, множество» (РКС — 719).

Наречия и наречные слова

Кбал. *бушукъ: ашыкъ-бушукъ* «поспешно, торопливо»; монг. *бушуу* «скоро, быстро, живо». В карачаево-балкарском языке данное слово употребляется только в сочетании *ашыкъ-бушукъ*, а в монгольском — самостоятельно.

Кбал. *былай*: *алай-былай* «так-сяк»; монг. *булай* «так, эдак»; монг. *шалай-балай* «кое-как, небрежно».

Кбал. *эрлай* «мигом, быстро, мужественно»; монг. *эрд*, *эртэй* «лихой, мужественный».

Кбал. *эртде*, ног. *эрте* «рано», монг. *эрт(эн)*.

Послелогои

Кбал., ног. *артында* «за, позади»; монг. *ард* дат. и мест. падежи от *ар* «сзади, позади, за спиной».

Кбал. *тыйыншлы*, *тийишли*, ног. *тийисли* «подходящий, соответствующий к чему-либо»; монг. *тийиш* «к. п» направлению к».

Кбал. *орнуна*, ног. *орнына* «вместо»; монг. *оронд*.

Усилительные частицы и слова

Карачаево-балкарско-монгольские совпадения наблюдаются не только в самостоятельных лексических единицах. Весьма интересны совпадения усилительных частиц и слов.

Кбал. *ап*: *аппакъ*, ног. *ап-ак* «белый-пребелый, совершенно белый»; монг. *ав*: *ав адил* «совершенно одинаковый, равнозначный».

Кбал. *джап*: *джап-джашил*, малк. *зап-зашил*, ног. *яп-ясыл* «зеленый-презеленый»; монг. *яб*: *яб яган* «совершенно розовый».

Кбал. *къап*: *къап-къара*, ног. *кап-кара* «черный-пречерный»; монг. *хав*: *хав хар*; кбал. *къаб-къаты* «твердый-претвердый»; монг. *хав хату*.

Кбал. *къуп*: *къуп-къуууш* «совсем полный»; монг. *хув*: *хув хоосон*.

Кбал. *сап*: *сап-сары*, ног. *сап-сары* «желтый-прежелтый»; монг. *шав*: *шав шар*.

Кбал. *топ*: *топ-толу*, ног. *топ-толы* «полный-преполный»; монг. *тов*: *тов тодорхой* «абсолютно ясный».

Кбал. *чип*: *чип-чий*, ног. *шип-ший* «сырой-пресырой»; монг. *чив*: *чив чимээгүй* «совершенно безмолвный».

Характерно, что в карачаево-балкарском и монгольском языках совпадают даже способы образования уси-

лительных частиц: первый слог слова плюс согласный: *къара* — *къап-къара*; монг. *хар-хав хар*.

Кбал. *эм, энъ*, ног. *энъ* «самый»; *эм* ключлю «самый сильный»; монг. *эн: эн тэргююн* «самый передовой».

Модальные слова

Кбал. *болду*, ног. *болды* «достаточно, хватит», монг. *болно*.

Кбал. *болса*, ног. *болса* «если можно, в случае»; монг. *бол, болбол*.

Кбал. *керекди*, ног. *керек* «нужно, надо»; монг. *хэрэктэй*.

Кбал. *боллукъду*, ног. *болаяк* «можно»; монг. *болно*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более ста лет стоит перед алтаистами вопрос о характере родства алтайских языков вообще, тюркских и монгольских в частности. Родство последних признается всеми исследователями, но в объяснении происхождения этого родства нет единого мнения. Одни ученые (Б. Я. Владимирцов, Е. Д. Поливанов, Г. И. Рамstedт, Ю. Немец, М. Рясянен, Ц. Д. Номниханов и др.) находят, что оно является следствием общности генезиса тюркских и монгольских языков, что общий язык-основа, так называемый алтайский язык, оставил в наследство тюркским и монгольским языкам свои черты, сближающие их. Другие (Г. Д. Санжеев, Л. Лигети, П. А. Батманов) считают еще недоказанным генетический характер родства тюркских и монгольских языков. Третьи (напр., А. М. Щербак) отрицают генетический характер родства. Четвертые полагают, что это родство носит типологический характер (В. Котвич). Некоторые сторонники последнего мнения проявляют непоследовательность, допуская существование языка-основы в отдаленном прошлом, из которого выделились тюркские и монгольские языки, что не вяжется с отрицанием генетического характера родства указанных языков. «Во всяком случае, существование этого общего языка следовало бы относить к очень отдаленному прошлому, не менее чем к началу первого тысячелетия до нашей эры», — говорит В. Котвич. Надо сказать, что начало первого тысячелетия — это уж не такое отдаленное прошлое. Л. Лигети, М. Рясянен в отношении определения времени отделения тюркских и монгольских языков от языка-основы стоят на более реалистических позициях. М. Рясянен считает: «...если даже со всеми

предосторожностями допустить, что уральский языковой период закончился уже в первой половине четвертого тысячелетия, урало-алтайская эпоха отодвигается еще на несколько тысячелетий назад».

Вопрос о тюрко-монгольском языковом родстве в последнее время вновь становится предметом усиленных занятий ученых, но как и прежде, перед исследователями стоят большие трудности в выработке ответа на этот вопрос. Они обусловлены, во-первых, отсутствием древних источников как по тюркским, так и по монгольским языкам. Имеющиеся памятники письменности довольно поздние. Тюркские датируются VI—VIII веками, монгольские — XIII веком. О более древнем состоянии этих языков приходится судить лишь гипотетически.

Первые алтаистические исследования поставили вопрос о характере родства тюркских и монгольских языков. Дальнейшие поиски должны дать окончательный ответ на него. Для этого необходимо проводить всестороннее исследование отдельных групп и всю алтайскую семью языков, применяя сравнительно-исторический метод и пользуясь приемами лингвистической географии. Только путь исследований приведет к решению проблемы, устранив колебание отдельных авторов, проявляющих нерешительность, половинчатость в своих выводах, но проводящих свои исследования, исходя из тюрко-монгольского генетического родства. Таковы работы по местоимениям, особенно по личным местоимениям и аффиксам местоименного происхождения. Исследователи единодушно признают самостоятельное происхождение личных местоимений как в тюркских, так и в монгольских языках, признают их незаимствованный характер. В отношении слов, относящихся к другим частям речи, этой уверенности нет. Чтобы быть уверенным, необходимо выявить все лексические параллели во всех тюркских и монгольских языках. Только тогда можно собрать исчерпывающий лингвистический материал и сделать правильные выводы, т. к. слова несут с собой и морфологические и фонетические особенности.

В различных языках встречаются самые неожиданные параллели, примером которых могут служить: кбал. *чам, цам* «шутка»; *чамчы, цамцы* «шутник»; *огтай* «не, нет» — отрицание; монг. *цал* «религиозный праздник»,

цами «участник цама»; *-угэй* «не, нет» — отрицание. Эти параллели не встречаются в других тюркских языках. Чем и как объяснить такие факты? Только сбор и анализ всех случаев во всех языках может дать ответ на эти вопросы. В. Котвич на основании «существующего и очень неполного» материала полагает, что в монгольском языке имеется около 25% лексических и около 50% морфологических элементов, общих с тюркскими языками. Если даже все случаи лексических сходжений считать заимствованными (во что очень трудно поверить), то одними заимствованиями не объяснить все 50% общих грамматических единиц. Чтобы судить о их характере более уверенно, надо учесть все совпадения во всех тюркских и во всех монгольских языках. Эта работа не по плечу одному-двум исследователям. Здесь нужны коллективные усилия по конкретным языкам.

В нашем исследовании выявлено около 800 общих для карачаево-балкарского и монгольских языков слов из различных сфер деятельности человека, его общественного положения, мировоззрения и т. д. Если данная работа в какой-то мере восполнит пробел отсутствия карачаево-балкарского материала в исследованиях о тюрко-монгольском языковом родстве и вообще по алтаистике, автор будет удовлетворен.

Большинство выявленных общих слов — имена существительные. Среди них такие, которые относятся к названиям частей тела человека и животных, названиям предметов и именам деятеля, образованным от них, астрономическим названиям, названиям поверий, металлов, родственных отношений, географическим названиям. В результате сопоставления с монгольскими языками выяснена этимология целого ряда слов, непонятных современным носителям карачаево-балкарского языка.

В целом оказалось, что монгольские слова в большинстве случаев длиннее тюркских, что зачастую обусловлено сращением в основном падеже притяжательного аффикса 3 лица *-ин* с корнем. Этот процесс в монгольских языках оказался весьма продуктивным и породил неустойчивый, скрытый *н*. В тюркских языках развитие пошло иначе. Притяжат. аффикс 3 лица здесь свободен в основном падеже от звука *н*, поэтому слова,

имеющие конечным звуком *н*, не осознаются как вторичные посессивные образования, а воспринимаются как корень. Количество слов с факультативным *н* на исходе в тюркских языках очень мало, поэтому они не выделяются, остаются незамеченными.

При сопоставлении слов — имен существительных почти всегда совпадают их значения в карачаево-балкарском и монгольском языках. При вариации значений налицо логическая возможность такого изменения семантики.

Параллели в области имен прилагательных говорят о том, что общими являются в основном слова, обозначающие характеристику человека: храбрый, заносчивый, хромой, красивый, избалованный и т. д. Они составляют широко разветвленную подгруппу. Затем идут прилагательные — обозначения мастей животных, геометрических понятий, как круглый, прямой, окружной и т. д.

Известно, что личные местоимения относятся к непроницаемым частям речи, т. е. они не заимствуются из других языков. Тем не менее самые тесные, самые интересные совпадения обнаруживаются в личных местоимениях карачаево-балкарского и монгольских языков. Если по другим частям речи трудно сделать вывод относительно характера родства, то на материале личных местоимений можно с уверенностью утверждать, что тюркские и монгольские личные местоимения родственны генетически, т. е. они происходят из одного и того же источника, плоть от плоти составляют результат развития каких-то изначальных форм на тюркской и монгольской почве, со своими особенностями.

В ходе своего развития язык может заимствовать слова из других языков. При этом свое родное слово может даже выпасть из словарного состава, забыться. Но язык не может перейти на путь развития по законам другого, хотя бы типологически родственного языка, он скорее умрет, чем сделает это. А тут мы видим развитие по одним и тем же фонетическим и морфологическим законам. Вот почему мы присоединяемся к тем исследователям, которые считают тюркские и монгольские личные местоимения генетически родственными.

Глаголы, как и местоимения, относятся к тем категориям лексики, которые не заимствуются из других языков или заимствуются в редких случаях. Однако в

карачаево-балкарском и монгольских языках много общих слов-глаголов. Глагольные основы, которые считаются бесспорно тюркскими, фигурируют и в монгольских языках и служат базой для образования иногда большего, чем в тюркских языках, количества слов, что также может говорить в пользу генетического характера родства тюркских и монгольских языков.

Карачаево-балкарско-монгольские лексические параллели встречаются в области и других частей речи: числительных, наречий, послелогов, усилительных частиц, модальных слов. Они также представляют большой научный интерес.

В целом настоящее исследование дает нам основание стать на сторону Б. Я. Владимирцова, Е. Д. Поливанова, Г. И. Рамstedта, Ю. Немета, М. Рясянена, Ц. Д. Номинханова и др. исследователей, находящих тюркские и монгольские языки родственными генетически.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКО-РУССКО-МОНГОЛЬСКИЙ С Л О В А Р Ь

А.

аба	мама	ав, аав, аба — папа, отец
абба	дедушка, старик	ав, аав, аба
аджа, джаджа	первенец	аажий — бабушка, ажаа — отец, папа
аджир	жеребец	азрага (н)
азав	клык	араа
азман	неполноценный баран	ас (а) ман
айран	варенец	айраг — кумыс
акка	дед, старик	ах — старший брат, ёвёг — предок
ала	пестрый	алаг
алай-былай	так-сяк, кое-как	шалай-балай
ала (р)	они	п.-монг. а; тэд, эд
алдаргъа	обманывать	алдах — ошибаться, утрачивать
алдав	ложь	алдаа — ошибка
алма	яблоко	алим
алмасты	домовой	алмас — ведьма
алтын	золото	алтан
амма	бабка, бабушка	эмээ, эмэг; эмэгтэй — жен- щина
амыр: амырым	мне не хочется	амраг — любовь
тартмайды		
ант	клятва	ант
ап- усил. част.	пре-, очень	ав
апсын	сношеница	авьсан

аракъы	водка	архи(н)
аракъычы	пьяница	архич
арив	чистый	ариг
арив	красивый	аруухан — мило- видный
аривланьргъа	очищаться	арилах
аривларгъа	очищать	арилгах
аркъа	спина	ар
аркъан	веревка	аргамж
арпа	ячмень	арвай
арт	зад, задняя сто- рона	ар
артында	за, позади	ард
арьргъа	устать	аргих — стареть
арыш	оглобля, дышло	арал
аслан, арслан	лев	арслан
асхакъ, ахсакъ	хромой	асаг
асыраргъа	кормить, содер- жать	асрах
асырав	забота, опека	асрамж
асыравчу	кормилец, опекун	асрагч
ат	лошадь	агт — конь, рысак, мерин; адуу — лошадь, табун
ата	отец	эцег; эхе — мать
аталгъы	поперечный топо- рик	аталга — долото
атамы эгечи	тетка по отцу	авга эгч
атлам	шаг	алха(м)
атлан	отправиться	одлав (класснч.)
атчы	конеvod	атчин — табунщик
ав	сеть	аб — облава, охота
авлакъ	урочище	аглаг — пастбище
ашыкъ-бушукъ	поспешно	бушуу — скоро, быстро
аякъ I	чашка	аяга(н)
аякъ II	устье	адаг (б.-монг.)
аяргъа	жалеть	айах

Б.

баба: ата-баба	предки	баабай (б.-монг.) — отец
		баавай — дед

бавур	печень	бюгэрэ, бөөр — почка
бавурсакъ	вид печенья	бороцог
багъана	столб	бахана (б.-монг.)
бадрав	пополнение	бадрал — расцвет, слово персид.
бай	богатый	баян
баджа, база	мужья сестер	баз, база
байларгъа	связь (ыв) ать	баглх (калм.)
баймакъ	косолапый, кри- воногий	майга
байрам	праздник	баяр
байса	увалень	байса (бур.) — скала
байтал	кобылица	байтасан (бур.)
бал	мёд	бал
балаган	шалаш	балхсн (калм.) — город
балдыргъан	борщевик	балчиргана
балта	топор	балт
балчыкъ	грязь	балчиг — болото. трясина
барамта	задержание	баримта — дока- зательство
батыр	храбрый, герой	баагар
бегеджен	свинья (самка)	мэгж (ин)
без	железа	бер (калм.)
бек	прочно	бэх
бел I	талия	бэлхююхэ (н)
бел II	седловина	бел — косогор
белги	знак	бэлгэ (б.-монг.)
бечев	веревка	бюч — шнурок, тесма
бечевлерге	запрячь вторую пару	бючлех — завязы- вать шнурок
бёгек	заносчивый	бёх — силач
бёдене	перепелка	бёдне
бёлек	часть, группа	бюлэг
бёлеклерге	группировать	бюлэглэх
бёлюм	часть, отдел	бюльгэм — группа, кружок
бёрк	шапка	бюрх — шляпа
бёскюн, бёксюн	часть тела	бёксн (калм.) — задница

биз	мы	бид
бизники	наш	биднийх, манухан, манай
билеу	брусок	билюю
билим	знание	билиг — талант
бири: хар бирн	каждый	бюри
битген	чирей	батга — угорь
бителген	закрытый	битюю
битерге	закрыть	бютэх
богъурдакъ	горло, глотка	богъалзагъур' (п.-монг.)
боз	серый	бор
боза	буза, напиток	боз(о) барда
бой	рост	бод(о)
бокъ	кал, навоз, мусор	бог — мусор
болду	хватит	болно
болджал,	срок	болзол — условие
болзал		о сроке
боллукъду	можно	болно
болса	в случае	бол, болбол
болургъа	стать, быть	болох
боран	буран	боро(н) — дождь
борбай	сила (перен.)	борьбо — голень
боркъулдаргъа	бурлить	бургилах
боркъсураргъа	клубиться	бурхирах
босагъа	порог	босго
бочха, бохча	кошелек	богц — переметная сума
бояргъа	красить	будах
бояв	краска	будаг
боявчу	маляр	будагч(ин)
бу	этот	болбол
бугъа	бык	бух
бугъов	кандалы	богоч
будай	пшеница	улаан буудай
буз	лед	мёс(ён)
бузаргъа	портить	бузарлах — засо- рять
бузаргъа	оледенеть	мёстэх
бузов	теленок	бярзуу
бузукъ	неисправность	бузар — мерзость
булат, болат	сталь	болд
булунъу	топоним	буланг — крайний

бургъуч	отвертка	бургы
бурма	курчавый	буржгар
бурмаланыргъа	курчавиться	буржийх
бурул	чалый	буурал
бурундукъ	деталь уздечки	бурунтаг
бурчакъ,	горох	буурцаг
бурцакъ		
буталгъан	изрубленный	бутархай — раз-
		битый
бутаргъа	обрубать сучья;	бутаргах; бутлах —
	изрубить	разбивать
був	олень	буга
буваз	беременная стель-	боос
	ная	
бушукъ	см. ашыкъ-бушукъ	
багъын	бедро	мах(ан) — мясо
былай	см. алай-былай	
быргъы	труба	бюрээ — труба
		музык.
бышлакъ	сыр	бяслаг
бююлген	согнутый	бѣхгѣр
бюрче	блоха	бююрег — вошь
бютев	весь	бюх

Г.

гебсiek	войлочная накидка	хэвнэг — бурка
гѣген	кумган	кѣкн (калм.) —
		сосок
гѣзенек	род плетня	эргэнэг
гугук, кукук	кукушка	хѣхѣ
гылджа	кривой	гилжгий, гилзгой
гюрджю	грузин	гюрж

Д.

дам	смак, вкус	амт — вкус, дэм —
		способ действия
данг	звукподр. стуку	танг
дев	великан, силач	дю < дегю (халх.) —
		младший
долай	название песни	далай — океан
дугурий	кликка муж.	дугуй — колесо

дугъужам, дугъужан дув	враждебность, недружелюбие звукоподр. гулу	дугужан — кров- ный враг дун (калм.) — звук
дувадакъ дыгай	дрофа возглас на коз	тоодог чээг — возглас при доенин козы
дырга	увалень	дарга — старшина, председатель
дюнъюрдерге дюнъюрдетирге дюрген	греметь бить, греметь грубый	дюнгэнэх — гудеть дюнгэрдэх тюргэн — быстро

Дж.

джабагъы	свалявшаяся шерсть	даахь — линька
джагъа I джагъа II	воротник берег	зах зах — край, окра- нна
джай джайдакъ, зайдакъ	место неоседланный	зай зайдан (г)
джайыгъыргъа джал I джал II джаланъач джалбарыргъа	развеяться грива зарплата раздетый умолять	зайх — бродить дэл цалин (г) салдан (г) залбирах — мо- литься
джалбарыв джалгъаргъа джалгъав	мольба сращивать сращивание	залбирал залгах залгаа — соеди- нение
джалкъав джам (ы) чы, замыцы джамыз джан, зан	ленивый бурка пах душа	залхуу занч (калм.) цавь зан — нрав, пове- дение
джангы джанъылыкъ джап-усил. част.	новый новость пре-	занги занги — известие яб-
джара, зара	рана	яр -- болячка

джарма, зарма	сечка, крупа	зарам — отруби
джарым, зарым	половина	зарим
джасакъ,	дань	засаг — власть
засакъ		
джасаргъа	украшать, делать	засах — исправ- лять
джасавчу,	украшающий	засагч — исправ- ляющий
засавцу		зуур — в, между, в момент
джаврун	лопатка	
джавур	ссадина, садно	даари
джавхар	жемчуг	цоохор — пестрый
джая	лук	йадасун — концы лука
джез	медь	зэс, зэд
джелин	вымя	дэлэн (г)
джёрме	род колбасы	зюрэм
джол	удача	йол — счастье
джомакъ	сказка	домогъ — повесть
джонъурчха	щепка	зонгоол — струж- ки
джора	предсказание	ёр — плохой при- знак
джоргъа	иноходец	жороо
джорукъ	правило, порядок	зор, зоруг — воля
джулув	выкуп	золиг
джумдурукъ	кулак	нюдарга (б.-монг.)
джур, зур	косуля	зур
джут, зут	жадный; бескор- мица	зуд
джувумду	одежда умершего	юум — вещь
джыгырык	колесо	цагариг — обруч
джух	лицо	зухар (бур.) — лицемер
джыл, джил,	год	жил
зыл		
джыларгъа	плакать	уйлах, йолох
джылкъы	год лошади	морин жил
джыл		
джылы	теплый	дулаан
джылытыргъа	греть	дулаалах
джыр-джыр	звукоподр. скрипу	цар-цар — стре- котание

джырмы	торока	жирэм — подруга
джюз, зюз	лицо	зюс (эн) — масть
джюзюм	виноград	юзэм
джюрек	сердце	зюрх
джюрекли,	сердитый	зюрхтэй — храб-
зюрекли		рый

Е.

ёгюз	вол	юхер
ёзге	иной	ёгере, ёёр
ёзден	уздень	орд (он) — дворец,
		ёргёе — юрта
ёнъ	мездра, обратная	ёнгё — лицевая
	сторона	сторона
ёрге	вверх, выше	ёргёед — подняв
ёсген	выросший	ёсгёлён — рослый
ёсдююрге	выращивать	ёсгёх
ёч, ёц	злоба	ёс — мечь
ёчююрге	въестся	ёжих — поступать
		своенравно

З.

занъкой	большой	зангкъагай —
		большеголовый
зая, зее	напраслина	зээ — внук по до-
		чери
зынгар	звукподр. звону	жингэр
зынгардгаръа	звенеть	жингэнэх

И.

ийирирге	прясть	зэрэх; ээрююл —
		веретено
илеш	привыкать	илен
илинирге	цепляться	ёлгёх — вешать,
		подвешивать
ийнакъ	нежный	инок — близкий
		друг
ийнакъларгъа	ласкать	инаглаха (бур.) —
		любить
ийнек	корова	юнээ (и)
илгик	петля	ёлгююр — вешалка

инджи	бисер	жинжюю
ирк	валух	ирэг
иш	дело, работа	иш — источник, основа, начало
ншек	подозрение	сежиг

К.

кеб	форма	хэв
кебек	шелуха	хэбэг
кекел	хохолок	хюхэл (б.-монг) — челка (у лошади)
кекирирге	отрывать	хэхрэх
келин	сноха	келсн, кююкн — невестка
кемлик	недостаток	гэм
керек I	нужный	хэрэктэй
керек II	инструмент	хэрэг — дело, ра- бота, занятие
керекди	нужно	хэрэктэй
кертерге	зарубить	хэрчих
кесек	часть, кусок	хэсэг
кесеклерге	расчленять	хэсэглэх
кесерге	резать	хасах
кёберге	пухнуть	хавдах
кегерирге	зеленеть, покрываться травой	хёхрэх
кёк	синий, голубой; зеленый	хёх
кёкюрек	грудь	хёх (ён) — жен- ская грудь
кёмерге	хоронить	хумих — скла- дывать
кёнден	поперек	хёндлён (г)
кёрюк	меха	хёсёрёг
кётлеширге	сесть вдвоем на лошадь	хётлөх — вести лошадь на поводу
кийиз	кошма	хивс
ким	кто	хэн
кимни	кого	хэнийг
киндик	пуп (ок)	хюйс, хюй
кир	грязь	хир

кирли	грязнула	хиртэн
кюев	зять	хиюю — сын, маль- чик, дитя
кюй	гореть	хёё — сажа
кюдюрюрге	жечь, сжигать	хёёдөх — мазать сажей, пачкать углем
кюйюз	ковер	хивс
кюкюрт	сера	хюхюр
кюрөк	лопата	хюрз (эн)
кюрөн	бурый	хюрэн
кюрерге	отгребать, счи- щать	хюрз (эн) — ло- пата
кюрме	род узла	хюрмэх — завя- зывать узлом
кюрт	сугроб	хюр, хюнгэрэг (б. -монг.)
кюсерге	жаждать	хюсэх
кюшеннрге	жевать жвачку	хивнэх
кюч	сила	хюч (ин)
кючлерге	захватить силой	хючлэх
кючлю	сильный	хючтэй

Къ.

къаб	чехол	хавтас — обложка
къаб-кара	пречерный	хав хар
къабыр	могила	къабыр — класть рядом
къабыргъа	бок	хавирга (н)
къадав	запор (двери)	хадаас (ан) — гвоздь
къазакъ	казак	хасаг
къазах	казах	хасаг
къазыкъ	кол	гадас
къайгъы	тревога	хайх — разведка
къайда	где	хаа
къайдан	откуда	ханаас
къаймакъ	пенка	хайлмаг — блюдо из пенки
къайракъ	точило, брусок	хайрга
къайын	шурин	хадам
къакъсыргъа	высохнуть	хагдрах

къакъ(ы)ракъ	безводное место	хахир
къалкъаргъа	парить, всплыть	халих
къалкъан	щит	халх(а) — заслон
къалмукъ	калмык	калмак
къанаргъа I	кровоточить	ханах — пускать кровь
къанаргъа II	удовлетвориться	ханах
къандагъай	лось	къандагъай
къанджыгъа	торока	ханзага(н)
къантарыгъа	зацепить узду за луку	хантайрах
къангкъайыр- гъа	опрокинуться	ханхайх — быть пустым
къап- усил. част.	пре-	хав
къапхан	капкан	хавх(ан)
къара I	черный, вороной	хар
къара II	мишень, цель	хараа(н) овоо
къарагъан	зависимый	хараат
къаракъай	лиственница	харгай
къаралыргъа	чернеть	харах
къарангы	темнота	харанхы
къараргъа I	смотреть	харах
къараргъа II	выходить	гарах
къаратор(у)	гнедой	харавтар — чер- новатый
къаравул	караул	харуул
къаргъа	ворон	хон хэрээ
къаргъыш	проклятие	хараал
къартчыгъа	ястреб	харсага
къаршчы	враждебный	харш
къары	локоть (мера длины)	гар — рука
къарылгъач	ласточка	хараацай
къасмакъ	пригарок	хусам
къатангы	сухощавый, крепкий	хатан
къатаргъа	твердеть, сохнуть	хатах
къатхан	закаленный	хатан — хрупкий
къаты	твердый, жесто- кий	хатуу, хатагу
къатын	жена, женщина	хатан ист. — знатная дама

къаѣдан	сухая прошло- годняя трава	къагъда
къачан	когда	хэзээ
къая	скала	хада, хая
къобу I	ложбина	гоо
къобу II	паз, желобок	ховил
къозу	барашек, ягненок	хурга (н)
къой	овца	хонь
къойчу	овчар	хоньчин
къол I	ущелье, долина	гол — река, доли- на
къол II	рука	хёл — нога
къолан	пегий, пестрый	хула
къонакъ	гость	хоноц
къонаргъа	сесть (о птицах)	хонох — ночевать
къонуш	насесть	хонуур
къонъур	темно-бурый	хонгор — соловый
къонъурав	колокол	хонх (он)
къоранч	убыток	хоромж
къораргъа	уменьшаться, уходить	хорох
къоргъашын	свинец	хорголж (ин)
къорургъа	охранять	хорих — запре- щать
къотан	загон для овец	хотон — стойбище
къутам, кутам	группа	хотон — группа юрт
къочхар	баран	хуца, эр хонь
къош I	пара, парный	хос
къош II	кош	хашаа (н) — двор
къошаргъа	соединять	хослох — соеди- нить попарно
къуба	светло-бурый	хува, хуа
къубулургъа	принимать сми- ренный вид	хувилах — пре- вращаться
къуп- усил. част.	пре-	хув
къурутургъа	сушить	хуурайлах — осу- шать
къуймакъ	яичница	хуймаг — блины
къум	песок	хумхи — пылинка
къумгъан	кумган	хумх — кувшин
къумгъанчы	гончар	хумхач

кѣунаджин	трехгодовалая тѣлка	гуначжи
кѣуараргѣа	составлять	хуурах
кѣурт	червь	хорхой
кѣурт бышлакѣ	творог	хурууд, хуруд
кѣуругѣа	ставить (напр., забор)	хорих — запре- щать
кѣурч	сталь	хурц
кѣутукѣ I	колодец	худаг
кѣутукѣ II	безволосый	хуух — кожа го- ловы
кѣув	пух, лебедь	(хун(г))
кѣувукѣ	пузырь (мочевой)	хуух — кожа го- ловы, мошонка
кѣувурдакѣ	выжарки	хуурга — жаркое
кѣувурма	жаркое	хуурга
кѣувуругѣа	жарить	хуурах
кѣувуш	пустой, полый	хоосон
кѣыйма	род колбасы	хим(е)
кѣыл	конский волос	хялгас
кѣылгѣан	ковыль	хиаг — пырей
кѣ(ы)рал	страна	хурал — съезд
кѣ(ы)рав	нией	хяруу
кѣыркѣаргѣа	стричь	хяргах
кѣыркѣма	стриженный	хяргамал
кѣыркѣывчу	стригальщик	хяргагч
кѣырпакѣ	пороша	кѣырмагѣ
кѣысыр	яловая	хусуруун (п.-монг.)
кѣычырыргѣа	кричать	хашгарах

Л.

лячин	сокол	начин
-------	-------	-------

М.

макѣа, бакѣа	лягушка	бах
макѣырыргѣа	мычать, бляеть	майлах
мал	скот	мал
малчы	скотовод	малч
манѣылай	лоб	магнай
манѣыаргѣа	бляеть	майлах; мѣёрѣх — мычать
марал	олень (самка)	марал
маталы	подобно, подобный	мѣт

махтаргъа	хвалить	магтах
махтав	хвала	магтаал
мен	я	би
мени	меня	мний
меники	мой	минихи (б.-монг.)
мѣз	материя, ткань	бѣс
минъ	тысяча	мянга (н)
минъ-минг	тысячами	мянга мянгаараа
минъ джыл	тысяча лет	мянган жил
минъ джыл-лыкъ	тысячелетие	мянган жилийн
муккур	горб (атый)	мѣхгѣр
мулда	холка	мундаа
мухол	медлительный	мѣхѣс — слабый
мынъырав	глуповатый	мангар
мынъырав	отупеть	мэнэрэх
болургъа		

Н.

назик	нежный	нарийн
нѣгер	товарищ, спутник	нѣхѣр — супруг
нохта	недоуздок	ногт

О.

о, ол	он, тот	э, и (ист.)
оба	куча	овоо
огъай отриц.	нет, не	югюй
ой, оюм	мысль	оюун — ум
ойларгъа	думать	ойлох — понимать
оймакъ	наперсток	ойм — выдолбленная лодка
олтан	подошва	ул
омурав	позвонок	омруу — ключица
онъ	преимущество	онцгой
онъаргъа	линять	онг (калм.) цвет
орнуна	вместо	оронд
орун	место, постель	ор (он) — кровать
осал	плохой	осол — небрежность
осалларгъа	охаивать	осолдох — допустить оплошность

от отлав	яд; трава трава, подножный корм	отачи — врач отор — выпас скота
-------------	---------------------------------------	---------------------------------------

П.

палах, балах	беда	балаг — вина
--------------	------	--------------

Р.

-рыв	род, племя	ураг — родня
------	------------	--------------

С.

саба	палочка	саваа
сабаларгъа	стегать	саваадах
сагъыш	дума	санаа (н)
садакъ	стрела	садог — колчан
сай	мелкий	цай
сакъ	чутко, чуткий	саг (калм.) — настороже
сакъал	борода	сахал
сакъаллы	бородатый	сахалт
сакъаллыкъ	ремешок узды	сагъалдрага
сакъав	сап	сахуу
сакъларгъа	ждать, охранять	сахих
сакълавул	сторож	сахиул
сакълавчу	сторож	сахигч
сал	носилка	сал — плот
салкъын	прохлада, тень	салхи (н) — ветер
салпы	отвислый	салбагар — вися- щий
салпыланьргъа	загрустить	далбийх — свисать
салыньргъа	свисать	салаалах — вет- виться
сампал	спусковой крю- чок	сюмбэ
санаргъа	считать, думать	санах
сандыраргъа	бредить	сандрах — расте- ряться
санъкъылчакъ	книжка	сархынаг
анат.		
сап- усил. част.	пре-	шав-
саптагъай	ствол, стебель	хаптагай

сапын	мыло	саван (г)
саргъалыргъа	желтеть	шарлах
саргъыл (дым)	желтоватый	сарагул — свет- лый
сармакъ, са- рымсакъ	чеснок	саримсаг
сары	желтый	шар
сарывум кеседи	мне тошнит	саруулах — ос- лаблять
саваргъа	дойть	саах
савлукъ	дойный	саадаг, саалийн
савум	надой	саам
савру	круп	саарь
саврусхан	пройдоха	шаазгай — сорока
савут	посуда	сав
савут-саба	посуда	саба (б.-монг.)
савувчу	дояр (ка)	саальчин
саяв	костяная палочка	соёо — бивень
сезген	чувствующий	сэргэлэн — умный
сен	ты	чи
сени	тебя	чиний
сеники	твой	чинюкеи, чиний
сепкил	веснушка	севх
серивюн	тихий (об огне)	сэрюю (н) — про- хлада
сескекли	беспокойный	сэргэг — бодр- ствующий
сёл: сёл	утихло	сэлююн — место, где меньше дви- жение людей
болду		сёнёх
сёнъерге	угасать	шююрдех; цэвэр- лэх — чистить
сибирирге	подметать	шююр, ширвююл
сибиривчю	уборщица	
сибиртки,	веник, метла	
сибириkki		
сиерге	мочиться	шээх
сиз (см. та- на (м))	вы	та
сизники	ваш	таны, танай, та- найхь
силегей	слюна; ящур	шюлхий — ящур, шюлс (эн) — слюна
синънъен	впитавшийся	шингэн — жидкий

синъерге	впитываться	шингэх
синъдиррге	пропитать	шингээх
побуд.		
согъаргъа	бить	цохих
сокъур	слепой	сохор
солагъай	левша	солгой — левый
сорургъа	спросить	сурах
субай	стройный	сувай — яловый
сув	вода	ус(ан)
сувсар	куница	суусар
сувурургъа	веять	цэвэрлэх
сыгъаргъа	выжимать	шихах
сылтав	повод, причина	шалтаг
сынджыр	цепь	динже (б.-монг.)
сыппа	кость бараньей ноги	сювээ — ложные ребра
сырылгъан	стеганный	ширмэл — про- шитый
сырыргъа	стегать	ширэх
сюем	пядь	сёём
сюйрерге	волочить	чирэх
сюлевсюн	рысь	шилюос(эн)
сюммек	сосок, носик	сэмэгэн — кост- ный мозг
сюрюв	стадо	сюрэг
сют	молоко	сюю(н), сюн, сю

I.

таб-	найди	таавар — загадка
табакъ	тарелка	таваг
табаларгъа	злорадствовать	тавлах
табан	пятка	тавхай — стопа
табаргъа	находить	тааварлах — от- гадывать
таджал	выносливый	тачаал — страсть
тай	жеребенок	дага
тала	поляна	тал — поле
талакъ I	селезенка	делюю(н)
талакъ II	развод	таллах — делить
таларгъа	размывать	пополам
талгъыр	полосатый	талах — грабить
талкъы	станок для мятя кожи	тарлан
		талх(ин)

талкыларгъа	мять кожу на талкы	талхих
талыргъа	устать, отечь	талиых — умирать
тамгъа	клеймо, пятно	тамга, тэмдэг
тамыр	кровеносный сосуд	тамир
тана (м) (см. сиз)	ласкат. обращение	та (нар) — вы
тансыкъ	желание видеть	тансаг — удовольствие, радость
тансыкъларгъа	ласкать	тансаглах
таныргъа	узнавать	таних
таныш	знакомый	танил
танышыргъа	знакомиться	танилдаха (б.-монг.)
таралгъан	распавшийся, размытый	таралги — рассеянный
тараргъа	размывать	тараах — разгонять
таргъууун, тарбууун	затруднение	торгууль — препятствие; торгууд ист. — ханская стража
таркыай	мелеть	таргил — перекат реки; татах — мелеть
тарлав	полоса пашни	тарилга — посев; тариачин — пахарь
тартаргъа	тянуть	татах
тасма	тесма	тасам
татыргъа	оказаться достаточным	татуудах — оказаться недостаточным
татыв	достаточность	татуу — недостаточность
тав	гора	таг
тавукъ	курица	тахиа (н)
тавусулгъан	законченный	тэгс
тавусулургъа	кончатся	тэгсёх
тавусулув	окончание	дуусвар
тауусургъа	кончатъ	тэгсгёх
таякъ	палка	таяг
тейри	бог	тэнгэр — небо бог
тек: тегаран	как раз	тегш — равный

теке	козел	тэх
тели	глупый	тэнэг
темир	железо	тёмёр
темирчи	кузнец	тёмёрч (ин)
тенг, тенгиш	равно; равный	тэгш, тэнцюю
тенгиз	море	тэнгэс
тенгизчи	моряк	тэнгэсч
тепсерге	танцевать	дэвсэх — топать
тепси	стол	тэвш — корыто
тепшек	блюде	тэпшэ (бур.)
терезе	окно	терз (калм.)
терк	быстрый	тургэн
терс	неправильный	тэрс — враждеб- ный
тёбе	холм	дов
тёгерек	круг (луй)	тёгрөг — тугрик; круг
тёзерге	терпеть	тэсэх
тёлерге	платить	тёлөх
тёлев	платеж	тёлөх
тёлевчю	плательщик	тёлөгч
тёлю	поколение, приплод	тёл
тёр	почетное место	тёр — правило; тёрю — управле- ние
тёре	судья	тёрю — закон
тёрткюл	квадрат	дёрвёлжин
тёш	наковальня	дёш
тигим (лик)	угощение	текимлиг — буд- дийский монах
тил	язык	хэл
тирмен	мельница	тээрэм
тирменчи	мельник	тээрэмч
тобукъ	колени	тойг
тогъай	кольцо, обруч	тохой (б.-монг.) — изгиб реки
той	свадьба, пир	той
толкьун	волна	долгио (н)
тонаргъа	грабить	тонох
тоновул	грабеж	тонуул
тонавчу	грабитель	тонуулч
тонъкъайыргъа	опрокинуться	тонгойх — накло- няться

топ- усил. част.	пре-	тов-
топ(у)ракъ	глина	тоброг — пыль, прах
тор(у)	гнедой	хээр
тохтаргъа	останавливаться	тогтох — останав- ливать
тузакъ	силок, ловушка	тушаа — пути
тукъум	род, порода	тохм (калм.) — порода
тулу	темя	зулай
тулукъ	кожаный мешок	тулам
тунукъ	заложить (о носе)	танаа (б.-монг.) — носовая перегород- ка
турма	редька	тором
турна	журавль	тогоруу
туваргъа	родиться	тугаллах — телить- ся
туякъ	копыто	туурай
тыгъаргъа	совать	таглах, чихэх
тыйыншлы,	подходящий	тийиш — к, по
тийишли		направлению к
тынаргъа	успокоиться	тунах — оседать
тынгыларгъа	слушать	чагнах
тынгылавукъ	нёбо	тангалай (б.-монг.)
тырмашыв	старание, радение	чармайлт
тырнав	борона	тармуур — грабли
тыюгел-	кончатся	төгсгёл — оконча- ние
тыюб	низ, основание	тёв — центр
тыюе	верблюды	тэмээ(н)
тыюз	прямой	тёр — строй, ре- жим
тыююмчек,	заворот кишок,	тыюдэг — взду- вание живота;
тыююмек,	узел(ок)	клубок шерсти
къара тыю- юмчек		
тыюкюрюрге I	плевать	тыюхур
тыюкюрюрге II	заговаривать болезнь	тухирах — натрав- ливать
тыюмен	червонец, десять рублей	тыюэн — десять тысяч

тюн	явь
тюнъюч	первенец
тюр	вид
тюрсюн	вид, образ
тюш	полдень

туне — мрак
 дюн (г) — всего
 дюр, тёрх
 дюрс
 дюли — юг

У.

уллу	большой
улов	подвода
улургъа	выть
улху	взятка
ургъуй	комар
урлукъ	семя, семена
ув, ав	охота
уча, уца	туша
учукъ	обрывок нити
учхун	пепел
увуз	молозиво
уюкъ	бурки, валенки
уя	гнездо

олон — много
 улов
 улих
 хахууль
 хорхой — насеко-
 мое
 ураг — родствен-
 ник
 ав
 угуча (п.-монг) —
 задница
 учиг
 оч (ин) — искра
 уураг
 оймо (он)
 уйа — разбойничье
 гнездо

Х.

хайран	замученный
хайран бо- лургъа	измучиться
халекленирге	испачкаться
хан	хан
хар бир, бир	каждый
хуна	каменный забор
хурма (ки- тайск.)	хурма
хурулдаргъа	храпеть
хую, къую	колодец
хылтыр-	
хырылдаргъа	рычать, хрипеть

хайран — затра-
 ченный зря
 хайран — жаль,
 жалко
 халаглах — огор-
 чаться
 каган
 бюр
 хана (бур.)
 хурма
 хурхурах
 худаг
 халтар — грязный
 архирах, ирхрэх

Ч.

чабаргъа	бегать	давчих — рубить
чагъаргъа	искрить	цахих — сверкнуть
чайнаргъа	жевать	зажлах
чакъ	время, период	цаг
чакъгъан	искрящийся	саган — белый
чал	седой	цал буурал
чам	шутка	цам — религиоз- ный праздник
чамчы	шутник	цамч — монах — участник религиоз- ного праздника
чамланыргъа	повышать голос, сердиться	шамлах, шамлу- улах — засучивать рукава
чана	сани	цана — лыжи
чаначы	санник	цанач — лыжник
чанчхы	колики	санха (б.-монг.)
цара	деревянная чаша	цар
чачайыргъа	поперхнуться	цацах
чачакъ	бахрома	цацаг
чачакълы	имеющий бахрому	цацагт
чачаргъа	брызгать	цацах
чачыравукъ	угорь, чирей	сацраг — луч
чемер	мастер	цэвэр — красивый
чечек, чичек, цецек, цицек	цветок	цэцэг
чечен, цецен	красноречивый	цэцэн — умный
чөгереге	присесть	сэгтэх — стано- виться на колени
чөгюч	молоток	сюх — топор, се- кира
чөмюч	черпак	цом — чара
чий I	сырой	чийг — влага
чий II	циновка, лоза	чий — вишня
чилле	40 суток	степная
чимдерге	щипать	чилдийх — долго тянуться
чимдев	щипок	чимхлех, чимхех
чип- усил. част.	пре-	чимх — щепотка
Чолпан	Венера	чив-
чончайыргъа	торчать	Цолмон
		цогцойх

чох	род узла	цох — теменные бугры
чочургъа, цо- цургъа	лягаться	цочоох — пугать
чубар	пестрый	цоохор
чунгур	рытвина, ямочка	хонхор
чыбыкъ	лоза	шаваг — полынь
чыгъаргъа	выходить	чиглэх — направ- ляться
чыдаргъа	терпеть	чадах — суметь
чыдамлы	терпеливый	чадамгай — лов- кий
чыкъ	роса	чиг (калм.)
чына (чик)	локоть	шэгшэгэй (б.- монг.) — мизинец
чынты	усил. частица	чин — правильный
чынъ	самый	чин — твердый, непоколебимый
чырай, цырай	лицо, лик	царай
чырайлы	симпатичный	царайлаг
чюй	гвоздь	цовт

Ш.

шай	чай	цай
шекер	сахар	чихэр
шоргъа	лейка	цорго — горлышко; сорго (б.-монг.) — труба водосточная
шоркъа	ручей	сорго — труба
шох, шуёх	друг	шог — шутка
шыбыр-шубур	шушукание	шивэр-шовур
шыбырдаб	шёпотом	шовир-шувэр
шыбырдаргъа	шептать; шелестеть	шиврэх — моро- сить
шыша	бутылка	шил (эн)

Ы.

ынгырчакъ	ленчик, седло	йангирцак — вьюч- ное седло
ырнык	падалишный, дикий	зэрлэг — дикий
ышан	примета	жишээ (н)
ышаныргъа	верить	итгэх

Э.

эб	удобство	эв — лад
эгеч	сестра	эгч — старшая сестра
эгиз	близнец(ы)	ихэр
эл	село	айл
элек	сито	элхэг
элерге	просеивать	элгэхдех
эм, энг, усл. част.	самый	эн
эмеген	баба-яга, циклоп	эмгэн — старуха
эмилик	необъезженный	эмниг (б.-монг.)
эн I	ширина	энь, эн(г)
эн II	метка на ухе	им
энди	теперь	энд — здесь; эндр (калм.) — сегодня
эр	муж (чина)	эр
эрин	губа	уруул; эрюю(н) — нижняя челюсть
эрке	избалованный	эрх
эркелетирге	ласкать	эрхлююлэх
эркеч	козел-вожак	сэрх
эркинлик	право	эрх
эрлай	мигом, быстро; мужественно	эрд, эртэй — мужественный
эртде	рано	эрт(эн)
эртделерге	собраться	эртлэх
эртден	спозаранок	
эсен	утро	эрт(эн) — рано
эчки, эчки	здоровый	эсен — здоровье
	коза	ншиг

Ю.

юлгио	образец	юлгэр
юрерге	размножаться	юр — плод; семя; дитя
юркерге	испугаться	юргэх
юркютюрге	пугать	юргөөх (б.-монг.)
юрюрге	дуть	юлээх
юфкюрюрге	дуть	юлээх

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сокращения	5
Пометы	5
Условные обозначения	6
Транскрипция	6
Введение. К вопросу о тюрко-монгольском языковом родстве	7

Глава I.

Имена существительные	19
--	-----------

1. Названия частей тела человека и животных	19
2. Названия животных	27
3. Названия предметов и имена деятелей, образованные от них общими аффиксами	32
4. Названия продуктов питания, блюд и напитков	33
5. Названия болезней	35
6. Названия растений	36
7. Звукоподражательные слова	37
8. Названия местностей и неселенных пунктов	38
9. Названия явлений природы	42
10. Названия предметов обихода	44
11. Названия времен года и суток	47
12. Астрономические названия	47
13. Названия поверий	47
14. Названия металлов.	48
15. Названия родственных отношений	49
16. Прочие имена существительные	52

Глава II.

Имена прилагательные	61
---------------------------------------	-----------

Глава III.

Личные местоимения в карачаево-балкарском и монгольских языках	70
Местоимение 1 лица	70
Местоимение 2 лица	77

О звуке <i>н</i> в составе личных местоимений	80
<i>Н</i> — именное	81
<i>Н</i> — местоименное	93
Местоимение III лица	102
О звуке <i>л</i> на исходе местоимений <i>ол, бул, шул</i>	105
Притяжательные формы местоимений	125
Выводы по III главе	125

Глава IV.

Глаголы	128
-------------------	-----

Глава V.

Другие части речи	141
Имена числительные	141
Наречия и наречные слова	141
Послелogi	142
Усилительные частицы и слова	142
Модальные слова	143
Заключение	144
Приложение. Карачаево-балкарско-русско-монгольский словарь	149

Суюнчев Ханафи Идрисович

**Карачаево-балкарские
и монгольские
лексические параллели**

Редактор Н. М. Кагиева

Художник Т. Э. Джанибеков

Художественный редактор М. И. Бертник

Технический редактор М. Ф. Перепадя

Корректор В. И. Буяльская

Сдано в набор 1-ХІ-1976 г.
Подписано в печать 25-ХІ-1977 г.
Формат 84x108^{1/32}. Физ. п. л. 5,5.
Усл. л. 9,24. Уч.-изд. л. 8,73.
Тираж 400 экз. Заказ № 5160.
ВУ 58740. Цена 68 к.

Карачаево-Черкесское отделение
Ставропольского книжного издательства,
Черкесск, пл. Кирова, Дом печати.

Карачаево-Черкесская
областная типография,
Черкесск, Первомайская, 47.